

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 0321-0626

10₁₉₉₀

Мятежный атаман

„Строгий анализ своих прошлых поступков и действий привел меня к выводу, что гражданская война и борьба с Советами были глубоким заблуждением...”

Атаман АННЕНКОВ
20 апреля 1926 года

Неизвестное о развязке Карибского кризиса

Военная истерия накалилась до такой степени, что достаточно было произойти случайному столкновению на море или в воздухе, как могли начаться военные действия с непредсказуемыми последствиями.

В. Коротич:

„...Леонид Ильич [Брежнев] — замечательный воспитанник Революции, тот самый Маршал, который принес свой жезл в повседневном солдатском ранце...”

МИЛИТАРИСТ ка...я

60 коп.

Индекс 70137

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 0321-0626

10 1990 1-96

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

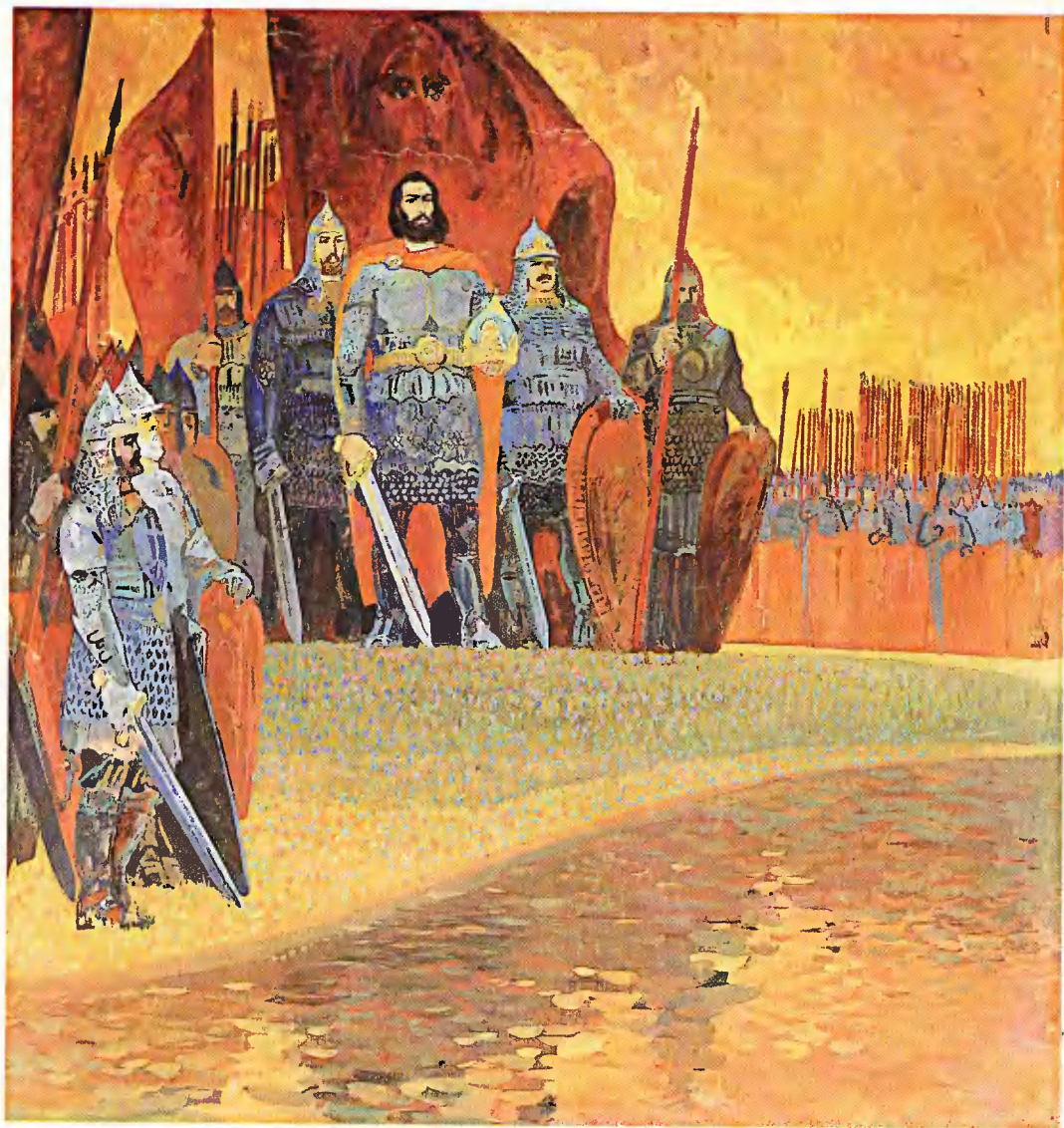
Подписка на наш журнал принимается всеми отделениями связи и органами "Союзпечати" без каких-либо ограничений и на любой срок.

В связи с тем что розничная продажа журнала, к сожалению, ограничена, советуем подписываться на наше издание заблаговременно.

Подписная цена: на год — 12 р.;

на 6 месяцев — 6 р.

В случае отказа в подписке просим сообщить в редакцию.

● В. П. КРИВОРУЧКО. Клятва.

ВОЗРОЖДЕНИЕ СОЮЗА КАЗАКОВ

Возрождению казачества — людей, добровольно принявших на себя обязанности по защите границ Отечества, был посвящен состоявшийся по инициативе Московского землячества учредительный Большой круг (съезд) Союза казаков.

Его участники, одетые в старинные казачьи наряды, традиционные для разных территорий нашей страны, представляли около восьмидесяти тысяч донских, кубанских, тарских, сибирских, уральских, амурских, забайкальских и других казаков.

Новый союз ставит своей целью возрождение историко-культурного наследия казаков, будет действовать на традиционных для казачества принципах демократии, православия, веротерпимости, уважения к национальным тра-

дициям всех народов, а также свободного хозяйственного развития.

— А не любо ли вам, братья-казаки, избрать атаманом нашего союза донского казака Александра Гавриловича Мартынова? — прозвучало в притихшем зале предложение офицера В. А. Латынина, сотрудника Воениздата.

— Любо! Любо! — отозвался хором зал.

На съезде создан совет атаманов, представляющий все существующие казачьи общества, а также выбрано атаманское правление, которое будет осуществлять исполнительные функции.

Используя лучшее, возродить славную историю казачества, создать новую славу казака-земледельца, казака-воина — постановили на казачьем круге.

Фото А. Е. ШАДРИНА

ОСНОВАН
В АВГУСТЕ
1939 ГОДА

Издается
ежемесячно

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ 10 1990 ЖУРНАЛ

Главный редактор
В. И. ФИЛАТОВ.

Редакционная коллегия

Н. Т. АКСЕНОВ
(ответственный
секретарь),
А. В. БЕТЕХТИН,
И. Н. ВЕНКОВ,
А. Ф. ГОЛОБОРДОВ,
А. Г. ЕВДОШЕНКО,
В. Т. ИМИНОВ,
С. Г. ИЩЕНКО
(заместитель
главного редактора),
П. Н. ЛАЩЕНКО,
В. Н. ЛОБОВ,
А. М. МАЙОРОВ,
С. В. ОГОРОДНИК,
В. Г. ОППОКОВ,
Р. М. ПОРТУГАЛЬСКИЙ,
К. Б. РАШ,
О. Д. ФЕДЮНИН.

Редактор по отделу
оформления
А. Е. ШАДРИН.

Художественный редактор
Л. П. ДЕМАХИНА.

Адрес редакции:
103160, Москва, К-160,
«Военно-исторический
журнал».
Тел. 296-44-87, 296-44-95,
296-45-01, 296-45-35.

Сдано в набор 9.08.1990.
Подписано к печати
19.10.1990.

Бумага 70×108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 8,4 + 0,35 вкл.
Уч.-изд. л. 11,3.
Усл. кр.-отт. 14.

Высокая печать.
Тираж 327 000 экз.
Зак. 1941. Цена 60 коп.
Ордена «Знак Почета»
типография газеты
«Красная звезда».
123826, Москва, Д-317.
Хорошевское шоссе, 38.

Рукописи не
возвращаются и
не рецензируются.

© «Военно-исторический
журнал», 1990.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»
Москва, 1990.

АРМИЯ И КУЛЬТУРА

Командир бригады
(Публикация Б. Е. ПЕСТОВА) 3

В ПОМОЩЬ ИЗУЧАЮЩИМ ВОЕННУЮ ИСТОРИЮ

В. И. ПРИБЫЛОВ — «Захват» или «воссоединение»? 13

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, СУЖДЕНИЯ, ВЕРСИИ

А. В. ПАВЛОВ — О главных причинах 24

ИЗ АРХИВОВ КГБ

Неизвестное о развязке Карибского кризиса 33

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Присяга на подданство России
(Публикация Т. А. ЛАПТЕВОЙ, Т. Б. СОЛОВЬЕВОЙ) 39

Н. Ф. ШАХМАГОНОВ — Российский военный гений 41

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

Л. А. САМУТИН — Не сотвори кумира 46

ИССЛЕДУЯ СУДЕБНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Н. Л. АНИСИМОВ, В. Г. ОППОКОВ — Слуга анархии
и порядка 56

ОСУЖДЕНЫ ПО ЗАКОНУ

Л. М. ЗАЙКА, В. А. БОБРЕНЕВ — Атаман Анненков 66

А. Е. БОРИСКИН — Лицеден 73

ПИСЬМА ОБ «ОГОНЬКЕ»

Виктор БУДАРИН — Кому доверили рычаги... 80

СПРАШИВАЕТЕ — ОТВЕЧАЕМ

Кто такой П. Г. Григоренно?
(Публикация В. К. ПЕТРОВА) 87

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О. К. ГРАЧЕВА — «Привет с фронта!» 93

* * *

Е. В. БЫКОВСКИЙ — Бородино — Ватерлоо: опыт ре-
конструкции 64

Э. П. ЕФРЕМОВ — Василий Криворучко 94

НАМ ПИШУТ 12, 63, 93

Читатель:

ПОДДЕРЖИВАЕТ

В наши дни, когда об армии, ее истории и перспективах берутся судить все — от медиков до поэтов, а клевета на Вооруженные Силы страны в определенных журналистских кругах возводится в ранг личной доблести, ваш журнал последовательно и целеустремленно отстаивает научный, свободный от конъюнктуры подход к военной истории. Ваши публикации оказывают большую помощь в воспитании личного состава, привитии военным служащим гордости за принадлежность к одной из самых героических и прогрессивных армий мира, обладающей славными боевыми традициями. Солдаты и сержанты с интересом слушают лекции и беседы о нашей военной истории, подготовленные по материалам журнала, задают много вопросов.

Майор В. РОГОЗА
(Западная группа войск)

ВЫСКАЗЫВАЕТ МНЕНИЕ

Вполне солидарен с письмом тов. Н. Толочко, напечатанным в вашем журнале № 5 за 1990 год в рубрике «Нам пишут».

Мне также пришлось служить в Прибалтике в послевоенные годы. Я ощущал на себе «ласку лесных братьев», особенно «братьев» Литвы. В одиночку ходить было нелегко — убьют, на глухой станции, если остался на ночь один, считай, тебя нет.

Так что же должно было делать наше правительство? Давать возможность бандитам убивать наших солдат и офицеров, которые освободили народы Прибалтийских республик от фашистского рабства?

Считаю, решение переселить семьи бандитов в другие регионы нашей страны, ликвидировать нити питания «лесных братьев» было правильным. Как же можно их называть репрессированными, если им давали грузовую автомашину на одну-две семьи, они грузили свое имущество и вывозили на железнодорожную станцию, грузили в вагоны и отправляли в восточные регионы нашей страны, а не в необитаемую тайгу. И они жили там не хуже, чем русские, украинцы, казахи и другие национальности, а сейчас считают себя сильно обиженными, хоть героев им присваивай и давай компенсацию. А что же должны сказать матери, жены, дети, чьи сыны, мужья и отцы погибли после войны от бандитской пули?

Михаил РЯБЕНКО
(г. Кировоград, УССР)

БЕЗ КОММЕНТАРИЯ

МЫ СОБРАЛИСЬ здесь в важнейший момент в том смысле, что за последние двенадцать месяцев, вероятно, произошло больше перемен, чем за аналогичный период в последние 45 лет... Пала Берлинская стена, и затем на протяжении прошлого года мы были свидетелями развала Варшавского Договора, прихода к власти в результате выборов демократических некоммунистических правительств в большинстве стран Восточной Европы.

Успех, который пришел к нам, важнейшие итоги, которые мы с радостью наблюдали на протяжении примерно последнего года, на мой взгляд, являются прямым результатом готовности США обеспечивать в период после окончания второй мировой войны свое активное и энергичное присутствие во всем мире.

(Из выступления министра обороны США Р. Чейни перед членами Ассоциации ВВС 17 сентября в Вашингтоне)

...ЮЖНАЯ МАФИЯ имеет тесные контакты с закордонными разведслужбами, что отвечает интересам составителей программы «М», рожденной в США в 1986 году, где одним из пунктов значится усиление контрабанды наркотиков и оружия в приграничных районах Советской Средней Азии... Какими же тайными тропами стволы американского и израильского производства проникают в нашу страну? По-видимому, теми же, что и новейшая радиоэлектронная техника, применяемая мафией в своей деятельности: многоканальные переносные радиостанции на микросхемах, подслушивающие устройства...

(В. Козырев, Мафия, наркотики и оружие // Ситуация. (рекламно-информационное издание журнала «На боевом посту» и военно-патриотического литературного объединения «Отечество») — 1990. — № 6, сентябрь)

Командир бригады

*«...Твердую опору и непоколебимую почву
для национального сознания и самопознания
всегда служит национальная История...»*

И. Е. ЗАБЕЛИН.

В 1913 ГОДУ в России была издана книга «Сказания о Русской Земле», автором которой был командир 2-й бригады 4-й пехотной дивизии генерал-майор Александр Дмитриевич Нечволодов. Интересна история ее написания.

А. Д. Нечволодов 19 февраля 1907 года высочайшим приказом был назначен на должность командира 58-го пехотного Прагского полка. 31 марта он прибыл к новому месту службы и приступил к исполнению обязанностей. В день вступления его в должность в двух батальонах — 1-м и 4-м, которые располагались в противоположных концах г. Николаева, солдаты отказались принимать пищу ввиду низкого ее качества.

Проанализировав обстановку, сложившуюся в полку, А. Д. Нечволодов провел большую работу по воспитанию личного состава, создал «Братство» при полковой церкви в целях духовно-нравственного просвещения солдат и оказания помощи их семьям. Для желающих была организована школа по ведению сельского хозяйства и устроено опытное поле, где солдаты учились выращивать сельскохозяйственные культуры. Одновременно с этими мероприятиями в полку со всеми солдатами по вечерам два раза в неделю проводились беседы по русской истории. К проведению занятий привлекались все без исключения офицеры полка.

Эти занятия навели А. Д. Нечволодова на мысль написать книгу по истории России, доступную для понимания малообразованным людям. И вот 23 мая 1909 года в свет выходит его первый труд «Сказания о Русской Земле».

Во введении А. Д. Нечволодов писал, что предлагаемая книга написана с целью дать

возможность каждому русскому человеку изучить жизнь и дела своих предков в давние времена. Изучение это, отмечал он, не только высокопоучительно, но и совершенно необходимо. Оно показывает нам, от каких смелых, мудрых и благородных людей мы исходим, какие великие труды были положены ими во имя создания нашей Родины и как обильно орошена их кровью каждая пядь русской земли. Вместе с тем изучение это показывает нам и путь, по которому мы должны идти, чтобы исполнить священную обязанность перед потомством — сохранить для него в полной неприкосновенности святое наследие наших предков — русскую землю (выделено мною.— Авт.).

В этом же 1909 году царь Николай II, ознакомившись с книгой, возложил на автора задачу разработать более обширный труд, составить общедоступную историю России.

24 мая 1911 года А. Д. Нечволодов представил вторую часть книги царю, находившемуся в это время в Царском Селе. Впоследствии при встрече автора книги с царем 1 декабря 1911 года в Ливадии последний сказал, что он читает книгу вслух императрице, и посоветовал следующее издание возможно полнее украсить рисунками, что автор и сделал. В 1913 году работа над книгой была завершена. Царь высоко оценил труд и посчитал необходимым принять все меры для самого широкого его распространения. Был издан циркуляр, в котором указывалось, кому необходимо иметь это издание и каковы условия его приобретения.

В августе 1913 года командующий главной императорской квартирой граф В. Б. Фредерикс разослал циркуляр всем главным начальникам ведомств (см. документ).

КОМАНДУЮЩИЙ
ИМПЕРАТОРСКОЙ ГЛАВНОЙ
КВАРТИРОЙ

(Всем Главным Начальникам Ведомств)

Милостивый государь!

Его Императорское Величество, придавая чрезвычайное значение вопросу основательного ознакомления населения Империи с прошлым Русского Государства, высочайше возложил в 1909 году на генерал-майора Нечволодова составление общедоступной Истории России.

Материал подготовлен по документам ЦГВИА СССР,

В настоящее время государь император лично ознакомился с первыми четырьмя частями составляемого названным генералом труда под заглавием «Сказания о Русской Земле», доведенного до избрания и венчания на царство Михаила Федоровича Романова, причем его величество признал необходимым принять все меры для самого широкого распространения этой книги, с которой должны быть особенно основательно знакомы, как имеющие наибольшее влияние на воспитание населения, все священники, все офицеры армии и флота и все народные учителя и учительницы с тем, чтобы черпать из нее материал для своих бесед как с паствой и нижними чинами, так и с детьми, обучающимися в школах.

Книга эта должна быть также хорошо известна каждому ученику среднего учебного заведения и иметься во всех библиотеках как при церквах империи, так и в библиотеках войсковых, школьно-народных, ученических классных и фундаментальных, равно как и во всех народных читальнях.

Уведомляя Ваше о таковой Высочайшей Воле для зависящего распоряжения, прошу об объявлении всем состоящим подведомственным Вам учреждениям прилагаемые льготные условия приобретения сей книги, напечатанной государственной типографией в двух изданиях: роскошном — для библиотек полковых, фундаментальных и др. и простом.

Вместе с тем прошу Ваше сообщить мне к 1 июля 1914 года для доклада его величеству об общем количестве всех подведомственных Вам библиотек различного рода наименования, как правительственных, так и при учреждениях, содержащихся за счет земств, благотворительных обществ, фабрик, заводов и пр., которые не выписали означенной книги.

Прошу принять уверение в совершенном уважении и преданности.
П р и л о ж е н и е . У с л о в и я .

У С Л О В И Я

для льготного приобретения составленной и издаваемой по Высочайшему повелению генерал-майором Нечволодовым общедоступной истории России под заглавием «Сказания о Русской Земле»

(Труд этот излагает историю России в связи с историей Польши и Литвы, а также и в связи с важнейшими событиями мировой истории).

В настоящее время вышли в свет четыре части означенной книги, отпечатанные государственной типографией двумя изданиями:

1) **роскошным** — для библиотек войсковых, фундаментальных высших и средних учебных заведений и частных, формата в четвертую долю листа, на превосходной веленовой бумаге цвета крем, с рисунками художественно исполненными двухтоновой сепией и

2) **простым**, несколько меньшего формата, на плотной белой бумаге, с теми же рисунками и приложениями, что и в роскошном издании, но отпечатанными черной краской.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫШЕДШИХ ЧАСТЕЙ:

Первая часть

С древнейших времен до расцвета русского могущества при Ярославе Мудром — 320 стр., 266 рисунков в тексте и карта.

Вторая часть

От разделения власти на Руси при преемниках Ярослава Мудрого до конца великого княжения Дмитрия Иоанновича Донского — 488 стр., 427 рисунков в тексте, родословная таблица и карта.

Третья часть

Образование Московского государства при преемниках Дмитрия Иоанновича Донского — 236 стр., 282 рисунка в тексте и карта.

Четвертая часть

Иоанн Грозный и смутное время. Избрание на царство Михаила Федоровича Романова — 640 стр. и 409 рисунков в тексте.

Всего во всех частях около 1800 страниц текста и 1500 рисунков. Значительная часть рисунков представляет воспроизведение миниатюр XIV, XV, XVI и XVII веков, из коих большинство впервые появляются в свет: из Царственного летописца, Царственной книги, Радзивилловской летописи, Казанского летописца и лицевой Сибирской (Кунгурской) летописи; из лицевых житий Св. Николая Чудотворца, Св. Бориса и Глеба, Св. Всеволода-Гавриила, Св. Сергия Радонежского, Св. Нифонта Сийского, Св. Зосима и Савватия, Св. Гурия и Варсонофия, Св. Царевича Дмитрия и др.; также с древних рукописей греческих, болгарских, джагатайских, китайских и др.; со стенописи старинных храмов, со скифских и византийских древностей, с изображений икон, вкладов, грамот и пр., хранящихся в ризницах Троицко-Сергиевской и Киево-Печерской лавр, в Псково-Печерском, Кирилло-Белозерском, Иосифо-Волоколамском, Суздальско-Покровском и др. монастырях; в императорских: музеях имени императора Александра III в С.-Петербурге и Москве, Академии наук, Академии художеств, Эрмитаже, в Московской Оружейной палате, в Главном Москов-

ском Архиве Министерства иностранных дел, в музее П. И. Щукина в Москве и др. Кроме того, имеется значительное количество снимков с современных портретов, картин, рукописей и печатей, имеющих отношение к Русской Истории и хранящихся в датских и шведских королевских замках, в Британском музее, в Лондонской Национальной галерее, в галерее Уфици во Флоренции, в французском Национальном музее и пр.; в Несвижском замке князей Радзивилл, в замке Вишневец, в замке Вилянове, в библиотеках графов Замойских и Красинских в Варшаве и др. Вместе с тем, в книге приведены снимки с произведений всех новейших художников, относящихся к Русской истории.

Главный склад издания: Книжный магазин «Нового Времени» — С.-Петербург, Невский пр., д. 40.

Роскошное издание продается по цене **36 руб.** за все четыре части, причем всем лицам, состоящим на государственной службе, допускается **рассрочка** на год, при выписывании книги через подлежащее начальство и казначеев, с уплатой по три руб. в месяц. Обложка для переплетов и форзацы (бумага для внутренней оклейки переплетов, в виде русской ткани XV века) высылаются за **4 рубля**.

По получении первого взноса высылаются все четыре части.

Простое издание продается по цене **2 рубля** за каждую часть.

Всем лицам, состоящим на государственной службе, при выписке **всех четырех частей** простого издания через подлежащее начальство и казначеев допускается **рассрочка** на восемь месяцев с уплатой денег **в четыре срока**, причем так же, как и выписавшим роскошное издание, **все четыре части высылаются по получении первого взноса**.

Все учебные заведения, выписывающие не менее 100 экземпляров простого издания, пользуются скидкой в 20 проц.

Кроме роскошного издания имеется отпечатанное на палевой меловой бумаге в количестве тридцати экземпляров, из коих каждый нумерован. Цена экземпляра 120 руб. Лицам, состоящим на государственной службе, при выписке через подлежащее начальство и казначеев, допускается **рассрочка** с уплатой по десяти рублей в месяц.

КАК И ПРЕДПИСЫВАЛОСЬ циркуляром, к 1 июля 1914 года командующему императорской главной квартирой главные начальники ведомств доложили о результатах подписки на книгу Нечволодова. Так, военный министр В. А. Сухомлинов писал: «На письмо Вашего Сиятельства от 5 августа 1913 года за № 3321 имею честь сообщить, что согласно Высочайшей Его Императорского Величества воле книга генерал-майора Нечволодова под названием «Сказания о Русской Земле» в настоящее время выписана библиотеками всех войсковых частей и учреждений военного ведомства. Прошу Ваше Сиятельство принять уверение в глубоком моем уважении и преданности».

Однако не все гладко было, как кажется на первый взгляд, при издании книги. Так, 18 февраля 1914 года фрейлина царицы Т. П. Мятлева обратилась к военному министру с жалобой по поводу того, что якобы А. Д. Нечволодов украл у нее идею создания книги. Она писала, что осенью 1909 года, когда она начала писать книгу, на юге с ней случайно встретился господин, которого она до этого не знала. Он явился свидетелем начала ее работы. В то время, по ее словам, она находилась там, где производились раскопки древних курганов, и старалась собрать необходимый материал для книги. В присутствии этого господина она не раз излагала мысли и чувства, побуждавшие написать этот труд. Военный мундир, а также встреча у общих знакомых заставляли относиться к нему с полным доверием.

Кроме того, писала Т. П. Мятлева, она так была увлечена своей мыслью и нача-

той работой, что отзывалась очень охотно на интерес к ней в среде окружающих. Далее она писала, что по возвращении в Петербург ее новым знакомый, будучи там проездом, явился к ней и продолжал расспросы об иллюстрациях, источниках и вообще о работе над книгой, вплоть до просьбы прислать ему ее подробный план с целью частичного разделения с ней труда, в чем она ему наотрез отказала.

«Весною 1910 г., — писала Т. П. Мятлева, — вышла из печати первая книжка А. Д. Нечволодова под названием «Сказания о Русской Земле»... Я поняла слишком поздно свою неосторожность и несчастную случайность, не только не заставившую меня, однако, бросить в отчаянии собственный труд мой, по ничьей другой, а лично мне принадлежащей мысли, — но стала его продолжать с особенным напряжением ума и воли, раз что всего плана полностью, по счастью, я никому не дала и мое «я» оставалось при мне с поставленной мною себе задачей и непосредственным выражением связанных с нею мыслей».

В заключение она просила: «Может быть, по всеподданнейшему докладу Вашему Его Величество Государь Император и удостоит труд мой всемилостивейшим разрешением свободного выбора земствами и учебными заведениями между моею книгой «Истории русской страны с древнейших времен» и у меня в основе своей заимствованным произведением Нечволодова».

В связи с этим обвинением А. Д. Нечволодов был вынужден давать объяснение военному министру (см. документ).

Объяснение на письмо фрейлины Их Величества Государыни Императрицы
Т. П. Мятлевой на имя военного министра
от 18 февраля 1914 года

Госпожа Мятлева обвиняет меня в предательском присвоении мною путем коварных и ловких расспросов, пользуясь ее доверчивостью и простодушием, лично принадлежащей ей идеи и плана ее выполнения — написать историю России в патристическом духе.

Не входя в подробный разбор означенного письма, я считаю достаточным высказать нижеследующее в доказательство того, что фрейлина Мятлева ошибается в своих обвинениях и подозрениях:

I. Идея написать историю России в патристическом духе не является новой, и ее стремились осуществить за истекшее столетие весьма многие, начиная с Н. М. Карамзина, вплоть до С. М. Соловьева, И. Е. Забелина, Д. И. Иловайского и др., причем никто не считал эту идею своею монополией.

План работ всех историков также имеет одно основание — излагать события в хронологическом порядке, и только способы его выполнения различны в зависимости от личных качеств каждого исполнителя.

Такого же хронологического порядка изложения держался и я, причем не могу считать это заимствованием у госпожи Мятлевой. Способы же выполнения поставленной нами обоими себе задачи различны. Так, между прочим, у госпожи Мятлевой много отведено места каменному веку, у меня же про него не говорится ни слова. У меня события до убийства Аскольда и Дира занимают даже в последнем дополненном издании 98 страниц, на которых кроме текста размещено и 90 рисунков; а у г. Мятлевой события до убийства Аскольда и Дира обнимают собой все три выпуска первой части, имеющей 343 страницы, без рисунков в тексте, почему мой труд является по замыслу значительно сокращеннее трудов Карамзина и Соловьева, а труд госпожи Мятлевой, судя по первой ее части, значительно обширнее произведений этих писателей. Моя книга не приспособлена к чтению с волшебным фонарем; в первой же части книги г. Мятлевой имеется указание на 137 картин, из которых приложено только 22 вне текста, а остальные 115 должны быть показаны читателю для полного уразумения прочитанного на экране, как это, например, ясно видно хотя бы на странице 24 первого выпуска первой части ее труда, где на полях мелким шрифтом значится: «36 / Изображение медных топоров — цельт», а против этой надписи — в тексте говорится: «А вот на холсте перед Вами изображение более совершенного прикреплении к рукоятке медного поперечного топора с утонченной тульей без скважины», но изображения этого холста или топора с утонченной тульей без скважины в книге не имеется. В моем труде я старался по возможности приводить рисунки к памятникам древности: оружия, зданий, утвари, монет и проч. или с картин знаменитых русских художников — Васнецова, Нестерова и др.; в книге же госпожи Мятлевой все рисунки, как она сама объясняет, «впервые зарисованы» по ее заказу «молодыми художниками императорской академии» и снабжены подписью: «Собственность Т. П. Мятлевой».

II. Госпожа Мятлева пишет военному министру: «что осенью 1909 года, когда я начала писать мою книгу, случайно встретился со мной на юге, в имении у одних общих знакомых до тех пор совершенно незнакомый мне господин, который там, к сожалению, явился свидетелем начала моей работы, так как в этой местности, близкой к раскопкам древних курганов, я старалась собрать необходимый мне материал в книгах и частных сведениях, почему в присутствии его не раз излагала все, побуждавшие меня к ней мысли и чувства, о которых затем он начал подробно меня расспрашивать»; а потом говорит: «Весною 1910 года вышла из печати первая книжка А. Д. Нечволодова, под названием «Сказания о Русской Земле»...

Говоря это, госпожа Мятлева, очевидно, имеет в виду мою книгу «Сказания о Русской Земле с древнейших времен до расцвета Русского могущества при Ярославе Мудром», изданную в 1910 году в Петербурге в виде бесплатного приложения к «Сельскому Вестнику», и не знает того, что, как это видно из приложенной при сем справки книжного магазина «Нового Времени», в официальной «Книжной Летописи Главного управления по делам печати» уже 23 мая 1909 года, то есть за полгода, как госпожа Мятлева согласно ее указанию приступила к своей работе, было объявлено о выходе той же самой книги, написанной мною, но изданной в г. Николаеве Братством при Свято-Николаевской церкви 58-го пехотного Прагского полка.

III. В приведенной выше выдержке из письма г. Мятлевой она утверждает, что я в 1909 году был свидетелем начала ее работ в местности, близкой к раскопкам древних курганов, причем я производил подробные расспросы об этих работах.

Между тем из приложенного при сем письма на мое имя от 15 марта 1914 года члена императорской археологической комиссии и ее ученого секретаря Б. В. Фармаковского явствует, что уже в половине августа 1908 года я не только сам посетил раскопки Ольвии, но счел нужным совершить туда 45-верстный переход из города Николаева с 58-м пехотным Прагским полком, коим командовал, чтобы подробно ознакомить нижних чинов полка с этими раскопками.

Обстоятельство это показывает, что я раньше моей встречи с г. Мятлевой интересовался отечественной археологией и имел полную возможность получить совершенно исчерпывающие предмет указания о материалах и источниках по русским древностям от г. Фармаковского и его сотрудников, а не прибегать для этой цели к предательским вопросам в моих разговорах с г. Мятлевой.

IV. Госпожа Мятлева утверждает, что она начала писать свою книгу осенью 1909 года и тогда же встретила со мною.

Между тем, как это можно убедиться на основании приказов по бывшей 65-й (ныне 51-й) пехотной дивизии, а также на основании приказов по 208-му пехотному Лорийскому полку, с 14 августа по 1 ноября 1909 года я состоял налицо при штабе 65-й пехотной дивизии в гор. Кутаиси, командуя бригадой, а затем выступил с командой разведчиков Лорийского полка из урочища Лагодехи на охоту на Главный Кавказский хребет в Дагестан, каковая охота закончилась в половине декабря. Поэтому осенью 1909 года я вовсе не мог посещать каких-либо имений на юге России и видеть госпожу Мятлеву при начале ее работ в местности, близкой к раскопкам древних курганов.

Встреча моя с г. Мятлевой произошла между 1 и 8 октября 1908 года (копия приказа по Прагскому полку 1908 года № 146) в имении Трикраты Херсонской губернии, принадлежащем камер-юнкеру В. В. Скаржинскому, близ коего никаких раскопок не производилось как в 1908 году, так вообще и по настоящее время, что мне лично заявил при встрече 12 марта сего года означенный камер-юнкер Скаржинский и в чем весьма легко можно убедиться путем надлежащих официальных сношений.

Из упомянутого выше письма Б. В. Фармаковского явствует, что ближайшими раскопками к имению Трикраты в 1908 году являлись раскопки Ольвии и острова Березани, а пункты эти, как видно из прилагаемой карты, находятся на расстоянии около ста пятидесяти верст от места нашей встречи с госпожой Мятлевой, то есть на таком же расстоянии, на каком расположена Москва от Твери, с той существенной разницей, что между Москвою и Тверью имеется железная дорога, а чтобы добраться из Трикрат в Ольвию, необходимо употребить два дня на дорогу. Очевидно, что встреча моя в 1908 году с г. Мятлевой в имении г. Скаржинского не могла иметь ни малейшей связи с ее работами вблизи раскопок древних курганов и из нас двух скорее я, чем она, мог рассказать ей что-нибудь по поводу посещения мною в августе того же 1908 года вместе с полком раскопок Ольвии.

V. Утверждение госпожи Мятлевой, что, познакомившись с ней осенью, я к весне следующего года выступил в свет свою книгу, которую начал писать после того, как выведал у нее всю обстановку ее труда и весь подробный план, является при ближайшем рассмотрении явно несоответственным, как по самому характеру исполнения моей работы, резко отличающейся от мятлевской, так и потому, что совершенно невозможно исполнить подобный труд в столь короткий срок, принимая во внимание, что в то же самое время я командовал полком, был председателем комиссии по постройке казарм, должен был заново составить весь мобилизационный план полка со всеми к нему приложениями, неоднократно вызывался в Одессу на аттестационное совещание, на военную игру и по другим делам службы, должен был успеть побывать «проездом в Петербурге», чтобы, по словам г. Мятлевой, продолжать свои «расспросы: об иллюстрациях, об источниках и вообще об всей обстановке труда», собрать эти источники, изучить их, написать книгу, заготовить рисунки и клише к ним, сдать свой труд в типографию и получить его отпечатанным и сброшюрованным в количестве 6000 экземпляров к 29 апреля 1909 года, как это подтверждается прилагаемой при сем справкой из типографии бр. Белолипских в Николаеве.

Идея написать часть русской истории в патриотическом духе и общедоступном изложении была внушена мне не тем, что я будто бы был случайным свидетелем начала археологических изысканий госпожи Мятлевой в окрестностях имения камер-юнкера Скаржинского, а той обстановкой, которая сложилась для меня во время командования мною 58-м пехотным Прагским полком.

Я принял полк в начале 1907 года, и тотчас же после моего вступления в должность, в один и тот же день и час, в 1-м и 4-м батальонах, расположенных в противоположных концах города, вспыхнуло неудовольствие нижних чинов пищей; они выливали ее с криками «Ура» в котлы и объявили, что бастуют обедать.

Произведенное расследование выяснило, что в среде нижних чинов находится несколько агитаторов, так как около трети новобранцев ежегодно поступало в полк из Славяно-Сербского уезда Екатеринославской губернии из числа рабочих различных горно-заводских предприятий, причем значительная часть этих новобранцев принадлежала к разного рода социалистическим организациям. Прибыв в полк, они быстро входили в сношения с таковыми же организациями г. Николаева, чему способствовало крайне разбросанное расположение полка по частным казармам, и пытались затем вести преступную пропаганду среди остальных чинов полка.

Выработав после упомянутого происшествия совместно со старшими офицерами ряд мер для установления строжайшего внутреннего порядка, я вместе с тем пригласил весь корпус офицеров употребить, памятуя присягу, все наши силы на соответствующее воспитание нижних чинов и встретил в этом самую горячую поддержку.

Скоро образовалось Братство при церкви полка в целях духовно-нравственного просвещения нижних чинов и оказания материальной помощи их семьям; было устроено опытное поле и открыты для желающих лекции по сельскому хозяйству — в видах противодействия пропаганде о насильственном отчуждении земли у помещиков. Одновременно с этим начался ряд бесед с нижними чинами на темы из русской истории; для большего успеха этого дела два раза в неделю по вечерам все без исключения офицеры полка собирались и делали по очереди доклады по военной истории, преимущественно русской, причем мною был избран предметом изучения древнейший исторический период жизни нашей страны.

Таким путем я стал собирать материалы по этому вопросу, а затем и писать мою книгу в целях поддержать доходом от ее издания средства основанного Братства.

Прилагаемые при сем приказы по 15-й пехотной дивизии и по войскам 8-го армейского корпуса могут служить доказательством справедливости настоящих моих объяснений на письмо военному министру от 18 февраля сего года фрейлины их величества государыни императрицы Т. П. Мятлевой.

Командир 2-й бригады 4-й пехотной дивизии
генерал-майор

Нечволодов.

ИТАК, несмотря на происки недоброжелателей, книга была издана. Первая и вторая части «Сказаний о Русской Земле» были одобрены и рекомендованы в качестве учебных пособий Августейшим Главнокомандующим войск гвардии и Петербургского военного округа, а также командующими войсками всех остальных военных округов для выписки во все полковые, ротные, эскадронные, сотенные, батальонные и другие библиотеки; определением Светлейшего правительствующего Синода — для приобретения в фундаментальные и ученические библиотеки духовно-учебных заведений, а также в библиотеки при церквях Российской Империи; определением училищного совета при Светлейшем Синоде — для библиотек школ церковно-учительских и второклассных, в также для учительских библиотек церковно-приходских школ; министерством народного просвещения — для преподавателей всех низших учебных заведений различных наименований, для внеклассного чтения учеников всех средних учебных заведений и для различного рода библиотек; ведомством учреждений императрицы Марии, министерствами: путей сообщения, торговли и промышленности, Главным управлением землеустройства и земледелия, Главным управлением военно-учебных заведений — для различного рода ведомственных ученических библиотек; Главным морским штабом — для судовых и экипажных библиотек; Комитетами попе-

чительства о народной трезвости — для народных читален и библиотек.

Таким образом, книга, освещающая историю России, была доведена до самого широкого круга читателей и сыграла большую роль в духовном и патриотическом воспитании.

Сложной и интересной была судьба автора книги. Александр Дмитриевич Нечволодов родился 25 марта 1864 года в семье дворянина Екатеринославской губернии. Семнадцатилетним юношей после окончания 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии он поступает в 3-е Александровское военное училище, через год покидает его и идет служить вольноопределяющимся 2-го разряда в лейб-гвардии Павловский полк. Весной 1882 года А. Д. Нечволодов сдает экстерном экзамены за полный курс военного училища, и в июле 1883 года ему присваивается первое офицерское звание подпрапорщик, а уже в августе этого же года — прапорщик. Служба А. Д. Нечволодова проходила в различных должностях, но, пожалуй, самый интересный период приходится на то время, когда он командовал 58-м пехотным Прагским полком. О том, какую работу он проводил в полку по повышению уровня боевой подготовки, укреплению воинской дисциплины, воспитанию и обучению солдат, красноречиво говорит приказ командира 15-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Безрадецкого, изданный по случаю присвоения А. Д. Нечволодову звания генерал-майор (см. документ).

ПРИКАЗ
по 15-й пехотной дивизии
гор. Одесса, 6 августа 1909 года
№ 167

Высочайшим приказом от 11 мая сего года командир 58-го пехотного Прагского полка полковник Нечволодов произведен в генерал-майоры с назначением командиром бригады 65-й пех[отной] дивизии. Расставаясь с генерал-майором Нечволодовым, считаю своим приятным долгом упомянуть о работе, которая была вы-

полнена им на пользу полка. Его постоянной заботой было поднятие и поддержание религиозно-нравственного и патриотического настроения среди чинов полка; производившиеся старшими начальниками и особо командированными лицами смотры каждый раз подтверждали, что строй, тактическая подготовка и стрельба стояли во все время командования полком полковником (ныне генерал-майором) Нечволодовым на надлежащей высоте. Стрельба в течение трех лет сряду отмечалась на инспекторских смотрах отлично. На последнем инспекторском смотре я убедился в прекрасном состоянии оружия, амуниции, обмундирования и внешней обстановки; кроме того, в трудной и сложной работе командира полка генерал-майор Нечволодов из небольшого досуга черпал время для осуществления еще двух задач. Так, в Прагском полку он основал Свято-Николаевское Братство при церкви полка, имеющее своей целью помочь раненым воинам. Популярно и в патриотическом духе составил и прекрасно издал в пользу Братства историю России с самых отдаленных времен жизни арийских племен. Для обучения нижних чинов родному для них сельскому хозяйству учредил в полку сельскохозяйственные курсы, устроил при лагере полка опытное поле, и теперь в местах, где раньше поднимались тучи песка, нижние чины обучаются уходу за хлебными растениями, приобретая те знания, какие им будут необходимы в их родной деревне. Принося от лица службы глубокоуважаемому Александру Дмитриевичу искреннюю благодарность за его полезную для полка деятельность, я от души желаю, чтобы результаты его благотворной работы в полку служили бы ему залогом будущих успехов в дальнейшей службе.

Начальник дивизии генерал-лейтенант
БЕЗРАДЕЦКИЙ.

В ПОСЛЕДСТВИИ А. Д. Нечволодов командовал пехотной бригадой, сводной дивизией. Будучи всю свою жизнь холостяком, он в 1896 году усыновил годовалого ребенка, воспитал его и дал образование.

За свою долгую службу Александр Дмитриевич был награжден орденами Святой Анны III степени, Святого Станислава III и II степени, серебряной медалью в память царствования императора Александра III, темно-бронзовой медалью за труды по первой всеобщей переписи населения Империи и светло-бронзовой медалью в память войны с Японией в 1904 и 1905 гг.

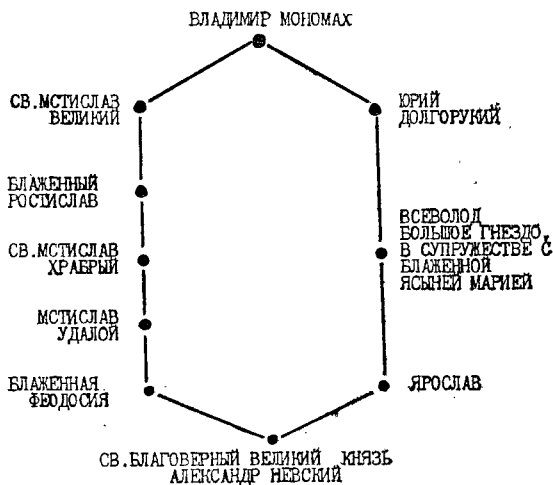
В сентябре 1914 года, когда А. Д. Нечволодов командовал 2-й пехотной бригадой 4-й пехотной дивизии на Северо-Западном фронте, его представили к увольнению без мундира, но с пенсией. Итак, прослужив 33 года в армии и написав книгу по истории России, он впал в немилость. Однако по ходатайству генерал-лейтенанта Рузского он не был уволен и продолжал службу в действующей армии. К сожалению, дальнейшая судьба генерал-майора А. Д. Нечволодова неизвестна.

Для того чтобы наши читатели смогли немного ознакомиться с трудом А. Д. Нечволодова, мы публикуем отрывок из шестой главы второй части, где он описывает битву великого князя Александра со шведами.

АЛЕКСАНДР Ярославич родился 30 мая 1219 года в Переяславле Залесском. По отцу и по матери он был прямым потомком славного Мономаха, причем в пле-

мени отца своего он имел таких предков и родичей, как Всеволод Большое Гнездо

и Андрей Боголюбский, а со стороны матери — блаженной Феодосии, женщины необыкновенно святой жизни, в нем текла кровь Святого Мстислава Великого, блаженного Ростислава Смоленского, Святого Мстислава Храброго и Мстислава Удалого.

Таким образом, Александр мог унаследовать от своих благородных и доблестных предков необыкновенное благочестие и горячую любовь к Родине, свойственные им всем; сострадательное сердце, отвагу, пылкость и блестящие военные способности от дедов и прадедов со стороны матери, и вместе с тем ясный и проникновенный ум и железную твердость воли в делах государственных как от мудрого деда по отцу — Всеволода Большое Гнездо, так и от отца своего — Ярослава.

Конечно, Александр с детства по обычаю своего времени стал получать обширное и

разностороннее образование; «от юного возраста и от молодых ногтей всякому делу благу научен быть»,— говорит про него летописец. При этом с юного же детства жизнь Александра стала протекать при необычайных и крайне тяжелых обстоятельствах. Едва войдя в возраст пяти лет, он должен был уже слышать о страшном Калкском побоище, где чуть не погиб его дед Мстислав Удалой. Затем мы видим, что отец Александра неоднократно оставлял его вместе со старшим братом Феодором и дядькой-кормильцем Феодором Даниловичем в Новгороде в те печальные времена, когда борьба сторон с кровавыми распрями на улицах шла в нем непрерывно; в Новгороде же пережил Александр страшный голод и следовавший затем мор; в нем слышал он постоянно о шведах, о литовских набегах и о все возрастающей силе немцев; о взятии последними Кукейноса, Герсика и Юрьева, о проявленных ими при этом коварстве, беспощадной жестокости и ненависти к православию и, наконец, об ужасном татарском погроме, лишившем его лично дяди Юрия с двоюродными братьями.

Эти необычайные события, пережитые им в детстве, повлияли бы, конечно, в высшей степени пагубно на человека слабого, но по отношению Александра они способствовали лишь к развитию и укреплению всех его богатых душевных сил: мужества, твердости, ясности взгляда на происходящие события, горячей любви к Родине и непоколебимой веры в Божественный Промысел.

Когда Александру исполнилось 17 лет и отец его уехал, как мы видели, на юг, то он был торжественно посажен в Софийском соборе на княжеском столе. Прекрасный по наружности, выше ростом всех остальных людей, с голосом, могучим, как труба, Александр очаровывал всех своим царственным видом и тогда уже поражал окружающих зрелостью и мудростью ума.

В это время как раз начальник Рижских рыцарей—магистр Андрей Вельвен, опытный и почтенный человек, имел свидание с Александром, без сомнения, по делам Ордена, с которым, как мы видели, у нас был заключен Ярославом выгодный мир в 1233 году. Этот Андрей Вельвен, вернувшись в Ригу, с изумлением говорил: «Я прошел многие страны, знаю свет, людей и государей, но видел и слушал Александра Новгородского с изумлением».

В 1239 году, когда Александру исполнилось двадцать лет, он женился на дочери полоцкого князя Бречислава—княжне Александре. Невеста принесла в приданое ту знаменитую икону Божией Матери, писанную, по преданию, Евангелистом Лукою, которая, как мы говорили, была получена ее родственницей—Святой Ефросинией Полоцкой от греческого императора. Свадьба была отпразднована в Торопце. Вернувшись с молодой супругой домой—в Новгород, Александр устроил второе брачное пиршество, или «кашу», как тогда говорили, так как на свадебных пирах того времени новобрачным всегда подавалась каша, приготовляемая с особыми обряда-

ми. Это было за год до грозного крестового похода шведов на русских.

Точно на магометан во Святую Землю с пением священных гимнов, с крестом впереди вошли шведские крестоносцы на свои корабли летом 1240 года. Переезд через Балтийское море до Або и от Або к устью Невы совершился вполне благополучно. Пылая ратным духом, знаменитый ярл Биргер рассчитывал прежде всего напасть на Ладогу и, ставши здесь твердой ногой, обрушиться на Новгород. Остановившись при устье реки Ижоры, Биргер, не сомневаясь в своей победе, «загордевся» и послал сказать Александру: «Выходи против меня, если можешь сопротивляться! Я уже здесь и пленю твою землю».

Получив этот надменный вызов и узнав об огромном воинстве пришельцев, расположившихся на берегу Невы, Александр «разгорелся сердцем», как говорит летописец.

Немедленно приказав собраться своей малочисленной дружине, он отправился в собор Святой Софии и, упав на колени перед алтарем, стал, проливая горячие слезы, возносить Господу свою усердную молитву: «Боже хвальный, Боже праведный, Боже великий и крепкий, Боже пречестный, сотворивший небо и землю и поставивший пределы языкам, и жити повелевший, не преступая в чужие части... И ныне Владыко прещедрый!.. слыши слова гордого варвара сего, похваляющегося разорить Святую Веру Православную и пролить хотя кровь христианскую. Призри с небес и виждь, и посети нас, винограда своего, и суди обидящих мя, и возбрани борющихся со мною, и прими оружие и щит, и стани в помощь мне, да не рекут враж наши, где есть Бог их? Ты бы еси Бог наш, и на Тя уповаем».

Принеся эту молитву и получив благословение епископа Спиридона, Александр, утирая слезы, стрившиеся из его прекрасных очей, вышел к собравшейся дружине и народу и объявил: «Братья! Не в силе Бог, а в правде! Вспомним слова псалмопевца: «сии во оружии и сии на конях, мы же во имя Господа Бога нашего призовем... Не убоимся множества ратных, яко с нами Бог». Слова эти, конечно, вызвали необычайное воодушевление.

Александр решил идти на врага немедленно, не ожидая ни сбора новгородцев, ни подкреплений от отца; он правильно определил своим проникновен-

ным военным взглядом, что только молниеносной быстротой и полной внезапностью можно победить огромное вражеское воинство.

«И поиде на них во ярости мужества своего, в мале вой своих, не дожда много вой своих с великою силою, но уповая на Святую Троицу. Жалостно и слышати, яко отец его, честный князь Ярослав Всеволодович, не бе ведал такового встания на сына своего милого, на великого князя Александра, никоимому бестъ вести, когда послати к отцу; а затем же и мнози новгородцы не совокупившеся, ускори понеже великий князь Александр Ярославич пойти против ратных», — говорит летописец.

Но при необыкновенной стремительности своего движения Александр шел со всеми военными предосторожностями, и при этом отнюдь не с завязанными глазами.

За шведами зорко следил некий Пелгусий, которому была поручена морская стража Финского побережья. Пелгусий этот был старшиной финского языческого племени ижоры, но сам ревностно исповедывал православие.

Когда утром 15 июля 1240 года Александр подходил к берегам Невы, то Пелгусий вышел ему навстречу; он точно определил количество приплывших крестоносцев, а также места их станов и, конечно, указал те пути, по которым к ним можно было подойти совершенно скрытно.

При этом Пелгусий рассказал Александру о чудном и страшном видении, которое он имел. «Всю ночь провел я без сна на берегу, наблюдая за врагами, — передавал он Александру так, чтобы их не слышали остальные. — На восходе солнца я услышал на воде сильный шум и увидел один насад (ладью) с гребцами. Посреди насада стояли в алых одеждах, положивши на рамена друг друга руки, Святые мученики Борис и Глеб, а гребцы, сидевшие в насаде, были «яко мглою одяны». И сказал Борис: «Брат Глеб! Вели грести, да поможем сроднику своему, великому князю Александру Ярославовичу». Увидя дивное видение и услышав святых мучеников, я стоял в трепете и ужасе, пока видение не исчезло из вида».

Конечно, сообщение Пелгусия было радостно встречено Александром. Приказав ему никому не говорить о виденном, он перешел реку Ижору и совершенно скрытно подошел к шведскому стану.

Затем, выстроив свое немногочисленное воинство, к которому присоединились в пути и ладожане, и призывая помощь Все-

вышнего, Александр смело ударил на врага, несясь впереди всех на своем борзом скакуне, в сияющих доспехах, грозный и прекрасный, подобный архангелу Михаилу, архистратигу небесных сил.

Шведы были расположены совершенно беспечно, так как не могли иметь и мысли о возможности нападения русских. Неожиданное появление наших отважных воинов, налетевших на них с громкими криками, произвело в шведском стане неописуемое смятение.

Скоро Александр увидел своего надменного врага — ярла Биргера. Юный герой устремился на него и своим копьем нанес Биргеру тяжелый удар по лицу, «возложил печать на лицо его», по выражению летописца.

Часть крестоносцев в ужасе бросилась к своим судам, спасаясь от убийственных ударов русских, прошедших насквозь весь вражеский стан; но другие оправились от внезапного нападения и стали оказывать упорнейшее сопротивление. Жестокий бой кипел до ночи. Наконец, Господь даровал нам полную победу.

Малочисленные соратники Александра, руководимые своим бесстрашным вождем, сказали в этот день чудеса храбрости.

Особенно отличились шесть человек, как об этом рассказывал после битвы сам Александр: доблестный витязь Гавриил Олексич прорубился до шведского корабля; видя, что на корабль этот по доске несут на руках сына Биргера, Гавриил въехал на него верхом по той же доске, а когда шведы сбросили эту доску вместе с ним и конем в воду, то он снова кинулся к судну и так крепко бился, что убил находившегося на нем воеводу и латинского епископа. Второй был новгородец Сбысла Якунович: он много раз въезжал в

самые густые полчища неприятеля с одним только топором и бесстрашно рассекал густые толпы противников. Третий — Яков Полочанин, ловчий князя, один ударил со своим мечом на целый неприятельский полк и так мужественно и крепко поражал их, что заслужил личную похвалу Александра. Четвертый — новгородец именем Миша, собрав дружину соратников, пеший бросился в море и погубил три шведских корабля. Пятый — отрок Александра — Савва наехал на большой златоверхий шатер Биргера и, подсекши под ним столб, уронил его, чем возвестил русским победу. Наконец, шестой был доблестный слуга Александра — Ратмир; он мужественно бился пеший и погиб от ран, врубившись в толпу шведов.

Потери наши были изумительно малы — всего с ладожанами двадцать человек! Этим ничтожным потерям дивились даже и современники.

Темная ночь спасла остатки шведов. Они не хотели ждать утра и поспешили уйти, нагрузив три корабля телами одних только убитых знатных воинов, в том числе и главного воеводы их Спиридония и епископа. Вероятно, потери шведов были так велики потому, что они не успели надеть свои доспехи, когда на них внезапно напал Александр. Так печально окончился грозный крестовый поход, предпринятый папой против Православия и Руси, благодаря блистательной победе Александра, одержанной на берегах Невы 15 июля 1240 года, в день святого равноапостольного князя Владимира и святых и праведных Кирика и Улиты.

За эту победу благодарное потомство дало ему наименование Невского».

*Публикация
подполковника Б. Е. ПЕСТОВА*

Я — ветеран Вооруженных Сил, постоянный подписчик и почитатель вашего журнала. Однако вынужден отнестись к подписки на 1991 год. Теперь, после повышения цены, она мне не по карману. Ведь я инвалид второй группы, да и подрабатывать по состоянию здоровья не могу. Расстаюсь с сожалением.

С. М. КОВТАЧ
(г. Киев)

ОТ РЕДАКЦИИ. Пока наши погрязшие в бесконечных дебатах депутаты решают, каким путем безопаснее и быстрее идти к рынку, непрерывно растущие цены уже многих взяли за горло. Невозможно без сострадания читать подобные письма, а их в нашей почте уже немало, ибо понимаешь, что люди действительно с болью в душе отказываются от столь необходимого им в наше сложное время журнала-единомышленника. А что можем мы? Почти ничего, ибо ведомства-монопольисты по-прежнему диктуют свои условия. Но вот С. М. Ковтачу, письмо которого всех нас глубоко задело, решили помочь. Из скромных редакционных средств мы в порядке исключения оформили Сергею Михайловичу подписку на весь 1991 год. Не хочется расставаться с друзьями!

«Захват» или «воссоединение»?

(Зарубежные историки о 17 сентября 1939 г.)

В СВЯЗИ со стремлением польских властей изменить структуру народонаселения на западноукраинских и западнобелорусских землях в пользу поляков исследователи особо отмечают так называемое осадничество — переселение на эти земли поляков из Центральной Польши. В целом, как отмечает А. Бергман, осадничество еще более обострило межнациональные отношения, так как наделение поляков земель осуществлялось при явной дискриминации местных жителей. Фактически в двадцатых годах, пишет она, в Западной Белоруссии постоянно наблюдалось чрезвычайное положение. Одной из главных задач созданного в 1924 году Корпуса Пограничной Охраны (Korpus Ochrony Pogranicznej — KOP) на восточных границах довоенной Польши было «сдерживание» украинского и белорусского национальных меньшинств. Показательно, что концентрационный лагерь «для неблагонадежных» в Западной Белоруссии, в Березе Картузской, был открыт одним из первых в Европе, в 1934 году, а в Бяла-Подляске — в 1936 году.

Такое явление польской действительности межвоенного двадцатилетия, как «пацификации», т. е. усмирение белорусского и украинского населения при помощи вооруженных сил, сопровождавшееся актами насилия, разрушением жилищ, террором, было, пожалуй, в Европе того периода явлением уникальным. Пацификации явились следствием развития польско-украинских отношений в предшествующие десятилетия, считает С. Хорак. «В известном смысле украинцы считали себя в состоянии постоянной войны с поляками», — заключает этот автор. В некоторых районах Западной Белоруссии, констатирует в свою очередь К. Фармер, в 1930 году дело дошло до «самой острой гражданской войны... Во всех слоях белорусского общества антипольские настроения продолжали нарастать».

В целом можно констатировать, что все зарубежные исследователи, занимавшиеся изучением национального вопроса в довоенной Польше, оценивают негативно результаты проводившейся польскими правительствами национальной политики. Она не только не достигла ставившихся целей, но привела к противоположным, ожидавшимся

властями результатам — росту национального самосознания украинского и белорусского народов, ожесточенному сопротивлению полонизации, когда дело доходило до актов насилия с обеих сторон. Эта политика, считает А. Ролле, не позволила интегрировать национальные меньшинства в Польское государство, не говоря уж о том, чтобы интегрировать их в польскую нацию, а межнациональные противоречия стали главным внутренним конфликтом и одной из важнейших причин ослабления Польши.

Известный французский историк Ж. Б. Дюрозель писал в предисловии к изданной в Париже в 1957 году книге «Европейские границы СССР»: «Невозможно отделить изучение границ от дипломатической истории, взаимоотношений, существующих между государствами, которые эти границы разделяют».

В том, что касается отношений между Польшей и СССР, как отмечал А. Ш. Розе, «если период, который заканчивается 1923 годом...¹ обеспечил Польше территорию, которую она считала для себя жизненно необходимой, он в то же время оставил ей тяжелое наследство в политическом плане: распри с большинством соседей, трудности с союзниками и обстановку внутри страны, делавшую возможными антипольские выступления»². Практически все зарубежные историки, занимавшиеся изучением польской внешней политики межвоенного периода, констатируют тот факт, что она была откровенно враждебной по отношению к Советскому Союзу. Характерно, что за день до подписания Рижского мирного договора 1921 года во все польские дипломатические миссии за границей министерством иностранных дел была разослана инструкция, в которой определялось направление будущей польской политики по отношению к восточным соседям Польши. «Следует и дальше поддерживать враждебные Советской России элементы, как русские, так и украинские, белорусские и кавказские... — говорилось в ней. — Наши интересы на востоке не кончаются на линии наших границ... Нам... безразлична судьба

¹ Решение Конференции послов по поводу польских границ на востоке.

² Rosé A. Ch La Politique polonaise entre les deux guerres. Neuchâtel. — 1945. — P. 31.

земель исторической Речи Посполитой, отделенных от нас будущим Рижским договором»³.

В этих условиях становится понятной подозрительность Москвы по отношению к польской политике, отмечает польский историк С. Микulich. Агрессия воссозданного польского государства против советских республик, насильственный захват части украинских и белорусских земель — все это не могло не наложить отпечаток на взаимоотношения между двумя соседними государствами. Английский историк Н. Ачерсон отмечает по этому поводу, что «Советской России, которая начинала с того, что провозгласила право Польши на независимость и аннулировала Договоры о разделах, теперь приходилось возвращаться к прежним подозрениям относительно поляков как нации агрессивных земельных магнатов, фанатичных католиков, стремящихся к уничтожению русского государства»⁴.

Политика, направленная на колонизацию украинцев и белорусов, и в этой связи — неприкрытое нарушение условий Рижского договора, непрекращавшиеся усмирения и панификации с применением армии также мало способствовали налаживанию добрососедских отношений. По мнению В. Т. Ковальского, с которым, думается, трудно не согласиться, при сложившихся обстоятельствах «не могло быть и речи о том, что польско-советские отношения опирались бы на каких-то долговременных основах, скорее наоборот, между двумя государствами образовалась глубокая пропасть»⁵.

Как известно, официальный тезис польской дипломатии гласил, что Польша придерживается политики равновесия по отношению к своим соседям — Советскому Союзу и Германии. Однако большинство как польских, так и западных историков указывает, что в действительности Пилсудский проводил линию на сближение, а после прихода к власти Гитлера — на сотрудничество с Германией. В то время, как гитлеровское руководство, пишет профессор Джорджтаунского университета (США) Я. Карский, рассматривало Польшу только как будущего вассала Германии, Пилсудский был единственным человеком, который верил в сотрудничество между двумя этими странами.

Широко распространенным является в зарубежной историографии мнение о том, что пресмник Пилсудского на посту руководителя польской внешней политики Ю. Бек далеко отошел от так называемого равновесия в сторону сотрудничества с гитлеровской Германией. Даже французский исследователь А. Ролле, который в своей книге «Польша в XX веке» если и не оправдывает, то пытается как-то обосновать политику, проводившуюся польским министром иностранных дел, вынужден тем не менее констатировать, что Ю. Бек не придерживался «политики балансирования», проявляя сдержанность по отношению к

советским инициативам, он демонстрировал благожелательность в отношении предложений Гитлера и, пожалуй, даже принимал в них участие»⁶. В. Т. Ковальский, также придерживающийся точки зрения, что склоняющаяся в сторону Берлина политика Бека не может быть квалифицирована как «политика равновесия»⁷. Польши между СССР и Германией, приводит слова другого польского историка, специалиста в области германо-польских отношений Е. Крауцко, считающего, что если Бек и проводил политику балансирования, то это было балансирование между Германией и Францией, а не между Германией и СССР.

В том, что касается политики в отношении Советского Союза, то даже такой важный документ, как советско-польский пакт о ненападении, подписанный в 1932 году в Варшаве, были склонны рассматривать лишь как тактический маневр, а не как основу двусторонних отношений. В 1938 году польской секретной службой был подготовлен документ, где давалась характеристика развития отношений Польши с СССР за период после подписания договора о ненападении. Подчеркивая важность поддержки и инспирирования различного рода сепаратистских движений на территории Советского Союза — политики так называемого прометеизма, — авторы этого документа делали заключение, что «руководители прометеистской эмиграции прекрасно поняли тактический, а не основополагающий ход в польской восточной политике, предпринятый в виде подписания пакта о неагрессии»⁸. Иными словами, польская сторона как в момент подписания пакта, так и после этого вовсе не собиралась отказываться от поддержки сил, враждебных СССР, и авторы цитируемого документа выражали удовлетворение, что намерения Варшавы в этом отношении поняты правильно лидерами этих самых сил.

Как констатировала в своей работе «Шесть веков русско-польских отношений» английская исследовательница З. К. Коэте, «сменявшие друг друга польские правительства вплоть до весны 1939 г. были заняты тем, что постоянно планировали и разрабатывали варианты: а) расчленения Советского Союза, б) создания блока государств, который отделал бы СССР от Западной Европы. Из подобного рода намерений не делалось секретов».

Эти тенденции в польской политике по отношению к СССР усматривают также Дж. Кутувидис и Дж. Рейнольдс. Английские авторы считают, что целью этой политики было возродить Польшу как великую державу по модели Польши Ягеллонов, давней Речи Посполитой, а для этого любой ценой следовало «отодвинуть» Россию на восток, отделить ее от остальной Европы «целью антирусских государств, тянувшихся от Финского залива через Таллинн к Каспийскому морю, Тбилиси и Баку»⁹.

³ Цит. по: Mikulicz S. *Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej*. — Warszawa, 1971. — С. 63 — 64.

⁴ Ascheron N. *The Struggles for Poland*. — London, 1987. — P. 60.

⁵ Kowalski W. T. *Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie 1939—1945*. — Warszawa, 1979. — С. 164.

⁶ Rollet H. *La Pologne au XX siècle*. — Paris: Edition A. Pedon. 1985. — P. 277.

⁷ Цит. по: Mikulicz S. *Op. cit.* — С. 65.

⁸ Эту цитату из работы известного в довоенной Польше публициста и политического деятеля Ст. Мацкевича приводит З. К. Коэте. — Coates Z. K. *Six centuries of russo-polish relations*. — London, 1948. — P. 127.

Идеей Бека было создание так называемой Третьей Европы, считает Я. Карский, т. е. союза мелких государств под польским главенством⁹.

Стремление «отсесть» Россию от Европы особенно ярко проявилось во время переговоров о так называемом Восточном пакте, в предложенной в середине тридцатых годов СССР и Францией схеме создания в Европе системы коллективной безопасности. Польское правительство категорически отказалось от участия в договоре, где одной из сторон был бы Советский Союз. Как подчеркивал изучавший этот вопрос польский историк Я. Юркевич, такая позиция польского правительства была вызвана прежде всего «стремлением изолировать СССР, ограничить ему доступ к европейским проблемам»¹⁰. М. Каминский и М. Захарнас приводят в своей книге слова Ю. Лукасевича, бывшего послом Польши в СССР, а затем во Франции, который объяснял негативное отношение Варшавы к Восточному пакту тем, что в случае его реализации «польско-французский союз потеряет все свое значение, так как возникнет новая расстановка сил в Европе, при которой Советский Союз станет решающим политическим фактором»¹¹. Впрочем, в британском Министерстве иностранных дел позиция Польши в связи с проектом Восточного пакта была интерпретирована несколько иначе. «Если бы Германия и Польша не имели планов дальнейшего проникновения на восток, — говорилось в подготовленном Форин Оффис в феврале 1935 года меморандуме, — то они не выступали бы так решительно против Восточного пакта»¹².

Как бы там ни было, но факт остается фактом: негативная позиция Варшавы по поводу создания системы коллективной безопасности в Европе с участием Советского Союза делала создание такой системы весьма проблематичным.

В свою очередь Ю. Бек предложил в 1936 году создание системы безопасности, исключавшей Советский Союз, по схеме соглашений: Англия — Франция — Германия; Франция — Германия — Италия; Франция — Германия — Польша. По мнению польского министра иностранных дел, подобного рода система обеспечила бы Польше первостепенную роль в Восточной Европе.

Совершенно иначе выглядит польская политика по отношению к Германии. «В то время как Франция заявляла о своей оппозиции германской экспансии в Восточной Европе»¹³, Бенеш твердил о том, что все его предложения, направленные на сотрудничество с Польшей, были отвергнуты, а Совет-

ский Союз тщетно призывал к созданию системы коллективной безопасности, — пишет работающая в Англии и США историк А. Ченчала. — Бек демонстрировал негативное отношение к Чехословакии и СССР и стремился поддерживать дружеские отношения с Гитлером. Холодные отношения между Варшавой и Прагой, Варшавой и Москвой были резким контрастом по сравнению с теми, которые существовали между Варшавой и Берлином»¹⁴. Порой казалось, пишет в свою очередь А. Айненкель, что отношения Польши с Германией были даже лучше, нежели ее отношения с Францией.

Особое внимание исследователей привлекает факт подписания в 1934 году польско-германской декларации, являвшейся венцом политического замирения Пилсудского, суть которого сводилась к примату двусторонних соглашений над идеей создания системы коллективной безопасности. Этот договор должен был продемонстрировать независимость польской внешней политики от Франции, представлять основу польской политики равновесия по отношению к СССР и Германии, поддерживать великодержавную позицию Польши. На самом же деле подписанием этой декларации, как считает Х. Зелиньский, польское правительство добилося лишь того, что вбило клин в польско-французские, ухудшило польско-чехословацкие и польско-советские отношения, вызвало недоверие к польской политике в целом ряде других государств. Во французской исторической литературе, посвященной данной проблематике, по-видимому, твердо установилось мнение, что польско-германская декларация пробила первую брешь в деле создания системы коллективной безопасности в Европе и способствовала разрушению системы восточноевропейских союзов Франции.

Период, когда было заключено Мюнхенское соглашение, является яркой иллюстрацией курса Ю. Бека. Следует отметить, что в последнее время в польской историографии делаются попытки, направленные, по-видимому, на пересмотр сложившихся представлений о месте и роли Польши в период Чехословацкого кризиса, но существу, речь идет об отрицании сотрудничества Варшавы с Берлином в деле расчленения Чехословакии¹⁵. Оценка позиции Польши в период Мюнхенского сговора, как параллельной и всецело способствовавшей гитлеровскому руководству, является практически всеобщей как в советской, так и в западной исторической литературе. До самого последнего времени подобная точка зрения господствовала и в польской историографии. В частности, Т. Юрга в своей работе «У конца II Речи Посполитой» обращает внимание на хранящийся в архиве польского министерства иностранных дел документ — инструкцию Бека польскому послу в Германии Липскому перед встречей последнего с Гитлером в Берхтесгадене 20 сентября 1938 года. «Чехословацкую республику, —

⁹ Kariski J. The great powers and Poland. 1939—1945. From Versailles to Yalta. — Lonham — New-York, 1985. — P. 323.

¹⁰ Jurkiwicz J. Paki wschodni. Z historii stosunkow miedzynarodowych. — Warszawa, 1963. — S. 109.

¹¹ Kaminski M., Zacharias M. Polityka zagraniczna II Rzeczypospolitej. 1918—1939. — Warszawa, 1987. — S. 182—183.

¹² См.: Documents on British Foreign policy. 1919—1939. — Ser. 2. — Vol. 12. — London, 1972. — P. 602.

¹³ Имеется в виду период, когда во главе французской внешней политики стоял Л. Барту.

¹⁴ Cienciala A. M. Poland and the western powers. 1938—1939. — London — Toronto, 1968. — P. 258.

¹⁵ См.: Sobczak K. Przyczyny wojny niemiecko-polskiej 1939 roku // Wojskowy przeglad historyczny (далее — WPH). — 1989. — № 3. — S. 3—41.

говорится в ней, — мы считаем искусственным образованием... противоречащим действительным потребностям и... правам народов Центральной Европы. В течение прошедшего лета польское правительство четырежды отвергло предложение присоединиться к международным действиям в защиту Чехословакии»¹⁶. Профессор Йельского университета П. Вандыч подчеркивает, что германский нажим на Чехословакию сопровождался параллельными действиями Варшавы.

На наш взгляд, наиболее полную характеристику действий польского правительства дал еще в 1946 году английский историк Х. Ситон-Уотсон. «Польша не только надеялась, — писал этот автор в своей книге «Восточная Европа между войнами. 1918—1941», — что германская экспансия на восток пойдет в южном направлении, через Австрию и Чехословакию на Румынию и Украину, но и активно помогала Германии в этом отношении. Целью этой политики было разрушение Чехословацкого государства и канализация германской экспансии в юго-восточном направлении. То, что подобные расчеты существовали, доказывают документы. Так, например, заместитель министра иностранных дел Польши Я. Шембек записал в своем дневнике 27 февраля 1936 года: «Мы должны поддерживать направление германской экспансии в юго-восточном направлении, тем более что представляется почти бесспорным, что она не пойдет на север, а примет направление Дуная; Лукасевич считает, что если Германия «наложит руку» на Чехословакию, то это будет выгодно для Польши»¹⁷.

На потенциальном советско-германском конфликте польские политики надеялись «погреть руки». Тот факт, что подобного рода политические калькуляции не отличались дальновидностью, отмечают многие исследователи. Т. Юрга, например, считает, что расчеты польских политиков на то, что результатом развития антагонизма между Германией и СССР будет возрастающее значение Польши, как государства, лежащего между ними, были построены на песке. «Конфронтация... — делает заключение этот польский историк, — между... гитлеровским рейхом и Советским Союзом могла произойти не где-нибудь... а на наиболее коротком направлении, ведущем именно через Польшу»¹⁸. «Польша всегда рассматривалась рейхом, — отмечает А. Ш. Розе, — либо как удобный помост для натиска на Россию, либо как препятствие на этом пути, которое следовало убрать»¹⁹. Подобным образом пишет и Я. Карский: «Для Гитлера Польша была коридором, ведущим в Россию, который следовало открыть тем или иным путем»²⁰.

В свою очередь автор вышедшей в издательстве Колумбийского университета (США) монографии, посвященной истории Польши XX века, М. К. Дзевановский отмечает, что проводившаяся польским правительством политика представляла собой по-

стоянное балансирование на натянутой проволоке.

Создание системы коллективной безопасности в Европе с участием СССР, Англии, Франции и пограничных с Германией государств, в том числе Польши, могло бы поставить заслон на пути гитлеровской агрессии. При этом позиция Польши — государства, отделяющего Германию от СССР, имела первостепенное значение, и польское правительство прекрасно отдавало себе в этом отчет.

8 апреля 1939 года советник польского посольства в Лондоне Яжджевский по поручению Бека беседовал с германским поверенным в делах Т. Кордтом и заявил ему, что невозможно представить себе, каким образом западные державы могут заключить соглашение с СССР без Польши, а Польша уже сказала свое «нет».

Следует обратить внимание на то, что в последнее время вновь оживились попытки объяснить неудачу советско-англо-французских переговоров так, как это сделано, например, в книге Р. Умястовского «Россия и Польская республика», вышедшей в середине сороковых годов в Лондоне. Автор уходит здесь от оценки позиции Польши и пытается утверждать, что неудача переговоров была обусловлена попытками СССР сговориться с Германией за спиной Лондона и Парижа и неверием западных держав в военную мощь СССР. Подобная точка зрения не находит понимания у большинства зарубежных исследователей. Публикации документов из министерства иностранных дел гитлеровской Германии, опубликованные документы британской внешней политики, дипломатические документы США не подтверждают такого рода версию. Появившаяся в 1985 году публикация французских дипломатических документов кануна второй мировой войны также свидетельствует не в пользу версии, изложенной еще Р. Умястовским. Здесь, в частности, можно отчетливо проследить понимание, по крайней мере Парижем, что без участия СССР любая попытка поставить заслон германской агрессии на востоке Европы была обречена на провал. Как отмечает в этой связи Я. Карский, в Париже позиция Польши расценивалась как сумасшествие²¹.

Категорический отказ Варшавы от сотрудничества с СССР представлял собой, по сути дела, попытку вынудить западные державы отказаться от сотрудничества с нашей страной и признать Польшу в качестве «основного фактора равновесия в Восточной Европе», т. е. «великой державы».

Необходимо указать также, что многие польские авторы склонны объяснять позицию польского правительства стремлением не обострять отношений с Германией и неверием в то, что Гитлер решится начать войну против Польши, имевшей в качестве союзников с 1921 года Францию и с марта 1939 года — Англию. Франко-польский союз и британские гарантии, замечает по этому поводу уже цитировавшийся нами работающий в США историк М. К. Дзевановский, придали полякам ощущение безопасности, которой в действительности не было,

¹⁶ Jurga T. U kresu II Rzeczypospolitej. — Warszawa, 1979. — S. 62.

¹⁷ Цит. по: Goriely B. L'Union Sovietique et la Pologne — Les frontieres... — P. 246.

¹⁸ Jurga T. Op. cit. — S. 12.

¹⁹ Rosé A. Ch. Op. cit. — P. 69.

²⁰ Kariski J. Op. cit. — P. 292.

²¹ Kariski J. Op. cit. — P. 343.

Можно привести также высказывание Н. Гендерсона, писавшего в своей книге «Неудавшаяся миссия», что с самого начала не было никакого сомнения в том, что ни Великобритания, ни Франция не будут в состоянии предоставить Польше эффективной помощи... В случае войны с Германией, подчеркивал этот британский дипломат, Польша должна была потерпеть поражение самое большое через два месяца.

Гораздо больше внимания, на наш взгляд, заслуживает тезис о том, что в Варшаве до самой последней минуты надеялись на компромисс с Берлином. Б. Горели приводит, в частности, свидетельства румынского министра иностранных дел, которого Бек просил о посредничестве с целью достижения соглашения с Берлином. Польский министр иностранных дел опять просил заверить Гитлера, что Польша никогда не пойдет на сотрудничество с Советским Союзом. К тому же 20 июня 1939 года Бек поручил своему заместителю Арцишевскому встретиться с германским послом в Варшаве фон Молтке и заверить последнего, что польское правительство не заключит «никакого соглашения с Советами»²².

Насколько политика польского правительства в этот период отражала настроения, господствовавшие в польском обществе? В том, что касается армии, то, по мнению М. Утника, служившего в польском генеральном штабе, польский офицерский корпус считал войну с СССР естественной необходимостью. Генерал довоенной польской армии Е. Кирхмайер писал: «На основе общеизвестных фактов польско-германского сотрудничества в политической области, а с другой — ввиду претворения в жизнь в течение 1938 года плана войны против России и строительства укреплений на востоке, а не на западе Польши,— писал он,— у меня сложилось представление, что мы вместе с Германией готовимся к вооруженному конфликту с Россией»²³. А. Роле, проанализировав польские дипломатические документы, приходит к выводу, что в 1935, 1936 и 1937 годах польский генеральный штаб рассматривал в качестве противника номер один Советский Союз. Девятнадцать лет поляки готовились прежде всего к войне на востоке, подчеркивает в вышедшей в Лондоне монографии Дж. Гарлинский.

В 1989 году в Варшаве вышла книга В. Т. Ковальского «Последний год Европы», в которой, по сути, констатируется тот факт, что политика, проводившаяся Ю. Бекком, отражала настроения, господствовавшие в тот период не только в среде польской буржуазии, но, по-видимому, и среди определенной части поляков. Это, впрочем, нетрудно понять, приняв во внимание усилия официальной пропаганды, культивировавшей враждебность по отношению к Советскому Союзу. Вот что пишет по этому поводу польский историк: «Одной из основных обязанностей политиков... является широкий кругозор, видение различного рода возможностей и опасностей, которых не замечают широкие круги общества. На крити-

ческих поворотах истории, при понимании грозящей опасности мнение общества игнорировалось, ему навязывалось решение, противоречащее его оценкам, однако направленное на обеспечение этому обществу выживания. В 1939 году в Польше не оказалось человека, который бы принудил к принятию непопулярных решений, отвел бы смертельную угрозу. В Польше были лишь чиновники высокого ранга, взгляды которых, перемешанные с эмоциями, не слишком отличались от точки зрения улицы»²⁴. Показательно, что, анализируя новейшую западногерманскую историческую литературу, посвященную предистории второй мировой войны, А. Н. Мерцалов обращает внимание на то, что целый ряд западногерманских авторов делает акцент на антисемитизм и русофобию, процветавшие в Польше, и тот факт, что, опираясь на это, Берлин рассчитывал «сговориться с Варшавой»²⁵.

Некоторые исследователи подчеркивают, что «долгая история взаимоотношений Польши с Россией, равно как и жестокий сталинский режим, были важными факторами, ввиду которых Польша с подозрением относилась к СССР. Для всего мира, а не только для поляков Советский Союз в конце тридцатых годов представлял жуткую картину заговоров, чисток и массовых депортаций»²⁶. Что касается истории взаимоотношений между Польшей и Россией, то здесь, по-видимому, следует говорить о чувствах взаимных и не забывать хотя бы о том, что Лжедмитрия при помощи своих сабель водворили в Москву поляки и что они же начали против страны, первой признавшей их право на независимость, войну, окончившуюся в 1921 году Рижским миром и аннексией Польшей белорусских и украинских земель, не говоря уже о почти официально провозглашавшейся польскими властями поддержке политики «прометеизма», т. е. расчленения Советского Союза. Что же касается негативного влияния сталинского режима на международные позиции СССР, то Советский Союз действительно понес здесь огромный ущерб. Репрессии внутри страны неизбежно отражались на взаимоотношениях с другими государствами, не могли оставить равнодушным общественное мнение за рубежом. Как писал А. Ш. Розе, Россия возвела между собой и Европой стену своей революции и послереволюционных методов действий. Не следует забывать и о том, что тезис о подготовке мировой революции мало способствовал налаживанию сотрудничества с капиталистическими странами. По выражению английского историка Р. Дж. Овери, на Западе в середине 30-х годов более опасались коммунизма, нежели фашизма. Все это так, однако верно и другое. Курс, проводившийся всеми польскими правительствами по отношению к СССР, проявился задолго до репрессий и был обусловлен, как мы убедились

²⁴ Kowalski W. T. Ostatni rok. Ewropa (1939). — Warszawa, 1989. — S. 263—264 (далее — Ostatni rok).

²⁵ Мерцалов А. Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. — М.: Наука, 1989. — С. 65.

²⁶ Dziełanowski M. K. Poland in the twentieth century. — New-York, 1977. — P. 105.

²² Цит. по: Goriely B. Op. cit. — P. 275.
²³ Цит. по: Utnik M. Sztab polskiego Naczelnego wodza w drugiej wojnie światowej, oz. I // WPH. — 1971. — № 2. — S. 224.

выше, отнюдь не одним только отношением к установившейся в России общественно-политической системе, но и своеобразно понимаемыми «национальными интересами» Польши, которую ее правители хотели превратить в великую державу за счет СССР. Сотрудничество с Россией, пишут авторы английского издания «Истории Польши», «коммунистической или капиталистической, было психологически невозможным для правителей Польши 1939 года»²⁷.

Польское правительство на протяжении второй половины тридцатых годов отклоняло все предложения, предусматривавшие какое бы то ни было сотрудничество с СССР, будь то переговоры о «Восточном пакте», совместные гарантии Прибалтийским государствам или участие в советско-англо-французских переговорах 1939 года. Осенью 1938 года советские военные круги предприняли попытку установить сотрудничество с Польшей ввиду все более проявлявшейся по отношению к обеим странам германской угрозы. Польша не приняла этого предложения. Отвергнуто было Беком также предложение СССР (май 1939 г.) о заключении с Польшей договора о взаимопомощи наподобие польско-французского и польско-английского договора.

Предложение Галифакса сделать совместное англо-франко-польское заявление по поводу грубого нажима Берлина на Румынию дало повод Беку еще раз продемонстрировать свою линию. «Польша, возможно, могла бы присоединиться к Англии и Франции, — писал польский министр иностранных дел, — при условии исключения из этого мероприятия Советской России»²⁸. «Главное усилие польской дипломатии, — отмечает в вышедшей в Соединенных Штатах и Англии книге «Польско-советские отношения 1932—1939» Б. Будурович, — заключалось в том, чтобы держать Россию подальше от Европы и предотвратить ее участие в системе коллективной безопасности».

Даже в критические дни августа 1939 года, когда германские армии стояли наготове у польских границ, польское правительство продолжало слепо отвергать сотрудничество с СССР, что дало повод министру иностранных дел Франции Ж. Боннэ с раздражением заметить в телеграмме, направленной во французское посольство в Варшаве: «...мы в качестве союзников имеем все основания просить их (поляков. — В. П.) уточнить, каким образом они собираются без помощи русских организовать вооруженное сопротивление в случае возможной германской агрессии. Ввиду принятых на себя обязательств мы имеем полное право получить исчерпывающий ответ на этот вопрос...»²⁹. «Это для нас вопрос принципа, — заявил Бек 19 августа 1939 года французскому послу Л. Нозю в ответ на его демарш, — мы не имеем военного соглашения с СССР и иметь его не желаем»³⁰.

Как известно, переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции не привели к положительному результату. Ж. Боннэ в своих мемуарах ответственность за неудачу переговоров полностью возлагает на Польшу. Некоторые зарубежные исследователи разделяют эту точку зрения, другие если и не столь категоричны, но признают, что позиция Варшавы сыграла не последнюю роль в срыве переговоров. В советской историографии широко распространен взгляд, что если польская позиция и не была решающей, т. к. главный партнер по переговорам — Англия — явно не хотела соглашения, то, по крайней мере, эта позиция имела немаловажное значение.

Одной из главных причин срыва переговоров в Москве был отказ польского правительства разрешить проход советских войск через территорию Польши в случае германской агрессии. Являлось ли это условие советской стороны чрезмерным? В польской историографии в целом выражается понимание требований СССР, так как с военной точки зрения иного пути обеспечить участие советских войск в войне просто не существовало. Некоторые авторы считают, что выдвинутое Советским Союзом требование было непримлемым, и бездоказательно отождествляют его с возвращением аннексированных в 1921 году Польшей украинских и белорусских земель.

Анализ французских дипломатических документов дает основание заключить, что французское правительство и дипломатические круги считали постановку вопроса советской стороной о проходе через польскую территорию вполне естественной и, более того, необходимой, так как это позволило бы советским войскам предпринять наступательные действия против германских войск. Согласно британским дипломатическим документам в Лондоне, хотя и с некоторыми сомнениями, также отдавали отчет в том, что проход советских войск через польскую территорию является необходимостью. В частности, Галифакс писал по этому поводу в телеграмме Ю. Беку: «Лучшим способом действительно избежать присутствия (советских войск на польской территории. — В. П.) является заключение англо-франко-советского соглашения, дающего возможность выработать проект, который бы предусматривал такое присутствие в случае необходимости»³¹. К сожалению, констатирует приводящий в своей работе эту цитату из телеграммы Галифакса Б. Горели, английские и французские руководители слишком поздно пришли к пониманию этой простой истины, а польские руководители так и не поняли ее никогда.

Во время московских переговоров Советский Союз не требовал большего, «нежели формального признания своих жизненно важных интересов и признания его как великой державы. Если Англия хотела союза, — пишут авторы «Истории Польши», вышедшей в Великобритании, — который по возможности помог бы избежать войны с Германией, то Советский Союз считал кон-

²⁷ The History of Poland Since 1883 by R. F. Leslie et al. (далее — The History of Poland). — Cambridge, 1939. — S. 212.

²⁸ Documents on British foreign policy, 1919—1939. Third series (далее — DBFP, 3 ser.). — V. IV. — London, 1951. — P. 453.

²⁹ Цит. по: Военно-исторический журнал. — 1989. — № 8. — С. 37.

³⁰ Там же.

³¹ См.: DBFP, 3 ser. — V. 7. — London, 1954. — P. 58—59.

фликт неизбежным и хотел соглашения, которое было бы эффективным в войне»³².

Вплоть до последнего времени оценка политики Ю. Бека в польской историографии сводилась в основном к следующему: «Дипломатия Бека перед лицом серьезного кризиса в отношениях с Германией решила опереться исключительно на западные державы. Однако не получила действенной помощи от Англии и Франции, в то же время лишила нашу страну (т. е. Польшу. — В. П.) помощи Советского государства в наиболее критический момент»³³. Появление таких работ, как статья К. Собчака, где автор квалифицирует польскую историческую литературу, в которой политика Ю. Бека подвергается критике, как «не имеющая научной ценности», должно, по-видимому, означать попытку, на наш взгляд, неудачную, переоценки взглядов. Достаточно сказать, что К. Собчак выдвигает одни тезисы и не приводит никаких доказательств.

Оценка политики Бека в западной и польской эмигрантской историографии неоднозначна, но в целом признается не слишком дальновидной. Например, З. А. Крушевский в вышедшей в 1985 году в Лондоне книге «Польские проблемы в международной перспективе» квалифицирует ее следующим образом: «Союз с одним из этих мощных государств (СССР и Германия. — В. П.) представлял для Польши угрозу превратиться в государство-сателлит. Но и великодержавная внешняя политика II Речи Посполитой, лишенная соответствующих общественно-экономических основ и опирающаяся на союзы с государствами, расположенными в другой части Европы, за тысячи километров, заранее была обречена на неудачу»³⁴. Что касается неизбежного превращения Польши в сателлита СССР, если бы она заключила с ним соглашение, то это мнение З. А. Крушевского представляется крайне спорным. В. Т. Ковальский, например, анализируя подобного рода возможность для Польши, подчеркивает, что «союз между великой державой, каковой являлся Советский Союз, и маленькой Чехословакией этой теории не подтверждает»³⁵.

То, что в случае соглашения с гитлеровской Германией Польша превратилась бы в ее сателлита, не оспаривает никто из исследователей. Ей была бы уготована судьба Румынии, Словакии или какого-нибудь иного вассала, как отмечал, например, А. Ш. Розе.

Своей политикой по отношению сначала к советским республикам, а потом к СССР Польша сама себя поставила в сложное положение, заключая союзы с державами, которые хотя бы ввиду географической удаленности не были жизненно заинтересованы в обеспечении ее безопасности. По-видимому, все же понимание этого заставляло Бека заигрывать с гитлеровским рейхом,

а стремление к тому же провести в жизнь великодержавные амбиции польской правящей верхушки и враждебность к СССР делали польскую политику не столько сложной, сколько безрассудной.

Английский историк Ситон-Уотсон дал, на наш взгляд, очень точную оценку польской внешней политики межвоенного двадцатилетия. Указывая, что в конце концов Варшава своим политическим курсом играла на руку Берлину, этот исследователь подчеркивал, что причиной того была «отнюдь не любовь к Германии, а сложная комбинация, состоящая из алчности в отношении чужих территорий, боязни полковников и земельных магнатов революции, существовавшего недоверия в отношении силы и возможности сопротивления западных держав (Германии. — В. П.), и безмерная вера полковника Бека в свой макиавеллиевский гений. Эта политика сыграла очень важную роль в подготовке германских планов в отношении Восточной Европы»³⁶.

23 сентября 1939 года был заключен советско-германский договор о ненападении. Споры о значении этого документа, его сущности и характере продолжаются по сей день. Как писал В. Т. Ковальский, появилось даже что-то вроде моды на ту или иную интерпретацию этого документа. На наш взгляд, рассматривать проблему имеет смысл только с учетом многочисленных факторов политического, экономического и идеологического характера, конкретных реалий того времени. Кроме того, следует учитывать, что оценка любого международного соглашения, заключенного тем или иным государством, сводится в конечном счете к ответу на вопрос, что это соглашение или договор дали в смысле обеспечения национальных интересов этого государства. Попытка же свести все к морально-этическому аспекту, как это имеет место в отношении договора от 23 сентября 1939 года, свидетельствует либо о попытке спекулировать на настроениях общества, преследуя при этом определенные цели, либо о совершенном непонимании проблемы, низкой профессиональной квалификации.

Прежде всего необходимо отметить, что договор находился в полном соответствии с международным правом, отвечал всем этическим и юридическим нормам. Что касается секретного приложения к нему, то это являлось нормальной дипломатической практикой, к которой прибегали все государства мира. Так, например, польско-английский договор от 25 августа 1939 года также имел секретное приложение, в котором, в частности, Литва объявлялась принадлежащей сфере интересов Польши, а Бельгия и Голландия — Великобритании.

Авторам, упирающим на то, что Советское государство запятнало себя, заключив договор с фашистской Германией, следует напомнить, что договор заключался с суверенным государством, великой державой, правительство которой было признано всеми государствами мира, играло первостепенную роль в мировой политике. До заключения договора с СССР это государство за-

³² The History of Poland. — P. 206.

³³ Daszkiewicz W. Kierunki kształtowania się stosunków polsko-radzieckich w latach 1939—1945 // Roczniki historyczne. — Poznań, 1967. — Roczn. 33. — S. 105.

³⁴ Kruszewski Z. A. Polska a światowy układ sił politycznych w końcu XX wieku // Sprawy polski w perspektywie światowej. — Londyn, 1985. — S. 34.

³⁵ Kowalski W. T. Ostatni rok. — S. 15.

³⁶ Seton-Watson H. Eastern Europe between the wars. 1918—1941. — Cambridge, 1946. — P. 388.

ключило целую серию договоров, в том числе: конкордат с Ватиканом, договоры о ненападении с Англией, Францией, а до этого — конвенцию о неприменении силы с Польшей, множество других договоров и соглашений с различными государствами.

Что касается тезиса о том, что Советский Союз был социалистическим государством и, дескать, заключение договора с Германией противоречило принципам советской внешней политики, то это является надуманным. Сам основатель Советского государства В. И. Ленин говорил о необходимости не отказываться «от военных соглашений с одной из империалистических коалиций против другой в таких случаях, когда это соглашение, не нарушая основ Советской власти, могло бы укрепить ее положение и парализовать натиск на нее какой-либо империалистической державы»³⁷.

Совершенно нелепыми выглядят обвинения Советского Союза, высказываемые некоторыми авторами, в проведении двуличной политики. Уже цитировавший нами польский историк В. Т. Ковальский совершенно справедливо замечает по этому поводу: «Здесь можно задать вопрос — какая же это политика в сложном переплетении противоположных интересов не является двуличной?»³⁸. Может быть, Советскому Союзу надо было заранее оповещать весь мир о тех или иных предпринимаемых им шагах, дипломатических маневрах, контактах, переговорах, в то время как все остальные государства вели тайную дипломатию? Но это уже не политика. Вряд ли государство, решившееся на подобное, смогло бы просуществовать долго, не говоря уже о том, чтобы обеспечить свои национальные интересы.

При рассмотрении советско-германского договора от 23 сентября 1939 года нас в связи с советско-польскими отношениями интересует прежде всего вопрос: явился ли этот договор причиной германского нападения на Польшу? Следует отметить, что, например, в западногерманской историографии консервативного направления 50—60-х годов преобладало мнение о пакте как о причине войны³⁹. В гораздо меньшей степени эта точка зрения присутствовала в американской, английской или французской исторической литературе. Что же касается новейшей западной историографии, то, по мнению большинства исследователей, отнюдь не советско-германский договор, а предоставление Англией своих гарантий Варшаве сделало неизбежным германское нападение на Польшу. До этого Гитлер надеялся на мирное включение Польши в орбиту германской политики. Это подчеркивалось многими на состоявшейся в Суррейском университете (Англия) научной конференции западных историков по проблеме происхождения второй мировой войны. Такую точку зрения высказали, в частности, представитель университета во Франкфурте-на-Майне Л. Кеттенакер, английский историк Д. Уотт.

Аналогичной точки зрения придерживаются Н. Рич (университет Брауна, США) и

Я. Карский. Предоставление британских односторонних гарантий, трансформированных в апреле 1939 г. в двусторонние, «было началом конца Польши», подчеркивает Г. Кацевич. Это был несчастный союз, пишут английские историки Дж. Кутувидне и Дж. Рейнольдс, Польша и Англия сделали вклад в дипломатическую прелюдию войны. Первоначально Гитлер собирался начать войну на Западе, считает профессор университета Северной Каролины (США) Г. Л. Уайнберг. Для этого ему надо было обезопасить себя с востока. Но из Польши не удалось сделать сателлита наподобие Венгрии, и тогда Гитлер решил на войну против Польши. Предоставив гарантии Польше и таким образом поддержав неуступчивость поляков перед германскими притязаниями, Англия сделала невозможным «мирное урегулирование» польского вопроса, считает бывший полковник вермахта М. Клювер. Согласно этому автору британский кабинет рассчитывал на то, что гарантии, данные Польше, спровоцируют Гитлера и в то же время воспрепятствуют потере одного из важных союзников, т. е. Польши, в ожидавшейся войне с Германией.

Что касается польской историографии, то и здесь многие историки считают, что британские гарантии поддержали польскую неуступчивость и предопределили германское нападение на эту страну. Речь шла о том, пишет Е. Кирхмайер, чтобы противопоставить Польшу Германии. Следствием британских гарантий было «полное фиаско поисков польской стороной общего языка с третьим рейхом», — подчеркивает Я. Линовский⁴⁰. Без сомнения, западные державы рассчитывали на осложнения, которые появились бы в результате поражения Польши и непосредственного соприкосновения Германии с Советским Союзом. Ведь еще в мае 1939 года на совещании представителей генеральных штабов Англии и Франции было решено, разумеется, не проинформировав об этом Варшаву, что Англия и Франция не окажут немедленной помощи Польше в войне против Германии. «Судьба Польши будет зависеть от конечных результатов войны, а это, в свою очередь, будет находиться в зависимости от наших возможностей довести дело до поражения Германии, а не от того, сможем ли мы уменьшить натиск на Польшу в первоначальный период»⁴¹, — говорилось на майском совещании представителей Англии и Франции.

Как в этих условиях развивалась бы ситуация, если бы Советский Союз не подписал договор о ненападении с Германией, а согласился на условия, предлагавшиеся Западом? Германия начинает войну, Польша не пропускает советские войска, и они ждут прибытия германских армий под Минск и Киев, так как ввиду принятых в мае решений Англия и Франция военной помощи Польше не оказывают. В то же время Советский Союз, как это предполагалось, поставит польской армии военные материалы. Такое положение было бы гу-

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 36, — С. 323.

³⁸ K o w a l s k i W. T. Ostatni rok. — S. 400.

³⁹ См.: Мерцалов А. Н. Указ. соч. — С. 76

⁴⁰ Linowski J. U Zrodlel Sojuszu polsko-brytyjskiego (marz. 1938 — kwiec. 1939). Łódź. 1985. — № 13. — S. 79.

⁴¹ Цит. по: B a t o w s k i H. Agonia pokoju i początek wojny (serp. — wrzes. 1939). — Poznań, 1969. — S. 297.

бительным для России, считает Б. Горели. Поставляя военные материалы Польше, СССР безусловно подвергся бы репрессиям со стороны Германии, как только последняя, слолив польское сопротивление, приблизилась бы к советским границам.

Как долго длилась бы германо-советская конфронтация на границе в 60 км от Минска? — задаст в свою очередь вопрос Т. Юрга. И что могла ожидать в этом случае Красная Армия от Англии и Франции? Сославшись на параграфы предлагавшейся в августе Западом конвенции, она получила бы ответ: «Господа, создайте линию обороны у себя на востоке, мы свой фронт уже создали на линии Мажино. Помощь? К сожалению, в прямом смысле конвенция ее не предполагает. Будьте добры биться до победного конца»⁴². Таким образом, как пишет Ситон-Уотсон, «с какой стати Россия должна была подвергать опасности свое существование и отдаваться на волю двух держав, которые продемонстрировали ей к тому же свою враждебность и которые не имели никакой возможности оказать ей помощь, в то время как именно она должна была выдержать главный удар»⁴³.

Практически все зарубежные исследователи указывают, что действительно препятствие на пути германской агрессии могла бы создать активная помощь Красной Армии Польше вместе и в рамках договора с Англией и Францией. Невозможно утверждать, пишет Б. Горели, что западным державам было гарантировано участие СССР в такой комбинации, но что можно утверждать на все сто процентов, так это то, что «Бек ни за что на свете не хотел этой помощи. Он до самого конца цеплялся за свою иллюзию «независимой» политики, не сознавая того, что речь идет всего-навсего о субъективной точке зрения, основанной на экзальтированном преувеличении своей силы»⁴⁴.

1 сентября 1939 года на рассвете войска фашистской Германии вторглись в Польшу. Спавшие польские города были подвергнуты варварским бомбардировкам, что сразу же привело к многочисленным жертвам среди гражданского населения. В первые же часы войны судьбу испанской Герники разделил не имевший никаких военных объектов и даже каких-либо значительных средств противовоздушной обороны маленький городок Велюнь. Одним ударом фашистской авиации 70 проц. строений здесь было превращено в развалины, под которыми остались лежать 1200 его жителей⁴⁵. Одновременно корабли военно-морского флота гитлеровской Германии начали операции против военно-морских баз Польши в Гдыне, на Хеле и Вестерплятте. На шестой день войны потери польских военно-воздушных сил составляли 46 проц. К 9 сентября германскими войсками была занята практически вся западная Польша. Танковые и моторизованные соединения достигли Вислы в ее среднем течении и действовали уже на подходах к реке Сан. 9 сентября 3-я немецкая армия сломила сопротивление польской

армии на территории, прилегающей к нижнему течению Буга⁴⁶. Все это время на западном фронте союзники Польши — Франция и Англия — не предпринимали никаких наступательных действий против Германии. Более того, 12 сентября во французском городке Абвиле состоялось секретное совещание представителей генеральных штабов Англии и Франции, на котором было принято окончательное решение о том, что армии западных союзников Польши не предпримут против Германии никаких военных действий.

Несмотря на сопротивление, оказываемое вермахту, которое в ряде мест можно назвать героическим, польские армии откатывались на восток. «Независимо от качеств польской армии, — говорится в документе под названием «Польская кампания», подготовленном в октябре 1939 года 2-м бюро французского генерального штаба, — численное превосходство в живой силе и в материально-техническом оснащении, которое обеспечили себе немцы на восточном (т. е. польском. — В. П.) фронте, с самого начала кампании создало между двумя армиями перевес в пользу немцев, что само по себе уже объясняет поражение Польши»⁴⁷.

16 сентября отступавшие польские армии уже находились на линии Августов — Сокулка — Гайнувка — Брест — Кобрин — Львов. Иными словами, германские армии стояли на пороге Западной Белоруссии и Западной Украины. 17 сентября 1939 года в 3 часа ночи, зачитав Гжибовскому ноту Советского правительства о переходе Красной Армией «рижской» границы в целях взять под защиту населенные украинцами и белорусами территории, отторгнутые Польшей в 1921 году, В. П. Потемкин добавил, что в случае промедления, согласно заключениям советских военных экспертов, германские армии, безусловно, в самое ближайшее время подойдут к границам СССР⁴⁸.

В работах польских историков порой делается акцент на то, что в советской ноте неправомерно указывалось, будто польское государство перестало существовать. Неправомерность подобного тезиса была отмечена в выводах Комиссии историков СССР и Польши по истории отношений между двумя странами, опубликованных в газете «Правда» 25 мая 1989 года, «Советское правительство фактически перечеркнуло тезис о несуществовании польского государства, заключив 30 июля 1941 г. союзническое соглашение с эмигрантским польским правительством...» Однако история сыграла здесь с Польшей злую шутку. Как подметил американский историк Б. Будурович, в июне 1938 года Польша препятствовала принятию международных санкций

⁴⁶ Jurga T. Bitwa o zachodnie regiony Polski. 1—9. 9. 1939. // WPH. — 1983. — № 3. — S. 121—122.

⁴⁷ Цит. по: Panicki T. Wojna obronna Polski 1939 g. w opinii francuskiego sztabu generalnego. // WPH. — 1989. — № 3. — S. 432.

В документе подчеркивается, что ввиду того, что мобилизация в Польшу была объявлена 31 августа, против 70 немецких дивизий Польша смогла выставить только 12, в то время как если бы начала приготовления раньше, то имела бы возможность выставить их 42. — С. 435.

⁴⁸ См.: Goriely B. Op. cit. — P. 288.

⁴² Jurga T. Op. cit. — S. 83—84; 86.

⁴³ Seton-Watson H. Op. cit. — P. 397.

⁴⁴ Goriely B. Op. cit. — P. 271—272.

⁴⁵ Kania S. Zbrodnie Wehrmacht w wrzesniu-pazdzierniku 1939 roku // WPH. — 1989. — № 3. — S. 228.

против фашистской Италии, захватившей территорию Абиссинии именно ввиду того, что последняя, по словам Ю. Бека, якобы «как государство перестала существовать»⁴⁹.

Повлияли ли предпринятые 17 сентября советскими войсками действия на исход войны между Польшей и Германией? Некоторые, в основном польские эмигрантские историки, утверждают, что вступление Красной Армии на территории Западной Украины и Западной Белоруссии предопределило поражение Польши в войне с Германией. Другие более осторожно говорят о том, что акция 17 сентября наложила отпечаток на сентябрьскую кампанию. Большинство же зарубежных исследователей приходит к выводу о том, что действия Советского Союза ничего не могли изменить и поражение Польши в войне с Германией было практически свершившимся фактом. К 17 сентября, отмечала З. Коэкс, польские войска уже потерпели полное поражение. У. Черчилль в своих мемуарах пишет, что к концу второй недели войны польская армия как организованная сила уже практически не существовала. 22 сентября английским и французским генеральными штабами был подготовлен рапорт, в котором действия Советского Союза квалифицировались как упреждающие по отношению к Германии, отмечалось, что они были предприняты только тогда, когда стало очевидным окончательное поражение Польши⁵⁰.

Профессор М. Згурняк, анализируя на страницах журнала «Войсковы пшеглонд истыричны» возможность в военном отношении Германии и Польши в сентябре 1939 года, приходит к выводу, что соотношение сил, подготовленность Польши к войне, стратегическая ситуация были таковы, что рациональная их оценка заранее должна была бы привести польский генеральный штаб к выводу о неизбежной капитуляции, чего все же во имя чести сделано не было»⁵¹.

По всей видимости, не соответствующим действительности является также тезис ряда авторов о том, что польское правительство было вынуждено покинуть территорию страны исключительно ввиду вступления советских войск. Известный польский эмигрантский историк В. Побуг-Малиновский считает, например, так: решение о том, что правительство Польши должно покинуть страну, появилось уже в начале второй недели войны «как безусловная необходимость перед лицом быстро надвигавшейся катастрофы ввиду превосходства немцев и полной пассивности союзников на западном фронте»⁵².

Подобную точку зрения подтверждают и документальные материалы. Так, 8 сентября в 18 часов посол США в Польшу, сопровождавший, как и остальные члены дипломатического корпуса, польское правительство, сообщил в Вашингтон: «Польское правительство покидает Польшу... и через

Румынию направляется... во Францию»⁵³.

К 17 сентября 1939 года после захвата Германией собственно польских земель под угрозой оказались уже белорусы и украинцы. Трудно спорить с тезисом, выдвинутым Советским правительством, объявившим о решении взять под свою защиту население Западной Белоруссии и Западной Украины, пишет в этой связи В. Ковальский. «Польша не могла уже ни воспрепятствовать захвату этих земель немцами, ни позднее освободить эти территории, если бы их заняла Германия»⁵⁴.

Как подчеркивают зарубежные исследователи, Советскому Союзу было также безразлично, на каком расстоянии от его жизненно важных центров останутся германские армии после поражения Польши. Многие авторы указывают и на то, что выход германских армий на «рыжскую» границу, без сомнения, означал бы быстрое включение Прибалтийских государств в германскую орбиту в силу изменения политической ситуации в регионе. В ряде работ отмечается и тот факт, что Советский Союз должен был считаться с возможностью создания Германией на территории Западной Украины марионеточного государства наподобие Словакии или Хорватии. Такие планы в Берлине обсуждались. Велись разговоры и о возможности «возникновения» профашистского государственного образования на территории Западной Белоруссии. Как замечает в этой связи польский историк Л. Мочульский, Советский Союз не мог позволить себе даже на короткий миг утратить контроль над ситуацией, складывавшейся в регионе.

Вступившие на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины советские войска избегали, где это было возможно, конфронтации с находившимися на этой территории польскими частями. Начальник штаба при ставке главнокомандующего польскими вооруженными силами генерал В. Стахевич в донесении отмечал: «Советские солдаты не стреляют в наших, всячески демонстрируют свое расположение...»⁵⁵. Заместитель начальника штаба генерал Ю. Яклич записал в те дни в своем дневнике: «Большевики на рассвете перешли границу танковыми и моторизованными частями. Танки идут открыто с белыми флагами... Наша армия дезориентирована... Одни оказывают упорное сопротивление, другие пропускают советские войска. Те обходят их и продвигаются дальше»⁵⁶.

Все исследователи, занимавшиеся изучением этого вопроса, констатируют, что инциденты во время вступления советских войск имели локальный характер и пирожных размеров не принимали⁵⁷. Отмечается также и тот факт, что советские войска продвигались нарочито медленно, что давало возможность польским ча-

⁵³ Цит. по: Foreign Relations of the United States, 1939. — V. 2. General. — Washington, 1956. — P. 676.

⁵⁴ Kowalski W. T. Ostatni rok. — S. 642.

⁵⁵ Цит. по: Kozłowski E. Koncowy okres wojny obronnej Polski (17.9—6.10.1939 r.) // WPH, — 1989. — N 3. — S. 202.

⁵⁶ Ibid. — S. 202.

⁵⁷ Потери советской стороны составляли 737 убитых и 1862 раненых, польской — 800 убитых и 1500 раненых, Ibid. — S. 219—220.

⁴⁹ Budurowicz B. Polish-Soviet relations 1932—1939. — New-York, 1963. — P. 178.

⁵⁰ Kowalski W. T. Ostatni rok. — S. 659.

⁵¹ Zgorniak M. Możliwości wojenne Niemiec: Polski w 1939 r. // WPH. — 1989. — № 3. — S. 107.

⁵² См.: Jurga T. Op. cit. — P. 444—445.

ствам отходить к румынской границе. Особенно медленно шло продвижение на юг от Львова. Это вызвало острую реакцию со стороны Берлина. Как признавал впоследствии германский посол в Бухаресте Фабрициус, немцы «были в ярости от того, что русские не постарались как можно быстрее закрыть румынский коридор для польских властей и армии...»⁵⁸.

Полное неприятие действий Советского Союза 17 сентября 1939 года, характерное для немногих, в основном польских эмигрантских историков, которые квалифицируют их как «агрессия», «нападение» и т. п., является резко контрастным по отношению к мнению абсолютного большинства зарубежных исследователей, признающих, что установление новой советской границы было совершенно обоснованным и с военной, и с политической точки зрения, не говоря уже о праве на воссоединение украинского и белорусского народов. Что касается секретного протокола, вызвавшего так много споров, то, например, Б. Горели писал в тот период, когда существование документа не было подтверждено, что находило отражение и во французской историографии: «Измнившее усердие историков-коммунистов (которые отрицают существование тайного протокола. — В. П.) обнаруживает их полное непонимание реалистической политики вообще и той, которую проводил СССР в сентябре 1939 года, в частности»⁵⁹.

Практически во всех исследованиях отмечается, что английское и французское правительства в своей реакции на события 17 сентября руководствовались пониманием необходимости предпринятых Советским Союзом действий перед лицом угрозы, которую представляла собой фашистская Германия. Кроме того, как писал бывший британский премьер-министр Ллойд Джордж 28 сентября 1939 года польскому послу в Лондоне: «Русские армии вошли на территории, которые не являются польскими и которые были аннексированы Польшей силой после первой мировой войны... Различие между двумя событиями (т. е. германским нападением на Польшу и вводом советских войск на территории Западной Белоруссии и Западной Украины. — В. П.), — подчеркивал английский политический деятель, — становится все более очевидным для британского и французского общественного мнения... Было бы преступным безумием ставить их на одну доску»⁶⁰.

События, начало которым было положено 17 сентября, по-разному оцениваются историками, писал в вышедшей еще в 1956 году в издательстве Гарвардского университета книге «Белоруссия. Становление нации» Н. Вакар. «Для белорусов во всяком случае это означало восстановление их территориального единства, долгое время нарушенного войнами и революциями. После воссоединения своих земель они наконец почувствовали себя полноценной нацией».

Что касается оценки указанных событий со стратегической точки зрения, то в последнее время некоторыми авторами мусси-

руется тезис, что Советский Союз, дескать, все равно не смог должным образом подготовиться к войне с фашистским агрессором. Но выдвигающие подобного рода аргумент упускают из виду сознательно или нет то, что это уже совершенно иной вопрос. Почему так произошло — эта проблема требует отдельного изучения.

В ряде работ, также в основном принадлежащих польским эмигрантским историкам, говорится якобы о «волне убийств, которая тянулась вслед за советской армией через восточные земли Речи Посполитой»⁶¹. Многие работы как польских, так и западных историков опровергают такие утверждения. Дж. Гросс в вышедшей в издательстве Принстонского университета в 1988 году монографии отмечает, что в то время, когда Советская Армия вступила на земли Западной Украины и Западной Белоруссии, польская администрация на этих территориях была совершенно дезорганизована в результате поражения польских войск и наплыва беженцев. Американский автор отмечает, что ввиду враждебного отношения к полякам населявших эти земли украинцев и белорусов немногочисленное здесь польское население начало создавать отряды «гражданской гвардии». В свою очередь местные жители «вооружались против поляков и польских властей. Широкомасштабная гражданская война была предотвращена, — пишет американский историк, — только благодаря быстрому вводу советских войск...» Приводятся также свидетельства того, что в сентябре 1939 года, особенно на территории Западной Украины, действовали многочисленные банды, засылавшиеся абвером⁶².

Что же касается обвинений в отношении Красной Армии, то В. Ковальский, например, отмечает, что в той же самой эмигрантской литературе имеются свидетельства деятельного вмешательства советских властей, когда полякам грозили линч и самосуд»⁶³.

Воссоединение белорусских и украинских земель произошло в сложный период, насыщенный неоднозначными, порой драматическими событиями. Польский историк Я. Юркевич писал, характеризуя вступление Красной Армии на белорусские и украинские земли: «Это событие, несомненно, болезненное для значительной части польского общества, тем более что оно произошло в момент поражения и утраты свободы, было тем не менее событием неизбежным, исправляющим несправедливость, допущенную Рижским договором, оно было логическим последствием того ненормального состояния, в котором находились польско-советские отношения в межвоенные двадцатилетие. Это событие было последним аккордом, завершающим тот период»⁶⁴.

В. И. ПРИБЫЛОВ,
кандидат исторических наук

⁵⁸ Polski sily zbrojne w drugiej wojnie swiatowej. — T. 3. Armia Kralowa: London, 1950. — S. 30.

⁵⁹ Kowalski W. T. Ostatni rok. — S. 648.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Jurkiewicz J. Niektore problemy stosunkow polsko-radzieckich w okresie miedzywojennym 1918–1939. — dzielow stosunkow polsko-radzieckich. Studia i materialy. — T. 2. — W., 1966. — S. 37.

⁵⁸ Kowalski W. T. Ostatni rok. — S. 647.

⁵⁹ Goriely B. Op. cit. — P. 284.

⁶⁰ Ltr. no: Bouvier J., Gacón J. La verité sur 1939. La politique extérieure de l'URSS d'octobre 1938 à juin 1941. — Paris, 1953. — P. 202–203.

О ГЛАВНЫХ

ОБЩЕПРИЗНАНО, что наша страна сегодня переживает социально-экономический и политический кризис, который продолжает неуклонно углубляться и обостряться. Для выхода из него необходима радикальная перестройка и в экономике, и в политической сфере нашего общества. Необходимость перестройки осознают и признают все.

Весь вопрос — в каком направлении должна осуществляться эта перестройка: искать выход на пути возрождения и развития мелкотоварного и капиталистического укладов в экономике с ориентацией на реставрацию в конечном итоге капиталистического строя или же на пути укрепления и развития социалистических форм хозяйства, совершенствования и упрочения социалистической системы? Эти пути и направления означают два противоположных по своему содержанию перестроечных процесса, два принципиально различных, противоположных политических курса.

Пропагандируемая в печати и, прямо скажем, господствующая сейчас точка зрения состоит в том, что основной причиной возникновения кризиса экономики СССР является существование «административно-командной» системы, под которой подразумевается, по существу, вся система общенародной, государственной собственности, социалистическая система производственных отношений, социалистические формы управления и хозяйствования в целом. Отсюда делаются выводы о необходимости «разгосударствления», или «приватизации», общенародной собственности, превращения государственных предприятий в акционерные, кооперативные или частные. Эта позиция нашла отражение в двух основных документах. — в Правительственной программе перехода к рыночной экономике, а также в так называемой «Программе Шаталина», которые, по существу, однородны по содержанию.

На наш взгляд, с такой трактовкой причин кризиса трудно согласиться. Слишком явно она служит попыткам «демонтажа» экономических основ социализма в СССР и

отхода «назад» к капиталистическим формам хозяйствования. Действительно, в понимании сторонников этой точки зрения рынок, переходу к которому якобы «...нет альтернативы», должен выступать не только как механизм распределения сырья и производимой в стране продукции, как сфера товарного обращения, но и как всеобъемлющая форма хозяйствования, включающая, во-первых, рынок средств производства, основных производственных фондов, т. е. самих предприятий, во-вторых, рынок капиталов и, в-третьих, рынок рабочей силы. Таким образом, переход к рынку, по существу, означает переход к капиталистическому строю экономики.

Каковы же действительные истоки и основные причины кризиса? Почему возникли и неуклонно нарастают рассогласованность, диспропорции, дисбаланс, неразбериха, хаос и развал нашей экономики в структурном и территориальном отношении? В правильном диагнозе этих причин — ответ на вопрос о путях выхода из кризиса.

В резолюции XXVIII съезда КПСС «О политике КПСС в проведении экономической реформы и переходе к рыночным отношениям» отмечается, что основными причинами кризиса в экономике являются «деформации социалистических производственных отношений, отчуждение труженика от собственности и управления, психология уравнилности и иждивенчества, монополизм и отсутствие рыночной оценки результатов труда, нарушение в последнее время управляемости народным хозяйством как в центре, так и в республиках и на местах» (Правда, — 1990. — 14 июля).

Не слишком ли много перечисляется «основных причин»? Если принять такую формулировку, то, по существу, в кризисе в равной степени виноваты все: и прежнее руководство страны, и старшие и нынешние поколения «тружеников», и объективные условия, и (частично) нынешнее руководство.

Причин кризиса, конечно, можно назвать множество, но среди них необходимо выде-

ПРИЧИНАХ

лить главные, центральные, стержневые. Хочу высказать свою точку зрения по этому вопросу, не претендуя, естественно, на абсолютную истину.

В отличие от экономической системы капитализма, управление которой, как правило, отделено от государственного аппарата и развитие которой происходит в основном в процессе стихийной саморегуляции, социалистическая экономика, как более высокая по организации и более сложная система, функционирует и развивается под непосредственным управлением специализированных органов социалистического государства как аппарат управления всей общественной системой.

Это определяет решающую роль качества политического управления экономикой, иными словами, экономической политики руководства страны. Когда экономическая политика правительства и государства и конкретное управление экономикой соответствуют объективным законам функционирования и развития экономической системы социализма, то эта система функционирует и развивается в близких к оптимальным режимах. Когда экономическая политика противоречит объективным законам социализма, в этой системе возникают и все более усиливаются сбои, несбалансированность, диспропорции, кризисные явления.

В целом для правильного понимания происходящих в стране экономических процессов необходимо дифференцировать понятие «экономической системы общества», характеризующейся определенными производственными отношениями, ее производственного механизма в частности, от аппарата управления экономикой с его системой управленческих органов и методов управления, прежде всего планирования.

Как показала практика развития нашей страны после социалистической революции, несмотря на огромные трудности, ошибки и деформации, централизованное управление народным хозяйством давало стране большие преимущества, которые состояли

в следующем: а) возможность разработки активной экономической политики на перспективу при максимальном учете имеющихся ресурсов и возможностей их рационального использования исходя из общих интересов страны; б) возможность создания централизованных накоплений для обеспечения высоких темпов прироста национального продукта и национального дохода; в) возможность мобилизовать и концентрировать значительные материальные, финансовые и людские ресурсы на наиболее важных, решающих, ключевых ресурсоемких направлениях развития экономики, прежде всего тяжелой промышленности и машиностроения, а также решать фундаментальные проблемы науки и техники; г) возможность сконцентрировать необходимые значительные ресурсы на развитии отраслей оборонной промышленности и укреплении обороноспособности страны; д) возможность мобилизовать все силы и ресурсы на оборону страны и достижение победы над фашизмом; е) возможность выделить значительные ресурсы для освоения Сибири и Дальнего Востока; ж) возможность выделить определенные средства для поддержки революционного и национально-освободительного движения в странах капиталистического мира; з) возможность воспитания широких масс трудящихся в духе новой идеологии и морали коллективизма, чувства хозяина предприятия и страны, патриотизма и интернационализма.

Это то, что мы подразумеваем под понятием «преимущества социализма» применительно к экономике, которые и обеспечили выход Советского Союза из состояния отсталости на уровень передовых стран.

В конце 30-х годов в СССР была создана система социалистических производственных отношений, базирующаяся на общенародной и кооперативной собственности. В результате осуществления социалистической индустриализации в стране были заложены основы целостного народнохозяйственного комплекса с полным циклом

сырьевых и перерабатывающих отраслей промышленности, производящей средства производства и предметы народного потребления, которые в основном удовлетворяли рациональные потребности населения в товарах ширпотреба и продуктах питания. Системы производства, распределения, транспорта, финансов функционировали в основном на собственной базе расширенного воспроизводства и были независимы от внешних условий мирового капиталистического рынка, подверженного стихийным колебаниям и кризисам.

Крупное производство не может нормально функционировать и успешно развиваться без отлаженного, четко работающего централизованного аппарата управления и планирования. Не могут быть рационально и полностью использованы производственные мощности и возможности огромного производственного механизма социалистической промышленности, тем более всей социалистической экономики без аппарата управления ею, обеспечивающего синхронизацию работы различных ее ячеек в форме отдельных хозяйственных единиц*, связанных друг с другом тысячами каналов поставки сырья, энергии, запчастей, инструментов, комплектующих узлов и т. д. Рациональное решение проблем четкой координации взаимодействия различных отраслей, кооперирования многочисленных специализированных предприятий, тем более в масштабах такого огромного по территории, слабо обеспеченного средствами связи и коммуникациями государства, как СССР, проблем их материально-технического снабжения, совершенствования механизма ценообразования, сбыта продукции страны на мировом рынке не может быть обеспечено пуском их на самоотек, положившись на стихию рынка, передачей их на усмотрение первичных ячеек и звеньев производственного процесса — отдельных предприятий.

К началу 60-х годов в СССР был создан огромный по масштабам и сложности производственный механизм — основа единого народнохозяйственного комплекса. По мере увеличения количества производственных единиц, быстро прогрессирующего усложнения их производственных, торговых, снабженческих и финансовых связей появлялись и все более возрастали трудности обеспечения четкого и слаженного взаимодействия различных предприятий и

отраслей в масштабах всей системы народного хозяйства, эффективной специализации и кооперирования множества производственных единиц, нахождения и правильного расчета оптимальных или хотя бы рациональных мест их территориального размещения в целях наиболее эффективного использования природных ресурсов, сырья и рабочей силы, наконец, просто рационального использования уже имеющихся производственных мощностей.

Новый производственный механизм, основывавшийся на социалистической собственности, требовал и адекватного ему по сложности эффективного аппарата управления, качественно более высокого, более сложного и более эффективного, чем аппарат управления экономикой при капитализме. Новый управленческий аппарат должен был обеспечивать четкое, быстрое, оперативное и качественное выполнение таких управленческих функций, как сбор, обработка, передача, накопление информации о состоянии отдельных управляемых объектов и экономической системы в целом, о потребностях населения, рынка в предметах потребления и в средствах производства, анализ, оценку и прогноз функционирования и развития экономики, быструю и качественную разработку оперативных управленческих решений, а также составление оптимальных краткосрочных и долгосрочных планов развития отдельных предприятий, отраслей и народного хозяйства в целом.

Нервная система управления всего социального, в частности экономического, организма — это система связей и информации. Без четко работающей системы информации, дающей адекватное отображение окружающей среды и состояния самого социального организма, не может нормально функционировать его «мозг» — управляющие центры.

Чем глубже в народном хозяйстве страны развивался закономерный и неизбежный процесс специализации и кооперирования, тем острее вставала проблема адекватности, соответствия аппарата управления этим новым потребностям развития экономики, проблема соответственного повышения качества, оперативности и эффективности управленческого труда, наращивания «мощности и производительности» этого аппарата, совершенствования методов работы аппарата управления, увеличения численности его работников, материально-технического переоснащения. Иными словами, усиливалась потребность в переводе аппарата управления от старых,

* В 1987 г. в промышленности СССР насчитывалось более 46 800 производственных, научно-производственных объединений, комбинатов и предприятий, состоявших на самостоятельном балансе.

традиционных «бумажно-бюрократических», кустарных или мануфактурных форм и методов обработки информации к новейшим информационным техническим средствам и технологиям.

К сожалению, из-за ряда объективных и субъективных факторов процесс повышения эффективности аппарата управления, темпы повышения его производительности отставали от темпов развития экономической системы в СССР.

Несовершенство, несоответствие управленческого аппарата, его неспособность справиться с решением новых сложных проблем не только оптимального, но и просто рационального управления всем народнохозяйственным комплексом со всею очевидностью выявились уже к концу 50-х годов и приняли еще более болезненные формы в 60-х годах.

Нельзя сказать, что партийное и государственное руководство не видело этих новых проблем и не принимало каких-то мер по их решению. В поисках решения выявились два различных подхода, два пути, два курса, две тенденции.

Первый — путь дальнейшего укрепления и совершенствования организационных основ системы централизованного управления всем огромным народнохозяйственным комплексом. Этот подход характеризовался усилиями и мероприятиями, направленными на дальнейшее укрепление централизованного аппарата управления экономикой в структурном и кадровом отношении, попытками совершенствования методов его работы, дисциплинарными мерами против волокиты и бюрократизма, призывами к повышению ответственности и требований к квалификации кадров госаппарата, прежде всего его главного звена — министерств, сокращению бумагооборота, уменьшению отчетности нижестоящих звеньев перед вышестоящими.

Второй путь — курс на децентрализацию управления экономикой, сокращение сферы централизованного планирования — т. е. на передачу прав и функций разработки управленческих решений из центра на более низкие уровни управления путем определенной «декомпозиции» целостной системы народного хозяйства страны на ряд меньших по масштабам подсистем или блоков в рамках республик, областей, регионов, в целях уменьшения сложности объектов управления, «упрощения» функций управления. Это мотивировалось необходимостью сделать управление более конкретным, оперативным, способным лучше учитывать и использовать местные воз-

можности (производственные мощности, природные, материальные и людские ресурсы), повысить активность, инициативу и предприимчивость местных работников.

Каждый из этих путей на первый взгляд сулил определенные преимущества, но также таил в себе недостатки и негативные последствия. Борьба этих двух путей, двух линий, двух курсов, по существу, являлась стержнем всей работы по совершенствованию системы управления народным хозяйством страны три последних десятилетия, а также глубинным стержнем борьбы политических тенденций в нашей стране.

Почему же не «сработал», не реализовался первый, в принципе наиболее рациональный и правильный путь?

Дело в том, что попытки усиления аппарата централизованного управления в нашей стране предпринимались главным образом за счет его экстенсивного развития на неизменной организационной и технической базе, т. е. увеличения численности служащих, усложнения структуры, но не за счет интенсивного повышения производительности управленческого труда, оперативности и качества обработки управленческой информации на основе внедрения новейших достижений науки и техники.

По мере распухания управленческого аппарата он все более бюрократизировался. Решения по его укреплению не сопровождались необходимыми мерами по демократизации управления государством, по развитию контроля над его деятельностью ни «сверху», ни «снизу», ни со стороны государственных представительных органов (Верховного Совета СССР, местных Советов), тем более со стороны общественных организаций и других представителей трудящихся. В отсутствие демократического контроля над аппаратом управления экономикой и элементарной гласности пыльным цветом расцветал махровый бюрократизм. Ведь не сама система общенародной социалистической собственности, а именно отстранение рядовых тружеников от активного и реального участия в управлении производством и общественной жизнью, в разработке и принятии политических решений привела к той отчужденности трудящихся, которую наши «реформаторы капиталистической ориентации» стремятся устранить путем внедрения акционерной и частной собственности.

В результате аппарат хозяйственного управления неуклонно разрастался по чис-

ленности занятых в нем работников, однако производительность и эффективность управленческого труда практически не росли, а падали (особенно на его высших уровнях). Положение усугублялось тем, что на всей территории нашей огромной страны с ее необозримыми пространствами и удаленностью населенных пунктов друг от друга совершенно неудовлетворительно развивались коммуникации и современные средства радио- и телефонной связи, а почтовая связь действовала медленно и нечетко.

В этих условиях информация о состоянии экономической системы становилась все более искаженной, неточной, такая информация все более запаздывала, омертвлялась, не использовалась либо перевиралась, превращаясь в дезинформацию. Назревшие вопросы либо не решались, либо решались с таким опозданием, что эти решения обесценивались, не дойдя до исполнителей, а потому и не выполнялись. В результате и директивная информация также становилась все более неэффективной, ошибочной.

Текущие и перспективные планы экономического развития также утрачивали реалистичность и становились профанацией. Действительно, для качественной разработки и просчета двух-трех вариантов годовых планов развития народного хозяйства традиционным, «ручным» способом требовалось привлечение уже нескольких десятков тысяч служащих-экономистов и время продолжительностью два-три года. Такие основные управленческие задачи, как реальная оценка обстановки, прогноз ее развития и планы, по существу, стали невыполнимыми.

Таким образом, разросшийся и закостеневший управленческий аппарат не мог уже обеспечивать реализацию объективных возможностей развития социалистической экономики, эффективное использование природных ресурсов страны. Такой аппарат управления не решал возникающих в процессе функционирования и развития народного хозяйства проблем, а, по существу, тормозил и блокировал их решение. Он вызывал все большие сбои в производстве и снабжении, блокировал усилия в области научно-технического прогресса. Оборот ресурсов, циркулирующих в системе расширенного воспроизводства, все более замедлялся, ресурсы омертвлялись, падала фондоотдача, нарастала несбалансированность финансов и денежного обращения, темпы развития неуклонно падали. Производственные фонды страны не обновля-

лись десятилетиями, техника и технология не прогрессировали, росла себестоимость продукции. В целом управленческий аппарат уже не мог реализовать основное преимущество социалистической системы хозяйства — пропорциональность и планомерность ее развития.

В результате сложившийся к середине 70-х годов огромный, неповоротливый, неуклюжий, даже неуправляемый аппарат управления постепенно превратился в гигантского монстра — неработоспособную бюрократическую машину, которая уже не могла обеспечивать управленческие потребности экстенсивно развивающегося производственного механизма. Система социально-экономической да и политической информации от ее «нервных центров» до периферии в 60-х и 70-х годах безнадежно «склеротизировала», а следовательно, и «управляющий центр» страны, ее «мозг» склеротизировал еще в большей степени и не мог иметь ни адекватного представления об общей обстановке, ни разрабатывать эффективных управленческих решений.

Жизнь, практика управления огромным по масштабам и сложности производственным механизмом социалистической экономики создавала объективную потребность и необходимость опережающего другие отрасли роста производительности управленческого труда на основе разработки, развития и внедрения в практику управленческого аппарата новейших достижений техники связи и коммуникаций, управленческой науки и вычислительной техники, автоматизированных систем обработки информации, сбора, передачи, накопления и анализа социально-экономической информации, прогнозирования и планирования на основе использования экономико-математических методов и кибернетических моделей. Переход от экстенсивных к интенсивным методам хозяйствования также был невозможен без переоснащения материально-технической базы управленческого аппарата автоматизированными информационными системами. Совсем не случайно, а закономерно то, что такая потребность в 60—70-х годах появилась именно в Советском Союзе — крупнейшей социалистической стране.

Однако, к сожалению, эта объективная потребность и здоровая тенденция так и не была реализована, что повлекло за собой катастрофические последствия для нашей страны и для мирового социализма.

Вопрос о модернизации научно-технической базы управленческого аппарата в области экономики ставился в высших эшелонах власти уже с конца 60-х годов, но

это делалось весьма нерешительно, неуверенно, опасливо. Хотя негативное отношение к кибернетике как науке было официально осуждено, однако высшее партийное и государственное руководство практически ничего не сделало для ускоренного внедрения в практику функционирования управленческого аппарата современных автоматизированных средств обработки информации, разработки решений и планирования на базе компьютерной техники. Совершенно недостаточно было сделано для развития электронной промышленности, для модернизации системы связи и коммуникаций.

Начавшаяся по инициативе ученых кампания за создание ведомственных автоматизированных систем информации, а также Общегосударственной автоматизированной системы информации и управления (ОГАС), которые предусматривались в решениях XXIV и XXV съездов КПСС, в начале 70-х годов, по существу, захлебнулась и заглохла.

Партийное и государственное руководство периода застоя, мировоззрение и методы работы которого формировались на областном уровне, переносило это «областное мышление» на решение общегосударственных проблем. Оно оказалось неспособным не только решать, но даже осознать и правильно поставить проблему и задачу реального соединения достижений научно-технической революции, прежде всего достижений информатики, с преимуществами социалистической собственности, социалистическими формами хозяйствования и управления. Это касается прежде всего ключевой задачи — научно-технического переоснащения управленческого аппарата. Именно в этой области наиболее явно проявилась научная безграмотность, некомпетентность решений директивных органов того периода.

В годы застоя партийный аппарат, и прежде всего аппарат ЦК, находясь буквально «под боком» у высшего партийного руководства, не только не проявлял инициативы, не «задавал тон» и не стал примером в информатизации органов управленческого аппарата на базе вычислительной техники и современных автоматизированных систем управления, но, напротив, по существу, тормозил и давил этот здоровый процесс.

Создав на базе использования достижений современной вычислительной техники, кибернетики и информатики даже не вполне эффективные автоматизированные системы сбора, обработки, хранения и выдачи информации, анализа и прогнозирования

развития социально-экономических процессов, т. е. заложив современную материально-техническую основу рационального управления экономическими процессами, развитые капиталистические страны обеспечили значительный скачок вперед в развитии народного хозяйства, техники, науки и культуры, даже не имея тех, значительно более благоприятных экономических, социально-политических и административных предпосылок, которые имела наша социалистическая страна. И можно лишь представить, какой грандиозный качественный скачок вперед сделал бы Советский Союз, если бы он своевременно модернизировал и создал научную систему управления своим экономическим механизмом на базе новейших достижений вычислительной техники и информатики.

К сожалению, теперь время для этого, видимо, упущено. И в этом, наверное, действительно главная вина партийного и государственного руководства нашей страны периода застоя.

Именно это создало «тупик» и кризис в развитии всей системы крупного социалистического производства, главное препятствие его перевода на пути интенсификации, сделало невозможным реализацию преимуществ социалистических форм хозяйствования и, как сейчас это становится очевидным, поставило под удар социалистический строй в нашей стране.

В этих условиях появилась и стала неуклонно усиливаться альтернативная тенденция — требования децентрализации управления, предоставления большей свободы хозяйственной деятельности предприятиям и местам, освобождения их от нерационалистического, бюрократического «диктата центра» путем передачи права решений на более низкие уровни управления. Это «логично» вновь привело сначала к постановке вопроса о разукрупнении, «декомпозиции» единого народнохозяйственного комплекса страны на более мелкие, самоуправляемые системы (экономические районы) с соответствующими органами управления (совнархозами), с ликвидацией основного костяка централизованного управления — аппарата общесоюзных министерств и ведомств (конец 50-х и начало 60-х годов). На смену старому аппарату пришел еще более несовершенный, раздробленный, а потому неэффективный аппарат управления экономикой.

Хотя такая реформа первоначально создавала видимость некоторого позитивного эффекта (легче стало решать локальные проблемы использования местных ресурсов

сырья, рабочей силы и т. п.), однако экономика страны сразу же потеряла управляемость, произошел буквально «взрыв» местничества, что привело к еще большим сбоям в системе материально-технического снабжения, к нарастанию еще более глубоких диспропорций в процессе расширенного воспроизводства, нарушению ранее установленных устойчивых связей на основе специализации и кооперирования производства, общему падению фондоотдачи и производительности труда, резкому снижению темпов экономического развития страны. К сожалению, должные уроки из «хрущевской перестройки» не были извлечены.

Децентрализаторские тенденции, попытки найти выход из кризисного положения на путях отступления от общенародной собственности и социалистических форм хозяйствования с еще большей силой вышли на первый план после 1985 года.

К середине 80-х годов, т. е. к началу перестройки, главной ключевой проблемой были не столько вопросы совершенствования производственных процессов в рамках отдельных предприятий и даже в рамках отдельных отраслей, сколько совершенствование системы здорового кооперирования, координации и текущего четкого взаимодействия отдельных производственных единиц и целых отраслей в масштабах всей системы народного хозяйства, общегосударственного, вернее, общесоюзного социально-экономического планирования. В этой связи главной, ключевой, первоочередной проблемой, с решения которой необходимо было начинать перестройку, были не методы и формы организации производственной и общей хозяйственной деятельности отдельных предприятий («Закон о предприятии»), а качественное укрепление и совершенствование аппарата централизованного управления, текущего и перспективного планирования социально-экономического развития страны в целом.

Качественное улучшение системы управления и планирования развития народного хозяйства, — видимо, именно с этого и надо было начинать перестройку (например, «закон о планировании народного хозяйства»), постепенно переходя от решения основных общих проблем организации управления к частным и конкретным проблемам экономического развития.

Однако, к сожалению, все было сделано как раз наоборот, т. е. шиворот-навыворот. Государственная общенародная собственность огульно была объявлена «казенно-бюрократической». Прозвучали при-

зывы к полной ликвидации «административно-командной системы», иными словами, всего аппарата управления. В результате все последние годы фактически осуществляется окончательная дискредитация и ломка неэффективной, плохо работавшей, но все же еще работавшей системы централизованного управления и планирования, хотя не только не была создана какая-то альтернативная система управления, но даже не были продуманы и намечены ее проекты.

Погром системы централизованного управления народным хозяйством прикрывается демагогическими призывами к «освобождению» первичных производственных единиц-предприятий от «бюрократических уз и ограничений», от «диктата министерств и ведомств», за предоставление полной самостоятельности предприятиям, районам, областям, республикам и переводе их на полный хозрасчет, «последовательной» децентрализацией управления производством. Все это представляется как благородное стремление «преодолеть отчуждение производителя от средств производства», «вернуть труженику чувство хозяина», «повысить активность и инициативу снизу», «вернуться к ценностям и достижениям общечеловеческой цивилизации», «использовать передовой опыт цивилизованных стран» и т. д. и т. п.

Расплывчатые по содержанию призывы «сломать административно-командную систему» (да еще с высшего уровня), даже если они в субъективном плане выражают наивные, оторванные от реальных потребностей экономики и жизненных интересов народа, но искренние иллюзии, на деле в современной обстановке объективно, по существу, направлены на разрушение стового хребта и нервной системы организма социалистического общества, основ его экономического и политического строя.

По существу же, это попытки отгородиться от реального решения назревших проблем на пути поступательного развития социалистической системы хозяйства, свалить ответственность за решение экономических проблем с партийного и государственного руководства страны на «коллективы трудящихся» первичных производственных единиц, положиться на авось, куда кривая выведет. В конечном итоге такой курс неизбежно направляет страну по тупиковому, гибельному пути, к усиливающейся дезорганизации производственного механизма.

И вполне закономерно, что ломка старого аппарата управления народным хозяй-

ством неизбежно привела сначала к еще большим сбоям и путанице в материально-техническом снабжении предприятий, а следовательно, к перебоям в производственных процессах. За этим последовали нарушения функционирования сложившейся системы связей производственного кооперирования и сбыта готовой продукции, что вызывало дальнейшее рассогласование всего производственного механизма, снижение не только темпов экономического развития, но и усиливающийся абсолютный спад производства. «Вакуум управления», когда аморфное множество отдельных производственных, торговых и прочих хозяйственных единиц оказалось, по существу, неуправляемым, приводит к тому, что вся экономическая система страны постепенно рассыпается и движется, все более ускоряя это движение, к хаосу, развалу и распаду единого народнохозяйственного комплекса на региональные экономические системы, к всеобщему параличу. Ломка аппарата управления и обусловленный ею распад нормальных связей кооперирования отраслей и предприятий лежит в основе политического распада Советского Союза на отдельные национальные государственные образования с самостоятельными экономическими системами.

Это проявление банкротства и провала экономической политики нынешнего руководства, которое привело страну на грань социально-экономической катастрофы. Получилось, как в случае с человеком, проявившим признаки склероза. Горько-эскулапы вместо соответствующего лечения решили проблему иначе: не мудрствуя лукаво, они просто полностью разрушили его мозг и нервную систему, в результате чего человек вообще потерял способность координировать свои движения.

Теперь, когда аппарат централизованного управления народным хозяйством практически разрушен, «реформаторы» под предлогом и под прикрытием призывов к «переходу к рыночным отношениям» развертывают новый этап разрушения основ социалистической системы экономики.

Это воплощается в курсе на «разгосударствление» и «приватизацию» государственной собственности (предприятий промышленности, торговли, финансовых и т. д.) путем ее продажи или передачи в аренду коллективным (акционерным) и частным предпринимателям, преобразования в совместные предприятия. Предложенная Председателем Совета Министров СССР Н. И. Рыжковым в июле 1990 года «новая программа» предусматривает «преобразова-

ние значительного числа государственных предприятий в акционерные общества», «проведение решительных мер по разгосударствлению предприятий торговли, общественного питания, бытового обслуживания, других (?) отраслей» (Известия. — 1990. — 22 июля).

Стремясь к «отделению функций государственного управления от непосредственной хозяйственной деятельности», правительство возлагает свои надежды на появление «честного социально-ответственного предпринимателя» в результате «децентрализации собственности, разгосударствления экономики, всемерной поддержки предпринимательства», в частности предоставления кредитов, в том числе льготных, для выкупа государственного имущества «юридическими и физическими лицами».

В общем, как типичный банкрот, правительство пытается добыть средства для оплаты огромного государственного долга за счет дешевой распродажи накапливаемого десятилетиями государственного имущества, т. е. за счет народа. Поскольку правительство не уверено, что его предложения будут одобрены Верховным Советом, «основные положения программы разгосударствления экономики, развития многообразных форм собственности», о «предпринимательстве и его государственной поддержке», ряд особо значимых положений, «касающихся ключевых вопросов перехода на рыночную экономику», должны, по мнению Н. И. Рыжкова, идти от имени Президента в форме его Указов, т. е., по существу, в обход Верховного Совета.

Таким образом, теперь, на качественно новом этапе, речь ведется уже о «демонтаже», о ликвидации самих экономических основ социализма, экономического базиса социализма, системы социалистической собственности на основные средства производства, системы социалистических производственных отношений.

Не случайно теперь стало модой порочность проводимой экономической политики и ее провалы валить на «порочность» социалистической системы хозяйствования, даже «порочность» самого социалистического строя общества вообще. «Радикалы-реформисты» теперь видят свои идеалы и усиленно навязывают советскому народу примеры «передовых» и «цивилизованных» капиталистических стран.

На самом деле оказалась неэффективной не социалистическая экономика как таковая, не система социалистических производственных отношений, а аппарат управления производством и экономикой в це-

лом. И причину застоя, а затем и кризиса экономики нашей страны в последнее десятилетие следует искать не в недостатках или принципиальной «порочности» социалистической системы народного хозяйства, не в социалистической системе производственных отношений, а в недостатках, порочности, застое и заскорузлости аппарата управления экономическими процессами, а затем в бездумной ломке управленческого аппарата, в авантюризме экономической политики правительства.

Где же выход из нынешнего кризиса? Каков альтернативный путь перестройки? Это большой комплекс вопросов, которые могут быть рассмотрены в другой работе. Тем не менее если еще не поздно, если распад нашей экономики и страны еще не стал необратимым процессом, если мы не хотим стать коллективным Геростратом, разрушившим здание реального социализма, то мы неизбежно приходим к одному главному выводу: выход из кризиса и спасение страны следует искать не в попытках воссоздать экономику домонополистического капитализма — дальнейшего ослабления централизованного управления экономикой, подталкивания ее к распаду и полному развалу, а на пути сохранения и упрочения социализма — защиты и сохранения социалистической собственности и форм хозяйствования, их организационных и правовых основ, на пути перестройки и укрепления организационно-административных основ аппарата централизованного управления народным хозяйством, на пути возрождения и совершенствования системы учета, контроля и планирования, ее реальной демократизации.

Бесспорно, это должен быть уже совершенно новый, качественно иной, в основе своей перестроенный аппарат управления, действующий на современной научно-технической базе, в новом составе руководящих кадров, всесторонне контролируемый трудящимися снизу и сверху через новые демократические органы и формы социально-политического управления.

Заявления о том, что централизованное управление экономикой несовместимо с демократическими формами и институтами политического руководства страной, — вредный миф. В действительности при со-

циализме не только возможна и сочетаема, но и необходима рациональная централизация управления экономикой с максимальной демократизацией политического руководства страной. Это станет вполне реальным, если под этот комплексный аппарат экономического и политического руководства государством и страной в целом будет подведена новая материально-техническая информационная база — общая, единая для всей страны или хотя бы сейчас — для РСФСР автоматизированная система информации и управления, оснащенная новейшими средствами информатики и вычислительной техники.

Спасение нашей страны не в капиталистических перспективах, а в защите и укреплении социалистической системы народного хозяйства. Капитализм не решит основных наших проблем — ни повышения темпов социально-экономического развития, ни повышения материального и культурного уровня жизни народа, ни научно-технического прогресса, ни безопасности страны.

Если немедленно не прекратить разрушение системы управления экономикой, тем более разрушение экономических, правовых и организационных основ социалистической системы народного хозяйства, если не создать качественно новый аппарат управления, обеспечивающий всеобщий демократический контроль за производством, за распределением производимого продукта, за мерой труда и мерой потребления, за рациональным использованием всех людских и материальных ресурсов в масштабах всей страны или по крайней мере в масштабах России (допуская в определенных, строго ограниченных пределах частное предпринимательство в производстве товаров повседневного спроса и сфере бытового обслуживания), то впереди нас ждет не стабилизация, «цивилизованное процветание», обеспечение «прав человека» и расцвет свободы и демократии, а пропасть — углубление развала, хаоса, паралич всего социально-экономического организма, территориальный и политический распад страны.

А. В. ПАВЛОВ,
доктор экономических наук,
кандидат философских наук

НЕИЗВЕСТНОЕ О РАЗВЯЗКЕ КАРИБСКОГО КРИЗИСА

В Вашингтоне в ресторане «Оксидентал» висит табличка, на которой значится:
«В напряженный период Кубинского кризиса, октябрь 1962 г., за этим столом состоялась беседа таинственного русского «мистера Х» с корреспондентом телевизионной компании АВС Джоном Скали. На основе этой встречи угроза ядерной войны была предотвращена».

Этот таинственный русский — Александр Семенович Феклисов, резидент разведки КГБ в Вашингтоне.

Наш корреспондент встретился с полковником Александром Семеновичем. Ему 76 лет. Сейчас он на заслуженном отдыхе.

Александр Семенович, как свидетель и участник тех событий октября 1962 года, много рассказал такого, что, думается, позволит устранить некоторые «белые пятна» в истории Карибского кризиса.

ПРАВЯЩИЕ круги США, привыкшие рассматривать Кубу вотчиной американского капитала, были ослеплены ненавистью к революционному правительству Фиделя Кастро. Они считали одной из главных внешнеполитических задач уничтожение кубинской революции, так как опасались ее воздействия на другие страны Латинской Америки.

Избранный президентом в январе 1961 года Джон Ф. Кеннеди, являясь представителем монополистического капитала, также питал чувство враждебности и ненависти к независимой и свободной Кубе. Он уделял большое внимание рассмотрению плана организации вторжения на Кубу и свержения правительства Ф. Кастро. Этот план был составлен еще по указанию президента Эйзенхауэра, 17 марта 1960 года он приказал: 1. Собрать и подготовить для вторжения на остров армию, состоящую

из кубинских эмигрантов. 2. Сформировать политическую коалицию из различных кубинских эмигрантских групп с целью превращения ее после свержения Кастро в правительство Кубы. Подготовка и осуществление этого замысла были возложены на Центральное разведывательное управление США.

Во время окончательного рассмотрения плана в Белом доме руководители ЦРУ заверили президента и участников совещания, что на Кубе уже подготовлено свыше 2500 вооруженных контрреволюционеров и что, как только на остров высадится бригада вторжения, на помощь им придет по меньшей мере четверть населения Кубы. Министр обороны Р. Макнамара и начальники штабов видов вооруженных сил поддерживали ЦРУ. После этого

президент Кеннеди утвердил план вторжения на Кубу 14-тысячной армии наемников, которой должны были помогать американские регулярные войска. Однако 17—19 апреля 1961 года эта операция закончилась полной катастрофой для США.

Но Кеннеди на этом не успокоился. Он жаждал реванша. По его указанию ЦРУ и Пентагон начали готовить новую широкую программу мероприятий по ликвидации кубинской революции. Программа включала экономическую блокаду, подготовку воинских формирований из числа наемников для вторжения, проведение разведывательно-диверсионных акций и организацию покушения на Ф. Кастро.

Президент Кеннеди назначил своего брата Роберта — министра юстиции «неофициальным президентским куратором тайных операций ЦРУ». Он санкционировал программу подрывных операций против

Кубы под кодовым названием «Мангуста», возложив ответственность за ее осуществление на генерала Э. Лэнсдейла. Во Флориде создали два оперативных подразделения ЦРУ, насчитывавших более 700 сотрудников, которые начали подрывные акции против Кубы. Направляемые на остров разведывательно-диверсионные группы из кубинских контрас занялись диверсиями, саботажем, уничтожением урожая сахарного тростника. С помощью спецсредств распространяли эпидемические болезни среди домашнего скота, терроризировали население, создавали подпольные вооруженные банды, вербовали агентов. В США готовились к новому крупномасштабному вторжению с целью свержения Ф. Кастро.

Чтобы предотвратить задуманное Вашингтоном, Советский Союз стал оказывать усиленную экономическую и военную помощь Кубе, в том числе ракетной техникой.

Разведка США вела непрерывное наблюдение за всеми поставками на остров, особенно из СССР. 14 октября 1962 года разведывательный самолет У-2 зафиксировал строительство на Кубе пусковых ракетных установок, с которых, по заключению американских специалистов, могли в случае вторжения на Кубу нанести ответный ракетно-ядерный удар по центрам восточного побережья США, включая Вашингтон и Нью-Йорк. Реакция Белого дома на это была стремительной. Президент немедленно создал Исполнительный комитет Совета национальной безопасности (СНБ), в состав которого были включены вице-президент Л. Джонсон, госсекретарь Д. Раск, министр обороны Р. Макнамара, министр юстиции Р. Кеннеди, директор ЦРУ Д. Маккоун, председатель объединенного комитета начальников штабов М. Тейлор и несколько ответственных сотрудников СНБ и специалистов по СССР. В задачу комитета входило в срочном порядке выработать мероприятия по устранению ракетной угрозы со стороны Кубы. Были приняты строжайшие меры по предотвращению какой-либо утечки информации о его работе. Чтобы не привлечь внимание корреспондентов, заседания Исполкома проводились в различных местах: в Ситуационной комнате Белого дома, расположенных по соседству правительственных зданиях.

Первое заседание Исполкома президент Кеннеди провел 16 октября в Белом доме. Оно проходило под знаком откровенно агрессивных настроений. Тон задавали военные и представители ЦРУ, призывавшие подвергнуть Кубу массированной бомбардировке, а затем провести вторжение на остров и свергнуть правительство Кастро. Их выступления поддерживали советник президента по делам национальной безопасности М. Д. Банди, министр финансов Д. Диллон, бывший госсекретарь Д. Ачесон. Позднее первым против предложения военных выступил Макнамара. Он заявил: «Бомбардировка ракетных установок приведет к гибели находящихся там советских специалистов. Это, несомненно, вызовет ответные меры Москвы. В этом случае США могут потерять контроль за по-

ложением вещей, и тогда эскалация конфликта может привести к войне». Макнамара также считал, что в результате бомбардировки могут быть уничтожены не все советские ракеты и что уцелевшие немедленно будут выпущены по городам США. К 19 октября большинство членов Исполкома согласились с предложением Макнамары о введении морской блокады. Однако военные отмечали, что это первый шаг, за которым последуют бомбардировка и вторжение на Кубу.

Из всего сказанного видно, что при решении возникшего кризиса руководящие круги США стремились добиться не только вывода советских ракет с Кубы, но и, самое главное, свержения правительства Ф. Кастро.

Для сокрытия работы Исполкома президент Кеннеди продолжал выполнять все ранее намеченные протокольные мероприятия, а Исполком ежедневно по многу часов заседал в его отсутствие, вырабатывая предложения для решения возникшего кризиса. Был канун промежуточных выборов. Президент вылетал в различные штаты, где выступал на собраниях демократической партии. 17 октября он — в штате Коннектикут, 19 октября — в городе Кливленде, а на следующий день прибыл в Чикаго.

18 октября вечером президент принял в Белом доме министра иностранных дел СССР А. А. Громыко, прибывшего в США для участия в Генеральной Ассамблее ООН. Как пишет Р. Кеннеди в книге «13 дней», во время в целом скучной беседы Громыко дважды сказал президенту, что СССР поставляет на Кубу исключительно оборонительное вооружение, которое не представляет никакой угрозы для США.

Пока президента Кеннеди не было в Вашингтоне, Пентагон стянул на близлежащие к Кубе базы военно-морские силы, морскую пехоту, 18-й парашютный корпус и другие части, необходимые для вторжения. Всего было собрано около 100 тыс. человек.

Управление планирования деятельности правительства в чрезвычайных условиях подготовило введение военного положения в стране. Белый дом, Пентагон и другие важные правительственные учреждения получили инструкции о возможном переезде в ближайшие дни в заранее подготовленные подземные помещения. Инструкции получили и семьи ответственных руководителей о возможном выезде из Вашингтона в отдаленные районы страны. Подготавливалось введение военной цензуры.

20 октября рано утром в разговоре по телефону Роберт Кеннеди проинформировал президента, что Исполком все мероприятия подготовил, что согласно новым данным фоторазведки советские и кубинские специалисты в спешном порядке ведут строительство нескольких пусковых установок и что президенту необходимо возвратиться в столицу.

В полдень того же дня Дж. Кеннеди передал своему пресс-секретарю Салинжеру записку, в которой его рукой было написано: «У президента воспаление верхних дыхательных путей. Температура 99,2 гра-

В тот же день Дж. Кеннеди возвратился в Вашингтон. На его усмотрение были представлены следующие альтернативные решения: 1. Вторжение на Кубу. 2. Уничтожение ракетных установок бомбардировкой с воздуха. 3. Установление блокады Кубы. 4. Ведение секретных переговоров с Хрущевым по дипломатическим каналам. 5. Представление проблемы на обсуждение в ООН. Исполком рекомендовал президенту принять 3-й вариант — установление блокады Кубы.

На совещании у посла А. Ф. Добрынина военный атташе сообщил, что в вооруженных силах южных штатов США объявлена высшая степень боевой готовности. Ни посол, ни военные атташе никакой информации о сосредоточении советских ракет «земля — земля» на Кубе не располагали. Американская пресса, телевидение по указанию Белого дома никаких сведений о надвигающемся конфликте, заседаниях Исполкома не сообщали.

Меня неожиданно пригласил на ланч Джон Скали, с которым я регулярно встречался в течение почти полутора лет. Он был в то время известным внешнеполитическим обозревателем телестанции ABC, раз в неделю вел программу «Вопросы и ответы», в которой выступали министры, члены конгресса, известные политические деятели. Программа была популярной, Скали вел ее интересно. Он рассказывал мне, что родился в Бостоне, лично знаком с кланом Кеннеди, включая президента. Очень хорошие отношения у него с госсекретарем Дином Раском, которого часто сопровождал в поездках по странам. Скали был, несомненно, информированным человеком, но в беседах с ним я всегда осторожничал, считая, что он встречаясь со мной он докладывает в госдепартамент или ЦРУ. Скали был знатоком английского языка, имел прекрасное произношение и дикцию. Беседуя с ним, я узнавал многое о привычках, нравах и жизни американцев, а также совершенствовал свои языковые знания. От него мне удавалось иногда получать полезную несекретную информацию. Со своей стороны я растолковывал неясные ему различные стороны политики СССР. Отношения у нас были хорошие. Мы друг друга называли по имени.

Скали выглядел возбужденным. Без каких-либо предисловий он начал обвинять Хрущева в агрессивной, авантюристической политике, говоря, что во время венской встречи последний вместо переговоров пытался путем диктата навязать Кеннеди свою позицию по Западному Берлину, а теперь вот угрожает США ракетным обстрелом с Кубы. Я перевел разговор на внешнюю политику США. Напомнил ему, что его страна пытается окружить СССР сетью военных баз, сколачивает антисоветские военные блоки. Упомянул о полетах самолетов У-2 над территорией Советского Союза, попытках Эйзенхауэра и Кеннеди свергнуть правительство Ф. Кастро в апреле 1961 года. Закончил я утверждением, что застрельщиком гонки вооружений и агрессивных действий являются США. СССР же приходится принимать контрмеры в качестве обороны,

В 19 часов почти вся Америка была у телевизоров. Кеннеди обвинил Советский Союз в проведении агрессивной политики, сказал, что Куба стала форпостом СССР в Западном полушарии, сообщил, что на острове устанавливаются советские ракеты, способные нанести ядерные удары по Вашингтону, Нью-Йорку, Мексике, Панамскому каналу. Эти ракеты угрожают безопасности не только США, но и всей Америки.

В соответствии с этим распоряжением министр обороны начал готовить армию вторжения на Кубу в составе 250 тыс. военнослужащих сухопутных войск, 90 тыс. морских пехотинцев и десантников, авиационной группировки, способной произвести 2000 самолето-вылетов в один день для удара по различным объектам на острове. Все эти силы срочно перебрасывались в юго-восточные районы США. Тогда же стягивалось свыше 100 судов для проведения десантных операций. По подсчетам Пентагона, потери войск США могли превысить 25 тыс. человек¹.

35

После речи Кеннеди по команде Белого дома средства массовой информации начали оглушительную кампанию против Советского Союза. В прессе появились сообщения, исходящие из Пентагона, что на пути к Кубе находятся 25 советских торговых судов и что 90 кораблей ВМС США встретят их в открытом океане. Несколько раз в день сообщалось о ходе сближения судов. Рисовались картины возможных столкновений американских и советских моряков, когда американцы поднимутся на советские суда. В сенсационном духе средства массовой информации сообщали, что в районе блокады и около Кубы обнаружены советские подводные лодки. Позднее стало известно, что президент Кеннеди приказал внимательно следить за ними и принять меры для охраны американских авианосцев, в частности «Эссекса» и других кораблей. За советскими подводными лодками непрерывно следили миноносцы, самолеты и вертолеты, которые по первому приказу могли сбросить на них глубинные бомбы.

Вокруг Кубы США уже сосредоточили 25 эсминцев, два крейсера, несколько авианосцев и подводных лодок, большое количество вспомогательных судов. Самолеты У-2 вели непрерывную фоторазведку кубинской территории. Фотоснимки показывали, что строительство установок для запуска ракет ведется круглосуточно и они скоро начнут действовать. Как стало известно позднее, в это время на Кубе уже находились 42 советские ракеты с ядерными боеголовками.

Исполком высоко оценивал деятельность фоторазведки, которая позволяла знать все о военных приготовлениях на Кубе. В связи с этим было решено, что, если кубинцы собьют У-2, Куба немедленно подвергнется бомбардировке.

Кубинцы серьезно готовились к отражению американской агрессии. На заседании «круглого стола» по Карибскому кризису в январе 1989 года глава кубинской делегации видный политический деятель Х. Рискет сообщил, что кроме вооруженных сил к отражению американской агрессии готовился один миллион добровольцев. Кроме того, командиры советских частей на острове заявляли, что находившиеся там 40 тыс. советских военнослужащих готовы принять участие в защите страны. Кубинские руководители допускали, что в ходе отражения американской агрессии их потери составят около 100 тыс. человек.

С каждым днем обстановка вокруг острова осложнялась все больше и больше. На юго-востоке США в воздухе круглосуточно дежурили стратегические бомбардировщики В-52 с ядерным оружием на борту. Как только один из них приземлялся для заправки, другой немедленно поднимался в воздух.

Некоторые американцы, опасаясь ядерной войны, уезжали в глубь страны. Многие из них ежедневно ходили молиться в церкви, чтобы не началась война.

Когда советские торговые суда приближались к линии морской блокады, часть из них останавливалась, а другие развернулись и направились обратно в советские пор-

ты. Средства массовой информации США истолковали это как признание советской стороной слабости своей позиции, заявляя: «Хрущев и СССР дрогнули», «Хрущев и СССР начали отступать».

С 21 октября в посольстве СССР работали круглосуточно. Некоторые сотрудники каждую ночь обезжали здания Белого дома, Пентагона, госдепартамента, ФБР и ЦРУ и отмечали, что во многих окнах горит свет. На парковках большое количество служебных автомашин. На случай возможного нападения на советское посольство мы усилили его охрану, установили дополнительные замки и запоры на всех этажах, проверили сигнализацию и провели другие мероприятия.

Каждый день Хрущев направлял послания Кеннеди, а Кеннеди — Хрущеву. Телеграфные линии связи между Москвой и Вашингтоном были забиты информацией. Так как зашифровка и расшифровка посланий занимали много времени, главы правительств США и СССР стали вести переписку открытым текстом.

Военная истерия накалилась до такой степени, что достаточно было произойти случайному столкновению на море или в воздухе, как могли начаться военные действия с непредсказуемыми последствиями. Под воздействием мощной антисоветской и антикубинской пропаганды, проводимой прессой и телевидением, обстановка в США продолжала осложняться.

В пятницу 26 октября утром я пригласил Джона Скали на ланч в ресторан «Оксидентал». Состоявшаяся там беседа для меня и теперь незаменима. Как только мы сели за стол, Скали, потирая руки и с улыбкой глядя на меня, спросил:

— Ну, как самочувствие Хрущева?

— Это мне неизвестно. Я лично не знаком с Хрущевым. Да и находится он сейчас далеко от меня, — ответил я, а затем продолжил:

— Это вы на короткой ноге с президентом Кеннеди и много знаете, что происходит в Белом доме.

Скали ухмыльнулся, а потом рьяно стал обвинять Хрущева в агрессивных действиях в отношении США. «Он, видимо, считает Кеннеди молодым, неопытным государственным деятелем. Но Хрущев глубоко ошибается, в чем он скоро убедится». Продолжая говорить с жаром и решительным тоном, Скали заявил:

— Все члены Исполнительного комитета все более склоняются к принятию предложения военных о необходимости безотлагательного вторжения на Кубу. Военные заверяют президента, что в случае его согласия они в 48 часов покончат с советскими ракетами и режимом Кастро.

В ответ я заявил своему собеседнику:

— Во-первых, насколько мне известно, советское руководство считает Кеннеди спокойным и дальновидным государственным деятелем. Думаю, что разумность президента остановит воинственных генералов и адмиралов, собирающихся втянуть Кеннеди в величайшую авантюру, а может быть, и катастрофу. Во-вторых, кубинский народ во главе с Фиделем Кастро готов на смертный бой. С возгласами

«Патрия о Муэрто» они будут защищать свою родину до последней капли крови. Произойдет жестокая, кровавая и длительная битва. В-третьих, президент должен отдавать себе ясный отчет, что вторжение на Кубу равносильно предоставлению свободы действий Хрущеву. Советский Союз может нанести ответный удар по уязвимому месту в другом районе мира, имеющему важное военно-политическое значение для США.

Скали, видимо, не ожидал такого ответа. Молча посмотрел мне в глаза и спросил:

— Ты думаешь, Александр, это будет Западный Берлин?

— Как ответная мера это вполне возможно, — сказал я.

— США и союзные войска будут упорно защищать Западный Берлин, — парировал мой собеседник.

На это я заметил:

— Знаешь, Джон, когда в бой идет лавина советских танков, а перед ними на бреющем полете атакуют самолеты-штурмовики, то они все сметут на своем пути. Кроме того, войска ГДР поддержат наступательные действия советских частей. Я думаю, что войскам СССР и ГДР едва ли потребуется более 24 часов, чтобы сломить сопротивление американских, английских и французских гарнизонов и захватить Западный Берлин.

На этом наша полемика закончилась. Молча мы допивали остывший кофе, обдумывая сложившуюся ситуацию. Затем Скали как бы про себя произнес:

— Выходит, что война с ее непредсказуемыми последствиями не так уж далека. Из-за чего же она может начаться?

— Из-за взаимного страха, — ответил я и продолжал: — Куба опасается вторжения США. США опасаются ракетного обстрела с Кубы.

Никаких попыток сформулировать предложение о разрешении возникшего кризиса мы не делали, лишь проиграли первые ступени эскалации возможной войны. Выразив надежду, что наши руководители не допустят ее возникновения, расстались. Я пошел докладывать содержание беседы послу А. Ф. Добрынину, а Скали, как оказалось, отправился в Белый дом.

Здесь я должен сказать, что никто меня не уполномочивал проводить с Джоном Скали такую беседу и говорить ему о возможном захвате Западного Берлина как ответной мере СССР на вторжение американцев на Кубу. Это был сокровенный порыв моей души, возникший в ходе беседы. Я также не ожидал, что это мое высказывание будет быстро доведено до сведения хозяина Белого дома и что через два-три часа Кеннеди через Скали передаст мне компромиссное предложение об урегулировании Карибского кризиса.

Приблизительно в 17 часов я докладывал Добрынину о состоявшейся беседе со Скали. Вскоре в кабинет посла вошел помощник Добрынина и сообщил, что меня срочно к телефону просит Скали. Он попросил немедленно встретиться с ним.

Через 5—10 минут мы уже сидели в кафе, находящемся между посольством и Белым домом. Без предисловий Скали заявил, что по поручению «высочайшей вла-

сти» он предлагает следующее условие разрешения «кубинского ракетного кризиса»: 1) СССР демонтирует и вывозит с Кубы ракетные установки под контролем ООН; 2) США снимают карантин (блокаду); 3) США дают публичные обязательства не вторгаться на Кубу. Скали добавил, что такое соглашение может быть оформлено в рамках ООН.

Я записал и прочитал Скали все, что тот мне сказал. Он подтвердил, что все записано правильно. Затем я попросил Джона уточнить, что означает термин «высочайшая власть». Чекаян каждое слово, он произнес:

— Джон Фицджералд Кеннеди — президент Соединенных Штатов Америки.

Я заверил Скали, что немедленно доложу это предложение советскому послу и оно будет направлено в Москву. В то же время заметил, что предлагаемые условия не совсем равнозначны. Если вывоз ракет с Кубы производится под контролем ООН, то под наблюдением ООН должен быть осуществлен и отвод войск, стянутых в юго-восточные районы США для вторжения на остров. На это Скали заметил, что такое добавление усложнит и затянёт достижение соглашения в период, когда время является самым существенным элементом в разрешении конфликта. Скали взволнованно добавил, что военные продолжают давить на президента и требуют согласия на вторжение американских войск на Кубу. Кеннеди не хочет войти в историю как второй Тодзио² и добивается разрешения кризиса мирным путем.

Я еще раз заверил Скали, что переданное мне предложение будет немедленно сообщено в Москву. Однако быстро это сделать не удалось. Я составил подробную телеграмму о двух встречах со Скали и передал послу для направления в Москву за его подписью. Добрынин 3 часа изучал проект телеграммы, а потом вызвал меня и сказал, что не может послать ее, так как МИД не уполномочивал посольство вести такие переговоры. Удивившись нерешительности посла, я подписал телеграмму и передал шифровальщику для отправки своему руководству.

В субботу утром 27 октября мы с большим волнением ждали ответа из Москвы. Я думаю, это был самый тяжелый, судьбоносный день для руководителей Белого дома и Кремля, а главное — для американского, советского и кубинского народов. В этот день решалось, быть войне или нет.

Еще утром в пятницу 26 октября президент Кеннеди дал указание государственному департаменту приступить к разработке срочных мер по установлению гражданской власти на Кубе после высадки и оккупации страны³.

Однако вернемся к субботе. Утром в разгар заседания Исполкома в Белом до-

² Тодзио Хидэки (1884—1948 гг.). В 1940—1941 гг. — военный министр Японии. Утвердил план нападения на СССР. В 1941—1944 гг. — премьер-министр и одновременно военный министр. Казнен по приговору Международного военного трибунала по Дальнему Востоку.

³ Кеннеди Роберт. Указ. соч. — С. 57.

ме президенту принесли сообщение, что над Кубой сбит самолет У-2, а летчик майор Р. Андерсен убит. Реакция членов Исполкома была почти единодушной: завтра утром американская авиация должна разбомбить все установки зенитных управляемых ракет на Кубе. Но Кеннеди медлил, не давал согласия на такую бомбардировку. Возможно, он ждал ответ Хрущева на предложение, переданное через Скали. Но ответ из Москвы не приходил. Обстановка на заседании достигла крайнего напряжения. От споров все устали и находились в подавленном состоянии. Впоследствии Р. Кеннеди писал: «И росло ощущение, что вокруг всех нас, вокруг американцев, вокруг всего человечества, стягивается петля, из которой высвободиться становится все труднее»⁴.

Еще вечером 26 октября от Хрущева пришли два послания. Первое было примирительное, с проблесками желания достичь соглашения, второе — более жесткое. Ответ, подготовленный госдепартаментом, президенту не понравился, и он поручил Р. Кеннеди и Т. Соренсону быстро составить другой текст. Через 45 минут ответ был готов. Ссылаясь на первое послание Хрущева, американская сторона подтверждала, что она также желает урегулировать кризис мирным путем. Далее были дословно повторены условия соглашения, которые накануне президент Кеннеди направил через Скали и меня. Ответ был подписан президентом и открытым текстом передан Хрущеву.

В субботу в 16 часов Скали вновь вызвал меня на встречу в кафе отеля «Статлер». В резких выражениях принялся обвинять в обмане и коварстве. Утверждал, что переговоры с ним я намеренно затягиваю якобы для того, чтобы закончить монтаж ракетных установок и сосредоточение новых Ил-28 на Кубе. Неоднократно повторял, что своим обманом я поставил его в глупое положение перед руководителями США.

Как мог, я старался успокоить Скали. Несколько раз разъяснял ему, что каналы связи с Москвой забиты, что Хрущев завален срочной информацией из многих стран мира, что я его не обманываю и что посольство ожидает ответа на их предложения в ближайшие часы. Как казалось, мне удалось сбить ярость Скали и убедить его в искренности моих действий. Оба мы были расстроены и уходили со встречи с понурыми головами. Скали, как оказалось, направился прямо в Белый дом и рассказал Кеннеди и Исполкому о содержании нашей беседы.

Президент поручил брату Роберту встретиться с послом Добрыниным. В 19 ч 45 мин встреча состоялась в кабинете Р. Кеннеди. В ходе беседы Роберт заявил послу: «Нам необходимо получить обещание не позже завтрашнего дня, что

базы эти будут ликвидированы... Советы должны понять, что если этих баз не снесут они, то снесем их мы»⁵.

Поздно вечером Р. Кеннеди встретился с советником нашего посольства Ю. Большаковым, через которого главы СССР и США иногда обменивались конфиденциальными письмами. В беседе Р. Кеннеди повторил Большакову то, что уже сказал Добрынину. При этом подчеркнул, что, если в ближайшие сутки не поступит позитивного ответа из Москвы, президенту будет невозможно удержать военных от вторжения на Кубу.

Ответ Хрущева пришел в Белый дом в 9 часов утра в воскресенье 28 октября и принес огромное облегчение и успокоение как в Вашингтоне и США, так и в Москве и СССР.

Предложения Кеннеди и ответ Хрущева о мирном разрешении Карибского кризиса были немедленно направлены генеральному секретарю ООН У Тану, который вместе с представителями СССР и США В. Н. Зориним и Э. Стивенсоном должны были оформить официальное соглашение по этому вопросу.

29 октября и 3 ноября Скали приглашал меня на ланчи в шикарные рестораны (как стало известно позднее, он делал это по рекомендации президента). В ресторанах он предлагал выбирать самые изысканные, дорогие блюда, заявляя, что мы заслужили это. Скали прежде всего извинился за то, что на предыдущей встрече обвинял меня в обмане и коварстве. За обедом разговоры велись главным образом о том, как мир был напуган возможностью ракетно-ядерного конфликта. Он рассказывал, какое напряжение было в Белом доме. Отмечали мудрость руководства наших государств, которые в последний момент пошли на разумный компромисс. Много велось светских разговоров. Шутили. Обсуждали будущее мира. Я подчеркивал, что сейчас наступило такое время, когда США, несмотря на свою экономическую и военную мощь, обязаны считаться с мировым общественным мнением, иначе американское правительство восстановит против себя многие страны нашей планеты.

Иногда в США и СССР раздаются голоса, что во время Карибского кризиса Советский Союз отступил под нажимом военной мощи США. По-моему, это неправильно. Кризис был урегулирован путем разумного обоюдного компромисса, в результате чего удалось избежать ядерного конфликта с его непредсказуемыми последствиями. К тому же СССР удалось получить от США обязательство, что они не будут вторгаться на Кубу в будущем. Ранее же правящие круги США открыто заявляли о своих планах свержения режима Фиделя Кастро.

Запись полковника В. П. КРИКУНОВА

⁴ Там же. — С. 65.

⁵ Там же. — С. 74.

Присяга на подданство России

ДРУЖЕСТВЕННЫЕ связи между братскими народами СССР имеют глубокие исторические традиции, они отразились в исторических источниках, документах, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов СССР (ЦГАДА СССР). Мы публикуем один из документов, свидетельствующих об истинных отношениях между Россией, Молдавией и Валахией в те далекие времена.

Документы XVII века говорят о стремлении молдавского и валашского народов к тесному союзу с Россией. В 1650-х годах в молдавско-русских отношениях наступает этап, когда молдавские господа выражали желание принять российское подданство. Георгий Стефан отправил в 1656 году в Москву послов с проектом договора, который обеспечивал принятие Молдавии в состав Российского государства, возврат молдавских крепостей на Днестре, завоеванных турками, отмену дани, которую взимала Османская империя.

В 1674 году в Москву с просьбой об оказании помощи в борьбе против Турции и обещанием принять русский сюзеренитет обратились молдавский господарь Стефан Петричейку и бывший валашский господарь Константин Шербан. В 1684 году за помощью в освобождении от турецкой зависимости к России обратились боярство и духовенство Молдавии.

В 1688 году в Москву приехал архимандрит Исайя с просьбой от валашского господара Шербана Кантакузина о помощи в освобождении Валахии от османского владычества, обещая признать русский сюзеренитет. Такие же просьбы были в 1701 году присланы Петру I валашским господарем Константином Брынковяну и молдавским господарем Константином Дукой.

В 1711 году Россия вступила в войну с Турцией, вместе с русской армией в военных действиях участвовали и молдавские военные отряды.

Документы показывают начало совместной борьбы братских народов против турецких поработителей (Прутский поход 1711 г.), которая завершилась в XIX веке освобождением Молдавии и Валахии из-под многовекового турецкого ига.

Целью настоящей публикации является ознакомление широкого круга читателей с документами, ранее известными только специалистам. Издания, где эти документы публиковались, являются библиографической редкостью.

Присяга на подданство России посланников молдавского господара Георгия Стефана, митрополита Гедеона и боярина логофета Григория Нянула, данная в Московском Успенском соборе *

Яз, Молдавского воеводства сучавский митрополит Гедеон, да логофет Григорий обещаемся пред святым Евангелием за себя и за Стефана-воеводу, и за весь духовной и мирской чин на том, что прислал нас к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу, Стефан-воевода и владетель Молдавской земли бить челом, чтоб он, великий государь, пожаловал, [и] велел ево, Стефана-воеводу, со всею Молдавскою землею принять под свою государскую высокую руку в вечное подданство. И великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белья России самодержец, его царское величество пожаловал Стефана-воеводу со всею Молдавскою землею под свою государскую высокую руку принять изволил.

И Стефану-воеводе и духовного чину людям, также и боярам, и всякого чину людям быти под царского величества высокою рукою навеки неотступным, и служити ему великому государю и сыну его государеву, государю царевичу и великому князю Алексею Алексеевичу Всея Великия и Малыя и Белья России и наследником верно, и на всякого его государева неприятеля стоять, по его государеву повеленью, безо всякие измены, а к турецкому, и крымскому, и к иным государям впредь не приставать. И на том на всем ему, Стефану-воеводе и боярам, и всякого чину начальным людям учинит вера перед его государевыми послами, которых его царское величество изволил к нему, Стефану-воеводе прислать, и письмо о том за своими руками и за печатями, к царскому величеству для утверждения и верности послать с теми ж его царского величества послами. А на истинное уверение во всем в том обещающа государю своему, царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу и его благоверной царице и великой княгине Марии Ильиничне и благоверному государю, царевичу и великому князю Алексею Алексеевичу всея

* Стиль и частично орфография источника сохранены.

Великия и Малыя и Белья России, и их государским наследникам, по непорочной заповеди господа бога и спаса нашего Иисуса Христа, якож во святом Евангелии указался, еже ей, ей на том, послужити мне ему, государю своему, царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу и его благоверной царице и великой княгине Марии Ильиничне и благоверному государю царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю всея Великия и Малыя и Белья России и их государским наследникам. И опричь государя своего царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и сына его государева государя царевича и великого князя Алексея Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России и их государских наследников на Московское и на Владимирское государства, и на все великия государства Российского Царствия и на Великое Княжество Литовское и на Княжество Киевское и Черниговское и на всю Малую и Белую Русь иного царя из иных государств, польского и немецких реш¹, королей и королевичей, из розных земель царей и цариц, и из русских, и из иноземских родов никого не хотети, и под государствами, которые под ними государями, не подыскиваться никакими мерами и никакою хитростью.

А где уведая или услышу на государя своего царя и великого князя, Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, и сына его государева государя царевича и великого князя Алексея Алексеевича, и на его царского величества наследников, и на все его великия государства на Великую и на Малую и на Белую Русь, и на Великое Княжество Литовское каких неприятелей турских или крымских, или коих иных государств собрание и злой умысел, или его царского величества в подданных измену, или иной какой злой умысел; и мне (имрек) государю своему, царю и великому князю Алексею Михайловичю, про то известити, как мочно вскоре, а самому против неприятелей за государя своего и за его государства стояти, и промысл всякими мерами к помочи делати, и битися не щадя головы своея, а изменника поймать. А где велит мне царское величество быть на своей великого государя службе с своими царского величества московскими ратными людьми, или с его царского величества подданными гетмана Богдана Хмельницкого полку с запорожскими черкасы, и кто будет царского величества над войски бояре и воеводы, и мне будучи на государеве службе, тех бояр и воевод слушать, и с его царского величества ратными людьми совет и промысл имети, и с его государевыми недруги битися заодно. И которые со мною будут царского величества подданные молдавские ратные люди, и мне их утверждать, чтоб они царского величества с ратными людьми совет и дружбу имели, и царского величества с недруги бились заодно, не щадя голов своих, чтобы их обещание и клятва у всех

была без преткновения постоянна. И из полков мне царского величества к неприятелю не отъехать и никакими мерами измены не учинить, и в городех, где мне случится быть, царского величества с подданными, и мне неприятелю города не здать, и неприятеля на простое и безлюдное место собою и иным никем к городу не подвезть, и зла никакова не учинить, и ни в которое в иное государство изменою не отъехать и будучи в полках, воевод не покинуть и с его государевыми недруги и со изменники не ссылатись, и ни в чем мне государю своему, царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу и сыну его государеву государю царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю и их государским наследникам не изменити никоторыми делы, и никоторым лукавством. А кто не станет государю царю и великому князю Алексею Михайловичю, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу и сыну его государеву государю царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю и их государским наследникам служить и прямити, или кто учнет с их государскими недруги ссылатись, и мне с теми людьми за них, государей своих, и за их государство битись до смерти, а самому мне по моему обещанию, еже обещаюсь ныне пред святым сим Евангелием, ни какой измене и к воровству ни к какому и ни какой прелести не приставати и во всем мне государю своему, царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу и сыну его государеву государю царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю и их государским наследникам служить и прямити и добра хотети безо всякого лукавства в правду, якоже аз обещахся.

Аз, Григорий Ненюл, второй логофет Геден, митрополит Сучавский и всей земли Молдавской 7164 (1656) года июля в 7 день по государеву цареву и великому князю Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу указу, великий государь святейший Никон² патриарх Московский и всея Великия и Малыя и Белья России, в соборной церкви Успения Пресвятыя Богородицы пред престолом господним, по сей записи Стефана-воеводы и владетеля Молдавской земли посланника Сучавского митрополита Гедена к вере привел.

А логофета Григорья и всех людей, которые были от владетеля с посланники, приводил к вере в соборной же церкви тверской архиепископ Лаврентий, да соборной протопоп Михайло июля 21-го/дня.

ЦГАДА СССР, ф. 68, оп. 3, д. 5, лл. 1—2. Подлинник. Копия: там же, лл. 6—8.

*Публикацию подготовили
сотрудники ЦГАДА СССР*

*Т. А. ЛАПТЕВА,
кандидат исторических наук;
Т. Б. СОЛОВЬЕВА,
кандидат исторических наук*

² Никон, патриарх Московский и всея Руси (1652—1658).

¹ Государств.

РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ ГЕНИЙ

ЕСЛИ проследить мировую военную историю за много веков, если проанализировать наиболее важные ее события, вряд ли можно найти полководца, равного Александру Васильевичу Суворову. Считается, что за свою боевую жизнь он провел 60 сражений и боев, в которых всегда выходил победителем. Можно сомневаться или не сомневаться в этой цифре — количество сражений подсчитать легко, количество боев — гораздо труднее, ведь в иные кампании Суворову приходилось бить врага не единожды на дню. Другую цифру назвать легче — число поражений, ибо их не было ни единого...

Суворова даже в юбилейной статье подробно представлять в обычном роде нет необходимости — его биография широко известна каждому, кому дорога честь и слава России. А кому она не дорога, с тем и говорить нет смысла. Однако есть в этой биографии немало сторон, которые по разным причинам до сих пор освещались по меньшей мере неточно либо попросту искажались. Прежде чем подойти к фактам серьезным, остановимся на одном, весьма забавном.

Возьмем Большую Советскую Энциклопедию, где в 25-м томе на с. 26 сообщается, что Александр Васильевич родился 13(24) ноября 1729 или 1730 года. Том этот вышел в 1976 году. Теперь берем книгу Олега Михайлова «Суворов», вышедшую в серии «Жизнь замечательных людей» в 1973 году. Там без «или» значится 1729 год, причем на этой дате Михайлов настаивал, основываясь на обнаруженных им документах.

В 1979 году целый ряд журналов готовил юбилейные публикации по поводу 250-летия Суворова, много передач этой теме посвятили радио и тогда еще не окончательно оккупированное и соблазненное интерпотаскушками и голубыми ревушками чудовищами среднего пола Центральное телевидение. По радио, к приме-

ру, я слышал последнюю передачу за неделю до юбилея, а потом вдруг все как обрезало. Радио замолчало, телевидение погасло, газеты рассыпали набранные статьи. Газеты успели, журналы нет. Я работал тогда в журнале «Советское военное обозрение», и мою статью в 11-м номере остановить уже не успели. После выхода номера главного редактора вызывали в какие-то инстанции и укоряли за то, что поспешил отметить юбилей полководца.

Оказалось, что состоялось соответствующее решение на самом высоком, «бровеносно-сусловском» уровне, по которому Суворова «переродили» на 1730 год. Зачем? Официально это в печати не объяснялось, но главный редактор сообщил, что ларчик открывался просто. «Бровеносная» армия вспомнила, что меньше чем через месяц грядет другой юбилей другого генералиссимуса — И. В. Сталина, родившегося 9(21) декабря 1879 года. Как-никак сто лет! Посудили, порядили и решили, что ежели юбилей Суворова отметить широко, то это обидит Сталина. Обижать не хотелось, тем более что Суворов — это «наследие царизма», «царский сатрап», как его называли в первые послереволюционные годы, а Сталин — в какой-то мере отец родной.

Суворову пришлось «подвинуться», дабы не затмевать своим именем очень скромно отмеченный 100-летний юбилей. И вот уже в Советской Военной Энциклопедии появилась другая дата — 1730 год, и пошла она твердо шествовать по словарям и справочным изданиям. Ровно на год «помолодел» Александр Васильевич и в книге Олега Михайлова, теперь уже в романе «Суворов», вышедшем после означенных событий. В том, как и во всех последующих, в совершенно идентичной ЖЗЛ-овскому изданию фразе значилось: «Здесь 13 ноября 1730 года, через пять лет после кончины Петра Великого, ро-

дился Александр Васильевич Суворов»¹. Из всех последующих изданий «Суворова» исчезла и сноска, сопровождавшая издания «Молодой гвардии» серии «ЖЗЛ»: «Спор вокруг даты рождения Суворова длился весь XIX век и как будто бы закончился победой тех, кто утверждал правоту 1730 года. Однако аргументы их противников не были опровергнуты, более того, данные, собранные уже в наши дни, подтверждают большую правдоподобность 1729 года». См.: Гутор А. Е. К вопросу о времени рождения Александра Васильевича Суворова // Суворовский сборник. Статьи и исследования. — М.: Изд-во АН СССР, 1951. — С. 183—190. Впрочем, люди, не читавшие даже собственных воспоминаний, не могли интересоваться такой глупостью. А потому остается лишь воскликнуть: «Спасибо товарищу Сталину за омоложение Суворова».

ОН ВРАГУ НЕ ДАЕТ ПОКОЯ

Слава великого Суворова, самого выдающегося полководца из всех, кого когда-либо знала история, не давала покоя тем, кто ненавидел и ненавидит Россию как прежде, так и теперь. Хула бывает разной. Бессовестная и грязная ложь, которую вылил Внешторгиздат в книжонке «Любовники Екатерины» на российскую императрицу, более взвешенная пошлость и пакость, содержащаяся в тиражируемой ныне книге К. Валишевского «Роман одной императрицы» или «Роман императрицы», похабщина и ничем не подкрепленная хула на князя Потемкина... На Суворова лить грязь и ложь открыто не решаются. Лгут косвенно, подсовывая фальсификацию невзначай туда, где ее и не ждешь. Возьмем для примера одного из наиболее злобствовавших, но одновременно и талантливого фальсификатора, люто, всеми фибрами души ненавидевшего Россию и русских, поляка К. Валишевского². В книге «Роман одной императрицы», репринтное воспроизведение которой сделано совместным советско-финским предприятием «ИКПА», говорится следующее: «Во время второй турецкой войны (1787—1791. — Н. Ш.), так малопохожей на первую (1768—1774. — Н. Ш.), казалось, что звезда Екатерины надолго померкла. Неудачи следуют одна за другой. Она отказывается в них сознаться. Она как бы не знает и требует, чтобы весь свет тоже не знал о поражениях ее армии и ее полководца, который — увы! — уже не Румянцев, а Потемкин. Но стоило только туркам в свою очередь испытать хотя бы малейшие неудачи (например, в октябре 1787 г. под стенами Кинбурна), как она тотчас же призывает служить благодарственные молебны, палить в знак радости из пушек и трубить по всей Европе о славных подвигах русской армии»³.

¹ Михайлов О. Н. Избранное. В 2 томах. — Т. 1. Суворов. Исторический роман. — М.: Воениздат, 1989. — С. 12.

² Между прочим, четырехтомник Валишевского на будущий год выходит в качестве литературного приложения к журналу «Огонек». «Огонек» и фальсификатор-русолоб Валишевский рядом — с чего бы это? — Ред.

³ Валишевский К. Роман одной императрицы. — М.: СП «ИКПА», 1989. — С. 75—76.

Одним ударом Валишевский незаслуженно обгадил и Екатерину II, и Григория Александровича Потемкина, и Александра Васильевича Суворова. Екатерина II, по его словам, лгунья, Потемкин не полководец. Заодно Валишевский «украл» и все блестящие победы Суворова. Ведь война, о которой шла речь, богата победами последнего. Кстати, за все время от 1787 до 1791 года русская армия не потерпела ни единого поражения — НИ ЕДИНОГО! А ведь эту ложь Валишевского покупают по 25 рублей за экземпляр или в лучшем случае плохонькое издание в мягком переплете за 12 рублей. Вот тут действительно успех у врагов нашего Отечества. И куш срывают огромнейший — помножьте 25 рублей на 200 тыс. экземпляров, получится 5 млн. рублей. Недурно. И одновременно читатель оболванен. Ведь с пошленькой приправой лжи об интимных делах российской императрицы, к которой, извините за грубость, под одеяло с таким вождением заглядывал Валишевский, приглашая заглянуть и наиболее всеядных читателей, с этой пошленькой приправой легко сводится на нет в умах непросвещенных правда о славе русского оружия, правда о Суворове. Валишевский утверждает, что были одни поражения. А мы знаем, что во второй турецкой войне были Кинбурн, Очаков, Максимины, Галац, Фокшаны, Рымник, Аккерман, Бендеры, Гаджибей, Тульча, Килия, Измаил, Мачин, добавим к этому блестящее сражение при Калиакрии, другие победы Ушакова — получим далеко не полный перечень великих побед России. Суворов прославил русское оружие в битвах при Кинбурне, Фокшанах, Рымнике и Измаиле. Относительно этих побед ни в учебниках, ни в энциклопедиях, ни в других изданиях разночтений нет. Недаром же во времена черной реакции, во времена прусского засилья в России Павел вынужден был пойти навстречу венскому двору и ненавистного Суворова, который продолжал говорить: «Горжусь, что я русский!», высылить из ссылки и послать коломшматить хвастливых и хваленых наполеоновских воjak в Швейцарию и Италию.

Таким образом, мы можем предположить, что Валишевский либо абсолютный профан в истории, либо злобный фальсификатор. И то и другое не дает права тиражировать его, никак не комментируя ложь. Не комментируя ложь, издатели сами становятся на сторону лжецов. Признаться, я не сразу понял, что совместные предприятия — это предприятия против России, против нашего народа, нашей истории, нашей чести, достоинства, славы. Издания Валишевского и Евгеньевой лучшим образом убеждают в этом. Во всяком случае в отношении «ИКПА».

Очень бы хотелось, чтоб деятели этого самого «ИКПА» называли хотя бы одну неудачу русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Называть им (для их сожаления, увы) нечего. Впрочем, 5 млн. рублей только за одну книгу у них в кармане.

Кстати, выдающийся русский военный и государственный деятель, полководец и дипломат, по определению великого Держ-

жавина, «чудный вождь» Потемкин тоже, как и Суворов, не потерпел ни одного поражения. НИ ОДНОГО! Пусть тот же «ИКПА» попробует найти хотя бы единое.

Мало того, что Валишевский «украл» победы Суворова, он даже значение той, которую оставил ему, принизил. Ведь под Кинбурном успех русских войск очень значителен. Как известно, это первая решительная операция турок в ходе войны 1787—1791 гг. Планы были грандиозные — предполагалось захватить Крым, в 1783 году присоединенный к России, уничтожить Севастополь, Херсон. На пути стояла Кинбурнская крепость. Проведя ряд безуспешных вылазок, прощупав силы Суворова, турки предприняли решительный удар 1(12) октября 1787 года, высадив десант из 5300 человек (иногда приводятся несколько другие данные, впрочем, мало отличающиеся от этих). В ожесточенном сражении Суворов, лично руководя войсками, дважды раненный, не покинул поля боя. В результате десант был сброшен в море. Уцелело не более 300 турок, остальные 5000 были либо убиты, либо утонули. Суворов потерял 136 человек убитыми. Вот таков тот «незначительный» успех. Последствием его явился отказ Турции от дальнейших наступательных действий. Турки затворились в Очакове и сидели дрожа там, пока Потемкин не взял крепость штурмом в декабре 1788 года, положив на месте 8700 врагов и взяв в плен 4000 человек. Еще 1140 солдат неприятеля умерли от ран.

Впрочем, чего ожидать от иноземца Валишевского? Он враг, ему не хвалить России, ибо враг бесчестный.

Но как быть с теми, кто списывает у Валишевского? Они-то чего хотят добиться? Возьмем, к примеру, роман М. Т. Петрова «Румянцев-Задунайский»: «Хотя сражение у Кинбурна не имело решающего значения, хотя со стороны противника действовало всего лишь до шести тысяч человек и их нападение носило характер обычного поиска, Екатерина забила во все колокола. Она приказала служить благодарственные молебны, палить в знак радости из пушек (выделено мной. — Н. Ш.). В столицах европейских государств полетели письма, депеша. Шумиха началась такая, словно произошло второе Кагульское сражение.

Вскоре, однако, фортуна снова изменила русским»⁴.

Ну когда же это снова? И когда она изменяла раньше, хочется спросить у добросовестного списывателя.

Вот для сравнения у Валишевского: «...она тот час же приказывает служить благодарственные молебны, палить в знак радости из пушек (выделено мной. — Н. Ш.) и трубить по всей Европе о славных подвигах русской армии. Подумаешь, что под Кинбурном было повторение Чесменской победы»⁵.

Все почти слово в слово, разве только вместо Чесмы — Кагул. Зачем же писатель, судя по фамилии, русский, унижает Суворова? Кстати, в этом романе и списы-

ваний с Валишевского предостаточно, ч хулы на Потемкина сколь угодно, да и Румянцев с Суворовым иногда показаны недостойно, а иногда и просто забавно. Вот хотя бы такой эпизод из того же романа М. Т. Петрова, где описывается встреча Румянцева и Суворова перед отъездом Александра Васильевича в Польшу:

«Глянув на его (Румянцева. — Н. Ш.) ордена и ленты, Суворов невольно вытянулся, и Румянцеву пришлось повторить приглашение, чтобы тот сел...»⁶.

Автору следовало бы знать, что к тому времени Суворов имел все без исключения высшие военные награды России, да и самая почетнейшая государственная награда — орден Святого Андрея Первозванного тоже у него был, пожалованный за Кинбурн. Был и орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия 1-й степени, пожалованный за Рымник, была и 2-я (за первую турецкую войну), и 3-я степень (по итогам второй турецкой войны).

Далее следует слащавый разговорчик в духе «бровеносно-сусловских» времен, а никак не «золотого екатерининского века». Потом Румянцев дарит Суворову свою шапку со словами:

«Прими, Александр Васильевич. Мне она больше не понадобится, а тебе... У тебя впереди только начатая дорога»⁷.

Румянцеву, у которого, как надо понимать, дорога позади, было в тот момент 69 лет, Суворову, у которого вся дорога впереди, — 65 лет (по «уточненным» в 1979 г. данным — 64).

И довершает М. Т. Петров хулу на Россию, на ее великих мужей фразой: «Помыслили Потемкина. Покойный князь обоим причинил много зла. Завистлив был...»⁸.

Наиболее извращены факты из биографии Суворова, касающиеся его отношений с Потемкиным. Причем авторы часто, желая как можно больше вымарать Потемкина, унижают, могут допустить, что и непроизвольно, самого Суворова.

СУВОРОВ И ПОТЕМКИН — ГЕНИИ XVIII ВЕКА

Известный русский государственный деятель Сперанский писал: «За все XVIII столетие в России было четыре гения: Меншиков, Потемкин, Суворов и Безбородко...»⁹.

Так что же не поделили два российских гения? И какое зло принес Потемкин Суворову? Было бы о том зле упоминание в безграмотной с исторической точки зрения книге М. Т. Петрова, можно было бы и не останавливаться на нем. Так ведь нет, об отношениях между двумя величайшими полководцами напридумано очень много и другими историками и литераторами. Даже Олег Михайлов в своей книге из серии «ЖЗЛ», а позже в романе «Суворов» не смог разобратся в отношениях между ними. Возьмем первую, идентичную роману. Приведем некоторые неудачные, мягко говоря, фразочки:

⁶ Петров М. Т. Указ. соч. — Т. 2. — С. 518.

⁷ Там же. — С. 520.

⁸ Там же. — С. 519.

⁹ Цит. по: Фатеев Ар. Н. Потемкин-Таврический. — Прага: Русская Ученая Академия, 1945. — С. 1.

⁴ Петров М. Т. Румянцев-Задунайский. — Т. 2. — Саранск, 1985. — С. 472.

⁵ Валишевский К. Указ. соч. — С. 76.

«Проводя Потемкина, Суворов, не стесняясь присутствия нескольких приближенных светлейшего, сказал своим офицерам: — Одним глядением крепости не возьмешь. Послушались бы меня, давно Очаков был бы в наших руках»¹⁰.

Суворов не был хвастуном и зазнайкой, коим он выставлен в данном случае.

Придерживается автор романа и избитой версии о том, что, если бы не Потемкин, Суворов взял бы крепость Очаков сам 27 июля, используя для этого вылазку турок. Вот как он описывает эти события.

«Наблюдавший издали за боем Потемкин был в ярости. Де Линь предлагал немедленно штурмовать оставшиеся почти без защиты укрепления. Австрийский принц ясно видел, как большинство значков турецких отрядов — лошадиных и буйволовых хвостов на золоченых древках — уже переместилось к своему правому флангу и обнажило левый. Фельдмаршал был непреклонен. Бледный, плачущий Потемкин шептал:

— Суворов хочет все себе заграбить!

В лагере разнесся слух, что генерал-аншеф умирает от раны. Однако примчавшийся в палатку Суворова Массо застал его хоть и всего в крохи, но играющим в шахматы со своим адъютантом Курисом»¹¹.

Дальнейшее описание свидетельствует о том, что бой еще продолжался, еще гибли люди, а Суворов играл в шахматы и людей спасло «только вмешательство Репнина, отвлекшего на себя часть турок»¹². И снова Суворов показан злословом. Когда у него спросили, что передать светлейшему, тот ответил: «Я на камушке сижу, на Очаков я гляжу».

Эта фраза, кем-то придуманная, приводилась затем не раз во многих трудах, и в нее вкладывали один и тот же смысл: Суворов этим глубоко оскорбил Потемкина и тот его «сослал» в Кинбурн.

Что же случилось 27 июля на самом деле? Об этом красноречиво и предельно точно свидетельствуют документы, и прежде всего письма самого Суворова и самого Потемкина.

Вот они. 28 июля, т. е. на следующий день после боя, Григорий Александрович Потемкин писал Александру Васильевичу Суворову:

«Будучи в неведении о причинах и предмете вчерашнего происшествия, желаю я знать, с каким предположением ваше высокопревосходительство поступили на оное, не донеся мне ни о чем во все продолжение дела, не сообщая намерений ваших прилежащих к вам начальников и устремясь без артиллерии противу неприятеля пользующегося всеми местными выгодами. Я требую, чтобы ваше высокопревосходительство немедленно меня о сем уведомили и изъяснили бы мне обстоятельно все подробности сего дела»¹³.

Как видим, Суворов 27 июля о действи-

ях своих донесений не слал, подкреплений для немедленного штурма не просил и о схватке с врагом Потемкина не оповестил. Он занимался отражением вылазки. И отразил, о чем доложил Потемкину утром 28 июля в рапорте, который отправил еще до получения вышеприведенного письма главнокомандующего:

«Вчера пополудни а 2 часа из Очакова выехали конных до 50-ти турков, открывая путь своей пехоте, которая следовала скрытно лощинами до 500-т. Бугские казаки при господине полковнике Скаржинском, конных до 60, пехоты до 100 три раза сразились, выбивая неверных из своих пунктов, но не могли стоять. Извещен я был от его, господина Скаржинского. [С]толь нужный случай в наглос покушении неверных решил меня поспешить отрядить 93 человека стрелков Фанагорийского полка к прогнанию, которые немедленно, атаковав их сильным огнем, сбили; к чему и Фишера батальон при г-не генерал-майоре Загряжском последовал. Наши люди так сражались, что удерживать их невозможно было, хотя я посылал: во-первых, донского казака Алексея Поздышева, во-вторых, вахмистра Михаила Тищенко, в-третьих, секунд-майора Куриса и наконец г-на полковника Скаржинского. Турки из крепости умножились и весьма поспешно; было уже их до 3000 пехоты; все они обратились на стрелков и Фишера батальон, тут я ранен и оставил их в лучшем действии. После прислел и Фанагорийский батальон при полковнике Сытине, чего ради я г-ну генерал-поручику и кавалеру Бибикову приказал подаваться назад. Другие два батальона были от лагеря в одной версте. При прибытии моем в лагерь посланы еще от меня секунд-майор Курис и разные ординарцы с приказанием возвратиться назад. Неверные были сбиты и начали отходить. По сведению от г-на генерал-майора Загряжского, батальонных командиров и г-на Скаржинского турков убито от трех до пяти сот, ранено гораздо более того числа...»¹⁴.

Оказывается, Суворов не только «не хотел все заграбить», не только не спешил бросить людей на неподготовленный штурм без артиллерийской поддержки, без подкреплений, но и сам удерживал людей, в азарте гнавших турок. И Репнин в письмах не упоминается, который в «Фаворите» В. С. Пикуля, например, вообще кладет целый кирасирский полк, чтобы спасти Суворова.

А вот еще одно письмо Суворова, написанное уже в ответ на присланное Потемкиным в тот же день 28 июля: «На последнее Вашей Светлости, сего июля 28[-го] числа данное имею честь донести, что причина вчерашнего происшествия была предметом защиты Бугских казаков по извещении г-на полковника Скаржинского, так как неверные, вошед в пункты наши, стремились сбить пикеты к дальнейшему своему усилению; артиллерию тут не была по одним видам малого отряда и подкрепления. О начале как и продолже-

¹⁰ Михайлов О. Н. Суворов. — М.: Молодая гвардия, 1973. — С. 247.

¹¹ Там же. — С. 248—249.

¹² Там же. — С. 249.

¹³ Дубровин Н. Ф. Бумаги князя Григ. Алекс. Пот.-Тавр. 1774—1788. — СПб., 1893. — С. 362.

¹⁴ Масловский Д. Ф. Письма и бумаги А. В. Суворова, Г. А. Потемкина, П. А. Румянцева. — СПб., 1895. — С. 160, 161.

нии дела, чрез пикетных казаков Вашу Светлость уведомлено было. Начальник прилежащий к здешней стороне сам здесь при происшествии дела находился. Обстоятельно Вашей Светлости я донес сего же числа, и произошло медление в некотором доставлении оного по слабости здоровья моего»¹⁵.

Говоря о сплетнях, касающихся светлого образа Суворова и не менее светлого образа Потемкина, ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба генерал-майор Д. Ф. Масловский писал: «Источники и исследования 2-й турецкой войны вообще, и в частности Кинбурн-Очаковской операции, приведены в полную известность сравнительно недавно. Обширная литература этой войны (напечатанные сырые материалы, сочинения и отдельные статьи) была указана генералом Н. Ф. Дубровиным в его замечательном разборе (1882 г.), одном из законченных специальных сочинений по 2-й турецкой войне... Что же касается рукописных материалов... они, очевидно, были известны только генералу Дубровину. Это, безусловно, в некоторой степени оправдывает тех авторов, что писали о Суворове до конца XIX века, зачастую не имея возможности узнать истину из писем. Но никак нельзя оправдать тех, кто, не изучая первоисточников, коими, как известно, являются письма и бумаги, писанные самим героем, будь то Суворов или Потемкин, списывает у тех, кто фантазировал ранее».

Адмирал П. В. Чичагов весьма метко отмечал, «что прибыль от своего злословия спекулируют не только презренные памфлетисты и пасквилянты обоего пола, но что писатели серьезные, мнимые добросовестные философы повторяют с преувеличениями те же бредни, чтобы щегольнуть своим красноречием, будучи, без сомнения, обмануты сочинениями первых или не умея почерпнуть сведения из лучших источников. Впрочем, политические заблуждения, оскорбления и клеветы ничего не доказывают»¹⁶.

Но каковы же все-таки были отношения между Суворовым и Потемкиным? Об этом лучше всяких пасквилянтов расскажут письма. В 1787 году Потемкин, направляя Суворова в Херсон командовать корпусом, писал: «Мой друг сердечный, ты своей особою больше 10 тысяч человек. Я так тебя почитаю и ей-ей говорю чистосердечно»¹⁷.

Суворов, зная, что Потемкин выбревал для него за Кинбурн орден Св. Андрея Первозванного, писал ему: «Светлейший Князь, мой Отец! Вы то могли один совершить. Великая душа Вашей Светлости освещает мне путь к вящей Императорской службе. Мудрое Ваше повелительство ведет меня к твердому блюдению должностей обеим Богам»¹⁸.

И за Рымник Потемкин постарался отметить своего любимца как можно выше.

Суворов был возведен в графское достоинство, получил орден Св. Георгия 1-й степени, был осыпан прочими милостями. По этому поводу Григорий Александрович Потемкин писал Александру Васильевичу: «Вы, конечно, во всякое время равно приобрели славу и победы, но не всякий начальник с равным мне удовольствием сообщил бы вам воздаяние; скажи, граф Александр Васильевич, что я добрый человек; таким буду всегда!»¹⁹.

Суворов, обрадованный наградами, совершенно искренне писал начальнику канцелярии князя генерал-майору Василию Степановичу Попову: «Долгий век Князю Григорию Александровичу! Увенчай его Господь Бог лаврами, славою. Великой Екатерины верно подданные, да питающая от тука Его милостей. Он честный человек, он добрый человек, он великий человек! Щастье мое за него умереть!»²⁰.

Неужели же современные биографы не знали обо всех этих письмах? Нет, кое о каких они знали и даже приводили их, как, скажем Олег Михайлов, который объяснял их так: «Но вправе ли мы строго судить за это (т. е. за добрые отзывы в адрес Потемкина. — Н. Ш.) великого полководца? В те поры без могущественного покровителя высокопоставленные завистники и недоброжелатели легко могли расправиться с талантом прежде, чем он успел бы добиться достаточно независимого положения...»²¹.

Не верится в то, что Суворов злословил за спиной у князя и бросал язвительные реплики. Приводя их, сам же автор себе и противоречит. То, видите ли, кривил душой по необходимости, то злословил за кулисами. Не надо российских гениев судить по воспитанникам эпохи застоя. Потемкина и Суворова окружали разные люди — были среди них и враги лютые, готовые свалить этих двух гигантов, но искренние отношения поддерживали российские гении с людьми, подобными В. С. Попову.

Уже после смерти Потемкина и после смерти императрицы Павел I, ненавидевший князя, во время разговора с Поповым, коснувшись имени Потемкина, пришел в ярость и стал выкрикивать одну и ту же фразу, многократно повторяя ее:

— Что сделать, чтобы ликвидировать зло, причиненное Потемкиным Россией?

Попов, принужденный отвечать, но не умевший льстить и кривить душой, ответил со значением:

— Отдать туркам южный берег.

Взбешенный Павел побежал за шпагой, а Попов покинул дворец и на следующий день был сослан в свою деревеньку Решетиловку.

Нуждаются в очищении от лжи и события, связанные с величайшим подвигом Суворова — штурмом Измаила, тем более что в этом году этому событию исполняется 200 лет.

Полковник Н. Ф. ШАХМАГОНОВ

¹⁵ Там же. — С. 161.

¹⁶ Записки адмирала Чичагова // В кн.: Архив адмирала П. В. Чичагова. — СПб., 1885. — С. 63.

¹⁷ Цит. по: Осипов К. Суворов. — М.: Госполитиздат, 1941. — С. 93.

¹⁸ А. В. Суворов. Письма. — М.: Наука, 1986. — С. 121.

¹⁹ Цит. по: Русский биографический словарь — Т. 14. — СПб., 1905. — С. 663.

²⁰ А. В. Суворов. Письма. — С. 190.

²¹ Михайлов О. Н. Суворов: ЖЗЛ. — С. 228.

НЕ СОТВОРИ КУМИРА

БОТ ОНО что, оказывается! Александру Исаевичу Солженицыну нужна гласность. Ему — лично. Для себя! Для саморекламы. Еще раз протрубить на весь мир очередное заявление, в котором его собственное имя было бы центральным пунктом, а все остальное — обстоятельства, события, люди — обрамлением, рамочкой. И какая удобная, в самый раз подвернувшаяся трибуна для оглашения такого заявления — могила Воронянской! Этой несчастной старухи, заплатившей жизнью за свою собачью преданность ему.

Говорю:

— Не пойдет. Не будет от меня никаких заявлений.

Заявлять — это значит жаловаться. За всю жизнь никогда никому не жаловался. Тем более сейчас не буду жаловаться, да еще Западу, который 27 лет назад спокойно и вежливо вытолкнул меня, вымел, как выметают мусор. А что с нами должно было случиться—это их не касалось. Для них в тот момент хорошие отношения с большевиками были важнее моей персоны. И не только моей, а и многих тысяч таких же, как я.

— Так и передайте — никаких заявлений от Самутина не будет.

Ушел. По всей видимости, довольный.

А меня завинтило. Не могу уснуть. Верчусь и чертыхаюсь.

Что за поветрие — жалобы иностранным корреспондентам?

Ведь до того дело дошло, что я покойницу Елизавету Денисовну даже пугал своим «пророческим даром». Как-то уловил «ритм» выступлений и заявлений Александра Исаевича. И за неделю-другую предсказывал его очередное обращение к иностранным корреспон-

дентам. Темы, правда, не угадывал. Поди узнай, когда о творческих планах расскажет, а когда просто на голодуху пожалуется. Но сроки определял точно: каждый раз, когда шум вокруг его имени утихал и нужно было поддержать его уровень очередным сообщением о жизни «великого страдальца».

Ну, с ним-то все ясно. А другим эта толкотня в передних у иностранцев для чего? Не хочется же дурно думать о людях и предполагать только материальный интерес. Что касается «идейной» стороны дела, то только очень уж наивный и несмышленный, начинающий может вообразить, что такие обращения к заграницам могут принести какую-то пользу. Знал я про одного «инакомыслящего», о котором в какой-то голландской газете расписали, что он-де видный советский историк и длительное время находился в заключении. Казалось бы, сделал доброе дело человеку: создали ему приличную репутацию в стране Голландия. Парень по недомыслию стал хвастаться иноземной газеткой среди знакомых. И результат — оказался посмешищем. Окружающие-то знали, что «ученого» выперли со второго курса истфака за прогулы. А «отсидка» длилась четыре... дня, пока не разобрались, что фарцевал наш знакомый по мелочам, и отпустили.

Впрочем, забегаю вперед. Недавно я узнал, что этот самый мелкий грешник попал наконец в свою дорогую Голландию и подвизается там в качестве... доцента-историка!

Иной пример. На этот раз всамделишный академик. Очень ему польстило обращение всемирно известной газеты «Ди вельт» за интервью. А когда номер этой всемирно известной появился в Москве, академика спросили: что же это вы такую околесицу несете? Академик

пришел в ужас, когда ему перевели немецкий текст. Объяснил, что, во-первых, никогда ничего подобного не говорил, а во-вторых... Произошло, дескать, недоразумение. Корреспондент, видите ли, владел только немецким языком, а он, академик, слабо английским. Академик каялся в безответственности.

Любопытна и мотивировка, которую он привел как объяснение самого факта интервью. Ему, видите ли, хотелось сообщить... Советскому правительству о некоторых нарушениях законов, о которых ему стало известно. Решил сделать это через западную прессу, так как опасался, что иначе письмо его будет перехвачено... КГБ.

Итак, Солженицын посылал гонца за моим заявлением.

Не тот человек А. И., чтобы оплачивать такую поездку, да еще на такси, ради одного только вопроса: «архив» или «Архип»? Значит, мое заявление ему особенно нужно. Я должен из первых рук возвестить Западу, что «Архипелаг ГУЛАГ» взят. И пожаловаться на изъятие бумаг, которые принадлежали отнюдь не мне, а покойной Воронянской. О, если бы вы, почтенный А. И., приехали бы сами тремя днями раньше, разве не отдал бы я вам бумаги, да еще и поспешил бы, пока они не спохватились. Где же были вы или ваш человек? Почему наконец ни намека: жгите, мол, немедленно все?..

Я еще раз хочу проверить себя. Может быть, я все-таки подвожу кого-то? Анонимных соавторов «Архипелага»? Но в рукописи всего несколько фамилий, связанных с такими незначительными эпизодами, что ими никто не заинтересуется. А генерал Головин из Праги или братья Солоневичи, из «произведений» которых взята вся «научная» часть книги, давно померли в надежных заграницах.

Пройдет немало времени, пока я смогу составить по отдельным репликам чекистов, сопровождавших меня в поездке на дачу и обратно, по скудным сведениям, что получу от наших общих с Елизаветой Денисовной знакомых, картину, что была мне еще неясна той ночью. И до сих пор я не нахожу ответа на

некоторые недоуменные вопросы, мучившие меня тогда, потерявшие сегодня всякую актуальность для меня, но, может быть, очень важные для выяснения истины. Как же случилось, что у меня смогли забрать рукопись «Архипа»?

Выяснится, что Елизавету Денисовну «пригласили» (по всей вероятности, так же как и меня) побеседовать с Николаем Семеновичем за три с лишним недели до моей с ним встречи и примерно за две недели до ее печальной кончины. Все это время она оставалась на свободе, имела полную возможность дать мне знать, что рукопись должна быть немедленно уничтожена. Или, по крайней мере, что надо мной сгущаются тучи. Она была свободна в своих передвижениях, могла приехать на дачу к нам, могла попросить сделать это кого-нибудь из своих немалочисленных друзей. Но этого не случилось.

Я не могу предположить, что Александру Исаевичу не было немедленно доложено и о разговорах с полковниками, и о том, что стало им известно. Какие же распоряжения отдал Александр Исаевич? Да намекни он хоть полсловечком, что я должен быть предупрежден, Елизавета Денисовна не на поезде — ползком, на карачках добралась бы до моей дачи, чтобы выполнить волю своего повелителя!

Значит, об этом речь не шла, и Александр Исаевич в течение двух-трех недель спокойно выжидал, пока «Архипелаг» будет взят.

Я представляю себе изумленную физиономию читателя. Как же так?! Выходит, что Солженицын был заинтересован в изъятии «Архипа»? Но другого объяснения я не вижу. И вместе с тем не вижу ничего странного в таком поведении Солженицына. Вспомним, 1973 год подходит к концу. Уже три с лишним года на свет божий не появляются новые произведения писателя, хотя обещано, что ежегодно будет выходить по новому роману из цикла, посвященного русской революции. Интервью, заявления или жалобы на то, будто ему, дескать, нечего кушать, способны в какой-то степени подогревать интерес к Солженицыну на Западе, но они вызывают в

лучшем случае сострадание, однако никак уж не восхищение.

Просто дать на Запад сигнал — публикуйте? Нельзя. Возмутятся самые близкие друзья, которых годами уверяли, дескать, обнародование «Архипа» приведет к гибели сотен людей. Так это или не так, но коли Исанич подобное утверждал, а потом решился на публикацию, значит, он решил пренебречь согнями жизнью? И ради видимой вынужденности такого шага отдал рукопись в руки властей.

Тем, кто решит, что я преувеличиваю, что пытаюсь навязать читателю плоды своей воспаленной фантазии, я хотел бы задать два вопроса.

Еще за 5 лет до описываемых событий знал я о существовании книги под названием «Архипелаг ГУЛАГ». Слышал не только от «посвященных», но и от людей, далеких от всякого диссидентства, самиздатовщины и прежде всего от знакомств с Солженицыным. Естественно предположить, что доходили сведения об этом и до властей. Но, насколько я могу судить, никаких мер по части поисков рукописи не предпринималось.

В начале августа 1973 года Вороньянская сообщает сотрудникам госбезопасности, что «Архипелаг» хранится у некоего Леонида Самутина, адрес которого достаточно хорошо известен. Проходит три недели, и никто не интересуется ни Самутиным, ни рукописью. Только после самоубийства несчастной Вороньянской, лишь через неделю после этого, Самутина задерживают и проявляют вдруг интерес к рукописи. А где же вы были, дорогие товарищи, три недели? Не так уж вы просты, чтобы не предположить, что Самутин мог за это время узнать о показаниях Вороньянской и принять свои меры. Что останавливало вас перед тем, чтобы пожаловать, скажем, на дачу все к тому же Самутину и с присущей вам в наши дни вежливостью поинтересоваться, где хранится эта злосчастная рукопись?

Так что устраивает вас это или не устраивает, дорогой читатель, но я **вынужден** предположить следующее: после того как Вороньянская сообщила властям о местонахожде-

нии рукописи, а они, тем не менее, на эту информацию не отреагировали, кто-то дополнительно известил соответствующие органы, будто «Архип» настолько опасен, что его следует немедленно изымать. Кто мог такое сделать? Предоставляю читателю возможность самому поломать голову над этим вопросом.

Проходят недели и месяцы. Я живу с этим страшным предположением, стараюсь самому себе доказать, что это невозможно. Абсолютно невозможно! Но доводы «защитника», чем больше пытаюсь укрепить и обосновать их, оказываются все более слабыми и иллюзорными. В конечном счете остается один, столь часто и столь многих вводивший в заблуждение во все века и у всех народов: **«Он не мог сделать этого!»**

«А почему, собственно говоря, не мог?» — слышу я голос «обвинителя». Вспомним-ка некоторые факты его биографии, чем-то похожие на эту ситуацию.

Один обыск и одно изъятие архива уже было. За семь лет до этого. Архив хранился у некоего Теуша. Фигуры в высшей степени однозной. Десятки людей знали, что Теуш, ставший на старости лет философом-теософом, ищет легальных и нелегальных связей с Западом, встречается с иностранцами и наверняка находится в поле зрения соответствующей службы. Живет в коммунальной квартире. Сам Александр Исаевич рассказывал, что подозревает: его разговоры с Теушем мог запросто подслушать сосед. Да и место для хранения чемоданчика с рукописями — не в глухом лесу, а в коммунальном чуланчике!..

И вот именно в тот момент, когда это было исключительно выгодно Солженицыну, нагрянули «гости». Но самое удивительное развернулось потом.

Александр Исаевич, естественно, потребовал возвращения конфискованного. Ко всему миру обращался он с протестами.

Задолго до семейной драмы Солженицыных Наталья Алексеевна Решетовская сообщила мне, что мужа вскоре пригласили для разговора в Рязанский обком партии. Он

идти не пожелал (пока не вернут рукописи — никаких разговоров!). Пошла она. Там ей сообщили, что все бумаги Солженицына находятся в прокуратуре СССР, откуда он и может их незамедлительно получить. Наивная женщина полагала, муж обрадуется этому известию, тут же сядет за руль «Москвича» и помчится в прокуратуру за архивом. Увы, он не сделал этого ни на следующий день, ни через год, ни через несколько лет, продолжая повсюду устно и письменно жаловаться, что ему не возвращают его собственность. Наталья Алексеевна повторила объяснения горячо любимого мужа: Саня, дескать, не хочет иметь дело с госбезопасностью. На простой довод, что прокуратура — это совсем иное учреждение, она возражала: «Саня считает, что это одно и то же». Поскольку так считал Саня, дальнейшая дискуссия была бесполезна.

А странная история «самодоноса» Солженицына на фронте, в результате которого он оказался за решеткой, но вдали от передовой? К этой истории мы еще вернемся...

А факты биографии А. И. Солженицына, о которых идет речь в «Архипелаге», — факты, которые не скажут многого тысячам читателей, но самоубийственные для автора с точки зрения тех, кто сам побывал на островах «Архипелага»? И о них мы еще поговорим...

Тем временем то на даче, то в городской квартире среди каких-то бумаг и папок, в книгах и просто на полках продолжали обнаруживаться «спасшиеся» от огня и канализации письма, странички рукописей, конверты и негативы. Они немедленно уничтожались. Но на одном кусочке пленки в маленьком без надписи пакетице я невольно задержался взглядом. И, как выяснилось, не напрасно. Сейчас, столько лет спустя, сколько ни силюсь, не могу припомнить, от кого пришел ко мне этот кусочек пленки — то ли остался от обширного архива Н. А. Решетовской, то ли это остатки «архива Воронянской». Да это в конце концов и не имеет теперь значения. Суть в том, что на документ под названием «Заявление от уроженца города Кисловод-

ска, находящегося в Москве на 2-м Лагучастке 15-го ОЛП Солженицына А. И.» я в свое время не обратил достаточного внимания. Но в тот момент, когда голова моя была занята стараниями разобраться в подлинном облике Солженицына, я многое увидел за казенными строками документа. Его стоит процитировать подробнее.

На бумаге (3 страницы) — нет даты, и можно лишь вычислить, когда она написана. «...Полтора года я лишен свободы». Значит, это июнь — июль 1946 года. О чем же просит в своем заявлении заключенный Солженицын?

«Прошу смягчить наказание, назначенное на меня, и заменить мне отбывание срока в исправительно-трудовых лагерях **административной высылкой** в любой, самый отдаленный район страны».

Если на подобное снисхождение всерьез можно было рассчитывать, если такая практика существовала в «Архипелаге» (а Солженицын был к тому времени уже далеко не новичком там), то все три тома «великой книги» следует немедленно бросить в печь! Если же ее не было, то для чего заявление, в котором перечисляются все доказательства преданности Солженицына Советской власти и того, что «Советская власть — это **моя** кровная власть и может рассчитывать на глубокую преданность... **на деле**» (выделенный шрифт Солженицына).

Этот документ заинтересовал меня, однако, не перечислением мнимых и действительных заслуг автора перед Советской властью — скрыть свои взгляды в официальном заявлении — это далеко не самое худшее, — а другим. Я не видел и никогда не увижу подлинного следственного дела Солженицына, и единственный источник сведений о нем — он сам. А вот что сообщает он в документе, в котором не солжешь, ибо тот, кому предстоит решить дальнейшую судьбу автора, будет держать его «дело» в руках: «Советскую власть я считал единственно правильной в мире... внешней политикой нашего государства я восхищался, марксистско-ленинскую теорию признавал незыблемой (был воспитан и вырос на ней), все

основные принципы нашей внутренней политики (колхозный строй, индустриализация, победа социализма в одной стране, сталинская национальная политика, социалистическая плановость в экономике и др.) разделял...» Виноват Солженицын (по его же словам) лишь в том, что «по некоторым вопросам находился в заблуждении» да в «манере горячо и необдуманно бросаться фразами». Мы еще не раз сопоставим это по необходимости правдивое свидетельство с тем, что рассказывает нам сам Солженицын о своем «деле».

Вторая мысль, которая хочешь не хочешь приходит в голову при чтении этого документа. На что же в действительности рассчитывал Солженицын? На фантастическую наивность властей? На чудо? На помощь со стороны небес? Нет, расчет был гораздо трезвее и реальнее.

Один раз цензура сделала свое дело: хоть и путями неисповедимыми, Солженицын оказался вдали от фронта. Пусть цензура снова поработает. Письма лагерников читаются так же, как письма фронтовиков. Пусть тот, кто читает это письмо, знает, что здесь, за проволокой на Большой Калужской улице, сидит не враг, а «верный сын Советской Родины», который может быть «полезнее для Родины во много раз, чем в качестве чернорабочего».

Июнь — июль 1946 года. Лагерь на Калужской. Не такой уж плохой лагерь. В одном из писем того времени Солженицын просит Наташу (Решетовскую. — Ред.) принести хозяйственного мыла. Он отдает стирать постельное белье и платит за это... хлебом!. Многие ли в ту пору на воле могли позволить себе такое? И все-таки хочется принести больше пользы «моей кровной власти». Случайно ли, что именно в то лето Солженицын был вызван для вербовки и стал Ветровым?

Я чувствовал, что не мог не заниматься дальше раздумьями над психологическим портретом Солженицына. И речь шла уже не о «моем больном вопросе», почему ко мне пришли за «архивом» и «Архипом», а о чем-то большем.

С каждым годом я все больше и больше по отдельным, доходившим

до меня с разных сторон рассказам, по действиям, поступкам и высказываниям самого А. И. проникал в суть этого человеческого характера. И постепенно в моем сознании стал вырисовываться портрет человека, совсем не похожий на тот, который существовал вначале, сложившийся под впечатлением его ранних книг, его официальной биографии, немногих личных встреч с ним и восторженных отзывов отовсюду.

Дорисовала этот портрет его последняя книга — «Бодался теленок с дубом». У многих неkritичных сторонников Солженицына она вызвала очередную бурю восторгов, а мне открыла совсем другое — моральное падение писателя и деградацию художника. Но об этом должен быть совсем особый и не краткий разговор.

Глава вторая «Die Zeit»

23.IV.1976

Тео Зоммер

Политика, пророчество, мораль.

«...Голос Солженицына, голос Титана, пророка ветхозаветной суровости, опирающегося на опыт своего и чужого страдания, не может не вызвать нашего уважения...»

«Новое Русское Слово»

17.III.1976

Е. Рачинская

«...Это был голос человека, истине прошедшего испытание огненным крещением...»

«Times»

2.III.1976

Бернард Левин

«Видя его, начинаешь понимать, что означало когда-то выражение «Святая Русь». В словах Солженицына слышатся отзвуки Толстого и другого русского писателя, философским детищем которого он является, человека, который за 100 лет до Солженицына был таким же ясновидцем человеческой души...»

«Sunday Telegraph»

7.III.1976

Дж. Темсон

«...(Солженицын) человек, испытывавший муки ада и чудесно спасен-

ный, сумел выкристаллизовать те смутные опасения, которые в глубине души таятся у многих».

Перед нами — четыре стороны «рамки», в которую оправлен портрет Солженицына, каким его видят западные читатели и западные зрители. Немало таких же зрителей-читателей и у нас. Сам я долгое время был в их числе.

Солженицына такое обрамление собственного портрета совершенно устраивает. Да и создано оно не без его умелого и ловкого участия. Портрет, вставленный в такую рамку, есть автопортрет, в значительной степени произведение, так сказать, художественного вымысла.

Каково же истинное лицо этого человека?

Лет семь назад я стал задавать себе этот вопрос, сначала робко, с боязнью и внутренним негодованием на себя, но постепенно, по мере того, как копились факты, питавшие мои сомнения, он все настойчивее сверлил в мозгу, пока не заставил меня заняться настоящим исследованием этой личности. Против ожидания работа не оказалась непреодолимо трудной. Материалов для такого «исследования» вокруг сколько угодно, и главную их часть поставлял сам объект изучения: своей жизнью, своими поступками, словами и особенно книгами. В жизни Солженицын порядочно наслідил за собой, и за ним остались люди, знавшие и помнившие эти «следы». Сам же он, по мере того, как крепло в нем самообольщение и уверенность в собственной абсолютной непогрешимости, стал публично выдавать такие материалы, которые начали рисовать его с совершенно неожиданной для нас, его почитателей, стороны, крайне невыгодной ему самому.

Оказалось, что увидеть все до смешного просто — достаточно только снять очки с поляризационным фильтром и взглянуть на наше «божество» невооруженным глазом. И тогда многое, совершенно нечаянное, открывалось изумленным глазам...

Помнится, как-то раз Елизавета Денисовна показала мне толстую машинописную книгу в красном дерматиновом переплете. На ти-

тульном листе имя автора названо не было, стояло только одно заглавие книги: «Читают «Один день Ивана Денисовича». И более ничего. Книга начиналась вступительным текстом, занявшим несколько страниц и содержавшим похвалу автору «Одного дня» в самых высоких, превосходных степенях. Далее шли документы, относящиеся к критике этой книги, как положительной, так и отрицательной. Перепечатаны были хвалебные рецензии первых дней, появившиеся тогда в центральных газетах, затем многочисленные письма читателей, большинство восторженных, затем были также и ругательные статьи, появившиеся позже, и несколько такого же содержания писем...

Но главным в книге были не документы, а тот вступительный текст, который предварял перепечатку этих материалов, и некоторые комментарии. Все эти безымянные тексты оказались составленными гладким и безличным литературным языком. В них содержалось безудержное, преувеличенное восхваление Солженицына, превозношение его как писателя и как бесстрашного человека, не сгибающегося и не сдающегося, несмотря на поднятую вокруг него травлю и свистопляску недругов.

Естественно, у меня возник вопрос: кто же автор этих текстов? Спросил об этом Елизавету Денисовну. Она молчит. Немного как бы жметесь...

— Нельзя говорить, кто автор? Кто писал этот текст? Вы писали? — приступал я с расспросами.

— Не-ет, не я... Вам, пожалуй, можно сказать... Сам же он и писал... — негромко, без обычной твердой решительности ответила Воронянская.

Я стоял ошеломленный. Молча обдумывал такую неожиданную новость. Потом заговорил:

— Как сам? Неужели он сам про себя в таких выражениях и в таком тоне написал? Как это возможно?

— Ну, а что тут особенного? — вопросом ответила Елизавета Денисовна. Она уже овладела собой и решила перейти в наступление, памятуя, что это лучший способ обо-

роны. — Ждать, пока другие напишут? Так ведь у него нет времени ждать, борьба идет сейчас, ждать некогда. А что, тут неправда написана про него? Разве он не такой на самом деле? Вы несогласны с этими оценками?

— Да-а, в общем-то согласен... — тяну я, — только как-то странно это, впервые сталкиваюсь с таким делом... человек сам про себя пишет в таких выражениях... Нескромно это, Елизавета Денисовна! — заключил я наконец более решительно.

— Как вы не понимаете! — с жаром воскликнула она. — Идет борьба, его хотят забить, заколотить и не стесняются в средствах! Он имеет право тоже выбирать любые средства защиты, которые сочтет нужными. Это не самореклама, а самозащита!

Вот так подвела итог того разговора Елизавета Денисовна, самая беззаветная защитница А. И.

Много пиши для размышлений дал мне тогда этот случай.

Своей выходкой я подорвал несколько доверие к себе в глазах Елизаветы Денисовны. Это выразилось в том, что она не дала мне на хранение ту книгу в красном переплете и вообще никогда больше ее мне не показывала и не говорила о ней.

С тех пор прошло много лет. Произошли многие события, вместе с которыми открылось столько нового, ранее неизвестного. Через мои руки прошло также немало новых документов, принесших столь неожиданную информацию, что оставаться в плену прежних представлений о Солженицыне я уже не смог бы, даже если бы и очень хотел. Факты — упрямая вещь, спорить с ними бессмысленно, им приходится подчиняться.

В биографии Солженицына есть темные пятна. Он отчетливо понимает их значение, и они его беспокоят. Он предпринимает усилия забелить их. Но не только забелить, но и заставить их служить ему, помогать достижению той главной цели, которую он поставил перед собой в жизни, — его личному возвращению.

Делая признания в некрасивых и

даже просто мерзких поступках, он или находит им объективные оправдания, или вызывает к милосердию читателя, растроганного предыдущими описаниями. Либо, наконец, рисуется своим бесстрашием и приверженностью «великой традиции русского покаяния». При этом Солженицын, кажется, уверен, что не найдется человека, способного возразить ему по существу. Он убежден, что большинство промолчит из-за незнания фактической обстановки (не все же сидели!). Другие, знающие, промолчат из пиетета. Третьих уже просто нет. Но не все еще «ушли», и не все сохранили ту всепрощающую почтительность, которая так необходима для скромного молчания даже тогда, когда можно возразить и решительно не согласиться.

Вот одна из подобных ситуаций.

Солженицын рассказывает о вербовке его в лагерные осведомители — «стукачи».

«В этой главе не хватает материала. Что-то неохотно рассказывают мне лагерники, как их вербовали. Расскажу же о себе».

Когда я первый раз прочитал этот отрывок еще в том злополучном машинописном экземпляре, который у меня был изъят, я загорелся: вот-вот, сейчас будет рассказ о том, как блестяще Солженицын «отбрил» оперуполномоченного, как послал он его туда, куда мы сами друг друга посылали так часто, как он подвергся потом гонениям и преследованиям мстительного чекиста за свою твердость и мужество.

Я читаю его рассказ о вызове к лагерному оперуполномоченному в том небольшом лагерьке, который был тогда в самом сердце Москвы, на тогдашней Калужской. Полное драматизма и напряженности описание обстановки «беседы» под тихую струящуюся музыку включенного трофейного «Филипса». Переживания самого автора, поведение хозяина кабинета — оперуполномоченного — захватывают читателя, обращают все симпатии на беззащитного «зэка» — автора тех строк. Но следует совсем неожиданный финал.

После угрозы оперуполномочен-

ного «загнать» в северные лагеря Солженицын думает: «Страшно-то как: зима, вьюги да ехать в Заполярье. А тут я устроен, спать сухо, тепло и белье даже. В Москве ко мне жена приходит на свидания, носит передачи... Куда ехать, зачем ехать, если можно остаться?»

Следует рассказ о «томлении духа» и... буквально непостижимом решении — купить себе временное и относительное благополучие прямым предательством.

Позволю себе напомнить некоторые, может быть, неизвестные современному читателю, но стопроцентно ясные для тех, кому в 1946 году было более пятнадцати-шестнадцати лет, детали времени.

Став осведомителем, человек утачивал последние остатки личной свободы, своего «я». Его показаний было достаточно, чтобы любого начали считать подозрительным, лишили доверия, выдернули оттуда, где «спать сухо, тепло и белье даже», где жены приходят на свидания и носят передачи...

Лагерное начальство знало, как нелегко завербовать в осведомителя человека с совестью и честью. Может быть, поэтому вербовка Солженицына последовала только после его пресловутого «Заявления»?

Так или иначе, она состоялась. Испугавшись «зимы, вьюг, Заполярья», Солженицын идет на то, о чем сам он рассказал: на подписание обязательства доносить и на выбор стукаческой клички «Ветров».

Мне доводилось слышать споры, был ли Солженицын осведомителем лагерной администрации или ему и вгравду удалось перехитрить всех и не сделать ни одного доноса.

К этому вопросу мы еще вернемся, но уместно подумать и о другом. Допустим, произошло чудо и Солженицын никого не заложил. Но кто мог гарантировать под музыку трофейного «Филипса», что завтра же Солженицыну не придется «стучать» на лучшего друга или «продавать» собственную жену? Что опер и все его начальники окажутся полными лопухами, что будут нарушены все правила и

инструкции только для того, чтобы Ветров остался чист?

Никто, конечно.

Однако вот что любопытно. Рассказ этот воспринимается по-разному. Люди, безоговорочно верящие Солженицыну и знающие лагерный мир только с его слов, даже не чувствуют вины Александра Исаевича. Старые лагерники видят тут другое. Их поражает легкость сдачи человека, который потом, годы спустя, задним числом, сделает заявку на необыкновенное героичество.

То, что рассказано дальше, уже совсем не принимается лагерным умом, отвергается им как нечто вовсе несообразное.

«В тот год я, вероятно, не сумел бы остановиться на этом рубеже... Но что-то мне помогло удержаться... (Ветров, по-видимому, знал, давая подписку, что обязательно объявится этакое «что-то»). При встрече Сенин (лагерный надзиратель, резидент оперуполномоченного ГБ. — **Наше примечание**) понукал: Ну? Ну? Я разводил руками: ничего не слышал... А тут меня по спецнаряду министерства выдернули на шарашку. Так и обошлось. Ни разу больше не пришлось подписаться «Ветров».

Этот рассказ, конечно, рассчитан на людей совершенно несведущих — таких большинство среди читателей, и с годами их число будет все увеличиваться. Но мы, обломанные лагерями старые «зеки», твердо знаем: такое было невозможно! Нельзя поверить, чтобы, дав подписку «стучать», от опера можно было так легко отделаться. Да еще как отделаться? Переводом на привилегированное положение в особый, да еще и сверхсекретный лагерь! Кому он это рассказывает? Заявляю: подобная нелепость была совершенно невозможна, она находится в вопиющем противоречии с незыблемым лагерным законом — «зеку» не спускается даром ничего, никакое малое нарушение. Как же могло пройти ненаказанным такое ужасное преступление, как вероломство с подпиской на стукачество? Да какой же опер мог допустить такой «брак» в работе? Он подчиненное и подотчетное лицо, его проверяют. К чему подставлять

свою собственную шею за этого мерзавца? Никогда такого не было и не могло быть. А что касается «мер воздействия» на нерадивого, то это пожалуйста, сколько угодно, хоть и до второго срока под любым предлогом.

Рассказ Солженицына поражает уж не своей несообразностью, а наивностью автора в том, что он серьезно думает кого-нибудь обмануть такой «байкой».

Как же технически осуществлялся перевод заключенного из лагеря в лагерь по так называемому «спецнаряду»? Этот документ о переводе — спецнаряд — приходит из Управления лагерей и поступает к начальнику местного лагеря. Но никак не минует и оперуполномоченного, без визы которого в действие приведен быть не может. Характеристику на переводимого пишет он же. С плохой характеристикой нельзя переводить заключенного в привилегированный лагерь. А хорошую характеристику на взявшего обязательства и кличку получившего, а потом нагло уклонившегося от этого дела какой оперуполномоченный напишет? Где найдется такой дурак?

Вот и получается, что перевели Солженицына в шарашку только потому, что оперуполномоченный написал нужную характеристику, дал «добро» на перевод. Не надо больше разжевывать, чтобы объяснить, что означало такое «добро» в той ситуации, которую так неосторожно рассказал сам Солженицын.

Но это еще не все. Ведь письменное обязательство «стучать» не пропадает бесследно. Оно вшивается в «дело» заключенного и следует за ним всюду, куда бы тот ни попал. Эта канцелярская печать прилеплена к нему на веки вечные. И, прибыв на шарашку, он непременно попадает в цепкие лапы теперь уж другого опера. Даже если допустить, что в прежнем лагере на Калужской Солженицыну и удалось совершенно безнаказанно «отвертеться» от тамошнего опера (а это совершенно невероятно!) и тем не менее попасть на шарашку, то уж там-то с такой бумагой, подшитой в его личном деле, он никак не мог избежать специального внимания.

О том, как на шарашке Солженицын «сумел» уклониться от своей новой службы, мы, к сожалению, не знаем. Об этом он почему-то в «Архипелаге» не распространился...

Вернемся-ка к началу нашего рассказа об этом скользком эпизоде жизни Александра Исаевича. Вот он сказал:

«Что-то неохотно рассказывают мне лагерники, как их вербовали».

Сказал и не подумал, что он ведь плюнул в лицо тысячам и тысячам честных старых лагерников! «Неохотно рассказывают» — это, значит, бояться, не хотят рассказывать? Значит, у них совесть нечиста? Тоже, значит, давали подписку и «стучали»? Так, что ли? По Солженицыну выходит — только так.

А спрашивал ли он? Много ли он об этом спрашивал старых лагерников, с которыми беседовал? Мне так думается, что он их совсем не спрашивал о том, как их вербовали и вербовали ли их вообще, потому что ему неприятно было бы услышать рассказы о том, как люди устаивали, не сдавались, оставались чистыми на весь лагерный срок, не боялись преследований лагерного начальства.

Вот мне он не задал такого вопроса. Спросил о власовщине, о пополнениях в воркутинских лагерях летом 1953 года, а вот о том, вербовали ли меня и как это было, не спросил. Постеснялся, может быть. А может, не хотелось? Напрасно. Кое-что, не лишнее для него интереса, услышал бы.

Не знаю только, устроил ли бы Александра Исаевича мой рассказ. Ведь он прямое доказательство невозможности версии автора «Архипа». Я тоже был отобран для «спецнаряда», т. е. перевода в таинственную «шарашку». Работал я тогда в т. н. геотехнической конторе, и мой начальник профессор Баженов — тоже заключенный — давал уже напутствия, кому кланяться от его имени в Останкино (именно там находилась «марфинская» шарашка). Словом, все было готово для того, чтобы нам с А. И. познакомиться на двадцать лет раньше...

Но путь на завидный этап лежал через кабинет старшего лейтенанта Воробьева — оперативного уполномо-

моченного. Я получил предложение о сотрудничестве и, несмотря на уговоры, длившиеся целый день, отверг его. (Заполярья я не боялся, поскольку и без этого уже находился в нем!) В результате я никуда не уехал, вскоре вылетел из моей благополучной научной конторы, да не куда-нибудь, а в подземелье, в шахту при каторжанском лагере, и почти до самого конца срока, добрых семь лет, ощущал чью-то «заботливую руку».

Десятки подобных же лагерных судеб могу рассказать. Но ни разу не слышал, чтобы «саботажников» и «дезертиров» (а именно таким должен был выглядеть А. И. в глазах начальства) поощряли переводом на «крайские острова».

Я недолго оставался одиноким в своих подозрениях. И попал в компанию, которой, признаюсь прямо, горжусь. В руках у меня статья 90-летнего М. Якубовича, одного из 227 «соавторов» Солженицына по «Архипелагу», расписанного в этой книге на целых восьми страницах. М. Якубович — правнук декабриста А. Якубовича, видный меньшевик, один из главных обвиняемых нашумевшего в 1930 году процесса по делу так называемого Союзного Бюро Меншевиков.

Статья названа «Постскрипtum к «Архипелагу», и вот что там, между прочим, написал этот «старейшина корпуса диссидентов» — пусть уж извинит он мне такую игривость: «Если бы это сообщение исходило не от самого Солженицына, я бы, пожалуй, этому и не поверил. Как же человек, претендующий на роль пророка, «глаголом жгущего сердца людей», и вдруг... секретный осведомитель органов ГПУ! Того самого ГПУ, которое он всячески поносит в «Архипелаге»! Несовместимо...

Уверения Солженицына, что работники «органов», не получая от «Ветрова» обещанной информации, добродушно с этим примирились и, мало того, послали этого обманщика на работу в спецлагерь с несравненно лучшими условиями, — сухая нелепица».

Якубович дает ответ и на другой, занимавший и меня вопрос: для чего понадобилось Солженицыну это полусаморазоблачение?

«Мне кажется, что это психологически объяснимо. Покрытый на Западе славой неустрашимого борца против «варварского коммунизма», сидя на мешке золота... Александр Солженицын все-таки не знает покоя. Его, несомненно, обуревают страх, и «мальчики кровавые» ему мерещатся — те самые мальчики, на которых он доносил. А вдруг КГБ выступит с разоблачениями и опубликует во всемирное сведение тайну «Ветрова» — каков будет удар для нравственной репутации «пророка» и лауреата? Так не лучше ли упредить, перехватить, подать разоблачение в своей версии, в своей интерпретации? Его логика проста: да, я был секретным осведомителем, но в действительности я никаких доносов ни на кого не делал. Мне «удалось» избежать выполнения принятых обязательств, и доказательством этого как раз и является мое выступление с саморазоблачением.

Такова, на мой взгляд, психологическая причина саморазоблачения Солженицына».

Вот мнение старого лагерника, чей срок заключения измерялся не годами, как мой, а десятилетиями, а жизненный опыт пропорционален возрасту!

Л. А. САМУТИН

(Продолжение следует)

СЛУГА АНАРХИИ И ПОРЯДКА

6

СЛЕДСТВИЕ, собрав обширный материал о «связях Зиньковского с закордонным центром Махно с целью антисоветского заговора и контрреволюционного выступления», добивалось соответствующих показаний и от самого Льва Николаевича. Ломка его характера и силы, несмотря на всевозможные ухищрения, угрозы, провокации, пытки, шла долго и трудно. Так, 3 сентября 1937 года в протоколе допроса Зиньковского-Задова значится следующее признание: «Припоминаю, что за время совместного проживания с Махно в Бухаресте¹ к нам явился представитель украинско-петлюровской эмиграции Геродот, который вел спор с Махно по вопросу Украины как самостоятельного государства». Шая-

Продолжение. — См.: Военно-исторический журнал. — 1990. — № 2, 4.

¹ По словам Зиньковского, это «совместное проживание» длилось около двух недель, а началось оно после перехода советско-румынской границы в 1921 г. За Днестром румынскими пограничниками махновцы были обезоружены и отправлены сначала в Вадратков, а затем в Вельцы. Через десять дней их перевезли в Брашов, где был организован лагерь для интернированных. Для Махно, его жены Галины, Данилова и Зиньковского было сделано исключение: румынские власти разрешили им жить в Бухаресте. «Здесь, в гостинице, — рассказывал Зиньковский, — мы пробыли дней десять, после чего я и Данилов ввиду отсутствия средств к существованию уехали в лагерь Брашов, а Галина и Махно остались в Бухаресте». Хитроумный и коварный Шнайдер в этом фактике увидел очень удобную зацепку. С помощью Чуприны (см.: Военно-исторический журнал. — 1990. — № 4), а может, и без его ведома он сфальсифицировал показания подследственного, из-за чего срок пребывания в Бухаресте возрос до полугода. Разве за две недели можно сколотить заговорщическую группу, договориться с властями и обзавестись связями и агентурой, составить конкретную программу дальнейших действий? Финансовая же причина возвращения в лагерь превратилась в контрреволюционную акцию. «Спустя месяцев пять, — можно прочитать в показаниях Чуприны от 25 февраля 1938 г., — к нам в лагерь Брашов возвратились из Бухареста члены штаба Махно: Задов, Данилов и Домашенко, которых Махно специально отправил обратно для проведения работы среди интернированных махновцев с целью подготовки кадров для переброски в СССР с политическими и разведывательными заданиями...»

ву-Шнайдеру, допрашивавшему арестованного, этого было мало, и он настойчиво вел свою линию:

— Поддерживали ли вы связь за этот период времени с Махно?

— Нет, не поддерживал, но мне известно было о том, что Махно в 1922 году был румынскими властями отправлен в Польшу, где он был арестован, содержался под стражей около полутора лет и после освобождения по суду поселился в Берлине. Это я узнал из писем Аршинова (Марина), который также находился тогда в Берлине. Мой адрес Аршинов (Марин), очевидно, узнал от Махно или других анархистов, которые проживали в Берлине.

— Поддерживали ли вы деловую политическую связь с представителями других эмиграционных кругов: белых, украинских?

— Нет, не поддерживал. Насколько мне известно, и другие махновцы с ними не поддерживали политическую связь².

После этого потянулись долгие мучительные дни и недели вымогательства нужных признаний. И вот 27 марта 1938 года разговор Зиньковского со следователем происходит в совершенно ином ключе:

— Вы показали, что, создав бандитскую группу, вы перешли нелегально границу с целью совершения ряда крупных ограблений. Только ли с этой целью вы перешли границу?

— В действительности нет, это была одна часть задания... Перед решением вопроса о переезде границы я письменно сообщил (об этом) жене Махно (Махно Галине), которая в ответном письме мне сообщила, что она лично мой переход одобряет, а сам Махно был иного мнения, потому что он стремился сдерживать кадры махновцев. Следует отметить: в это время сохранившиеся остатки штаба Махно были убеждены в неизбежной гибели советской власти и что крестьянство не поддержит ее, а поскольку это так, то наш план заключает-

² Здесь снова вспоминается участие Зиньковского в контрреволюционной националистической конференции (см.: Военно-исторический журнал. — 1990. — № 4). Если не было связи, то каким образом Зиньковский оказался на конференции, да и состоялась ли она?

ся в том, чтобы мы, опираясь на купавшую часть деревни, могли подготовить выступление махновцев при помощи интервентов. Последнюю часть должны были осуществить Махно и Галина, а я же при переезде границы должен был присмотреться к внутреннему состоянию советской власти. С этой целью я и перешел границу с созданной мной бандитской группой...

В эпизоде перехода границы у Зиньковского имелся сильный козырь, который следствие хотело любым способом выбить из рук обвиняемого. Речь идет о добровольной сдаче группы советским властям. Нужно было заставить Зиньковского отказаться от «добровольности», согласиться на принудительное задержание. Впоследствии в некоторых книгах именно так и будет трактоваться этот эпизод³. В крайнем случае, по мнению того же Шнайдера, могла быть и добровольная сдача, но с целью «пролезть» в органы НКВД. Зиньковский продолжал сопротивляться. Следователи же настаивали на своем:

— При каких обстоятельствах вы были задержаны на советской границе?

— После перехода границы и отойдя в глубь страны километров на 30, я со всей бандой сдался. Это произошло в результате моих отдельных личных шатаний, которые слагались оттого, что я к тому времени пришел к убеждению о невозможности восстановления махновской бандитской деятельности, а существование и жизнь в Румынии меня больше не прельщали. Я решил порвать со всем прошлым.

— Следствие не верит вашему ответу. К этому вопросу мы еще вернемся...

Возвращались, по всей видимости, не один раз. И в конце концов появился вот такой документ:

«НАРОДНОМУ КОМИССАРУ НКВД УССР
КОМИССАРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ III РАНГА
УСПЕНСКОМУ

от арестованного Зиньковского
Льва Николаевича

ЗАЯВЛЕНИЕ

На следствии я около 9 месяцев упорно скрывал о своей предательской, изменнической работе, которую вел в течение долгих лет.

Глубоко осознав бесполезность своего заперательства, подачей настоящего заявления Вам я раз и навсегда решил полностью и правдиво рассказать на следствии о всех совершенных мною контрреволюционных преступлениях перед советской властью....»

В своих «покаянных признаниях», данных под диктовку, бывший махновец и чекист

сообщал о том, что «на всем протяжении существования Советской власти являлся ее врагом», «непрерывно до дня ареста всеми мерами и средствами вел активную борьбу, направленную против Советского правительства и партии», «с 1913 года ...являлся активным анархистом», «в период февральской и октябрьской революций вел борьбу против большевиков», «в 1918 году осенью при организации Махно бандитских отрядов... как анархист сразу вступил в махновскую банду» и т. д. и т. п. Насколько все это извращено и сфальсифицировано, можно убедиться, если попытаться проследить весь нелегкий, в общем-то больше ломаный, чем извилистый, путь этого сильного, интересного и заслуживающего сострадания человека.

В своем письме Генеральному прокурору СССР сын Льва Зиньковского-Задова справедливо отмечает, что на восприятие образа его отца в крайне негативном и неприглядном виде повлияли известное произведение Алексея Толстого и кинофильм, поставленный по роману этого же писателя.

Вот каким представляется нам Левка Задов по его же якобы собственному рассказу, вложенному в уста литературного героя Толстого. У последнего Задов горделив и бесцеремонен, цинично откровенен. Рисуясь, он говорил о себе: «...непонятно, как ты раньше обо мне не слыхал. Одесса же меня на руках носила: деньги, женщины... Надо было иметь мою богатырскую силу. Эх, молодость! Во всех же газетах писали: Задов — поэт-юморист... Интересная у меня биография. С золотой медалью кончил реальное. А папашка — простой биндюжник с Пересыпи. И сразу я — на вершину славы... смел, нахален, роскош-

Л. Н. Зиньковский-Задов

³ Подобная версия, к примеру, развивается в книге А. В. Цессарского «Чекист». В годы Великой Отечественной войны автор этой биографической повести об известном чекисте и партизанском командире Герое Советского Союза Д. Н. Медведеве служил в отряде последнего врачом. Своему доблестному командиру он и приписал заслугу задержания и принуждения к сдаче диверсионной группы Зиньковского после ее переправы через Днестр на советскую сторону в 1924 г.

ный голос.. Каскады остроумных куплетов... Вся Одесса была обклеена афишами...»⁴. В этих рассказях даже со скидкой на художественную образность нет ни слова правды. Точно так, как и внешность героя мало чем напоминает настоящего Льва Задова. «...Вошел, несколько переваливаясь от полноты, лоснящийся, улыбающийся человек в короткой поддевке, какие в провинции носили опереточные знаменитости и куплетисты... — рисовал его писатель, уточняя портретные штрихи: — Задов...пышно кудрявый, румяный...» А вот еще деталь: «Махно поднялся с диванчика, сжал сухой кулачок и ударил Левку в лицо, в губы, в нос...»⁵.

Уместно заметить, что если бы Махно в действительности пожелал ударить «сухим кулачком» Задова в лицо, то пришлось бы ему или встать на стул, или же наказуемому низко наклонить голову либо присесть, поскольку это был рослый человек. В деле Зиньковского-Задова хранится фотоснимок, о котором уже шла речь, сделанный якобы в Бухаресте в 1923 году. Среди 27 лиц, запечатленных на нем в полный рост, возвышается ладно скроенный могучий атлет. Чисто выбритой головой, крупными привлекательными чертами лица и богатырской статью он очень уж напоминает Григория Котовского. Это и есть Лев Задов. Кстати, у него с Котовским во многом схожи и биографии, по крайней мере, поиском смысла и правды жизни в молодые годы.

Чтобы подтвердить несовместимость реального Задова с литературным, толстовским, тоже сошлемся на его рассказ о самом себе, но не надуманный, а действительный, документальный, т. е. на автобиографию Льва Николаевича, написанную им за полтора года до ареста.

7

В УЖЕ УПОМИНАВШЕМСЯ ПИСЬМЕ В. Л. Зиньковского (сына) Генеральному прокурору СССР отмечалось, что Л. Н. Зиньковский родился в 1893 году в Юзовке (затем Сталино, ныне Донецк). Но это не так. Местом рождения последнего был поселок Веселая⁶ Екатеринославской губернии (нынешняя Днепропетровская обл.). Семья имела надел в две десятины земли и занималась сельским хозяйством. Почти ежегодное появление нового ребенка не позволяло не только думать о достатке, но и выбраться из нищеты. В конце концов глава семьи, Николай Задов, решил распрощаться с «хлеборобским гешефтом» и попытать удачи в городе. Тогда-то, в 1900 году, он и перебрался в Юзовку. Сначала трудился по найму, выполняя любую подвернувшуюся случайно работу. Поднакопив необходимую сумму, приобрел двух лоша-

дей и занялся извозом. Умер он спустя десять лет, не разбогатев и на городских хлебах, если не считать единственного капитала, доставшегося от него по наследству жене, — десяти детей. Супруга значительно пережила его. Как значится в автобиографии Льва Николаевича, в 1936 году ей было 80 лет и она находилась на иждивении шестерых дочерей (пять проживали в городе Сталино, одна — в Мариуполе).

«Имею трех братьев... — писал Л. Н. Зиньковский. — Старший брат — Исаак Задов до революции занимался извозом, во время империалистической войны и революции спекулировал, разбогател, в 1929 году раскулачен, как кулак, служил в Тирасполе, в колхозе, в данное время где-то в Крыму, в колхозе.

Второй брат — Наум Задов проживает в Сталино, кустарь-бедняк.

Третий брат — Даниил Задов⁷ проживает в гор[оде] Тирасполе, работает оперуполномоченным ИНО УГБ МАССР УНКВД⁸...»

Пролетарскую закалку Лев Задов начал с шестнадцати лет: два с лишним года таскал мешки с зерном и мукой на мельнице, а затем еще около двух лет работал каталом в доменном цеху. Ну а насчет реального училища, законченного с золотой медалью, о чем поведал Алексей Толстой, то здесь куда проще — два года в еврейской школе (хедере). Зато учеба в тюремной камере затянулась на более продолжительный срок. «...С 1913 г. по 1917 г., — отмечается в автобиографии, — сидел в тюрьме, был присужден к 8 годам каторжных работ за принадлежность к анархистам и за ряд экспроприаций⁹. В 1917 году, по возвращении с каторги, поступил снова на завод в доменный цех, где проработал до апреля 1918 г[ода], т. е. до прихода немцев на Украину...»

⁷ Во время пребывания в двадцатых годах в эмиграции в Румынии Даниил помещал фамилию Задов на Зотов.

⁸ Инострантный отдел Управления государственной безопасности Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики Управления НКВД.

⁹ В показаниях Л. Н. Зиньковского-Задова на допросе 17 ноября 1937 г. он дополнил эти сведения такими подробностями. В 1912 г., работая на Юзовском металлургическом заводе, вступил в небольшую (5—6 человек) анархистскую группу. Трижды участвовал в экспроприаторских налетах: «В Рутченково на артельщина местного рудника; в с. Корань (возле Мариуполя) на почтовую контору и на ст[анции] Дебальцево на ж[елезнодорожной] ниссара». После ареста юзовской полицией два года находился под следствием, а затем отбывал наказание в Бахмутской, Луганской и Екатеринославской тюрьмах. «В 1917 году после февральского переворота я был освобожден в связи с амнистией политзаключенных», — подытоживает Зиньковский этот период своей жизни. Факт очень значительный. Во многих книгах (о них речь еще впереди) Лев Задов представлен как «отпетый уголовник», но он считался политическим заключенным. И еще такая деталь: во всех анкетных следственных материалах, с которыми мы познакомились, Зиньковский-Задов значится беспартийным, но вот в справке, предвещающей протокол допроса от 3 сентября 1937 г. есть такая существующая запись: «С 1913 по 1921 год — анархист-коммунист».

⁴ Толстой Алексей. Хождение по мукам: Трилогия. — Ростов-на-Дону: Ростовское книжное изд-во. — 1967. — С. 431.

⁵ Там же. — С. 394, 397.

⁶ В автобиографии значится «в колонии Веселая», видимо, еврейская колония.

В этом же году Лев Николаевич «обновляет» свои документы, о чем свидетельствует выдержка из протокола допроса от 17 ноября 1937 года:

— Ваша настоящая фамилия!

— Настоящая моя фамилия Задов Лев Николаевич. В 1917 году я присвоил себе псевдоним «Зиньковский». Под этой фамилией был известен в банде Махно [1918—1921 гг.], затем в эмиграции в Румынии [1921—1924 гг.] и после возвращения в Советский Союз.

Таким образом, в армии Махно его знали как Зиньковского. Можно предположить, что большинство показаний бывших махновцев о «кровожадности и злодействах Левки Задова» фальсифицировано и дано под нажимом или продиктовано следствием, поскольку фамилию Задов могли знать лишь земляки Льва Николаевича или близкие ему люди. Правда, почти все время находился рядом с ним младший брат — Даниил, который сменил фамилию (стал Зотовым) лишь в 1921 году. Но его знали значительно меньше, чем Льва, поэтому в показаниях других бывших махновцев, к примеру М. И. Подковы, Е. А. Бойченко, оба брата иногда называются Зиньковскими. Следствие вопреки фактам пыталось представить иную версию, по которой Лев Задов, изрядно нагрешив в 1918—1921 гг., решил замести следы и с этой целью сменил фамилию уже в эмиграции. Вот что отмечается в одной из обзорных справок, находящихся в личном деле Зиньковского: «Настоящая фамилия Задов, а Зиньковским он назвался в 1921 году, когда находился в эмиграции в Румынии...»¹⁰. И это утверждается в то самое время, когда имелись показания, скажем, упоминавшегося уже здесь М. И. Подковы, трижды судимого в тридцатых годах и оправданного в 1956 году, о том, что «братья Зиньковские (так в документе. — Авт.) при отступлении Махно к румынской границе отступили с ним и ушли за кордон...» Известны были и другие сведения, не говоря уже о приводимом выше признании самого Зиньковского-Задова. Ведь справка, из которой взята цитата, составлялась уже в 1957 году. Правда, не исключено, что составитель справки допустил непозволительную в таких случаях невнимательность, но скорее всего он не очень-то ослышленно пользовался старыми измышлениями, преследующими уже известную цель — доказать стремление Зиньковского-Задова уйти от ответственности за старые грехи.

Чтобы закончить отнюдь не отвлеченный, а принципиальный разговор о фамилии, следует привести выписки из архивных материалов несколько иного направления. Так, в одном из документов сообщается, что в списке № 1 (видимо, имелось несколько списков) кандидатов в Гуляйпольский еврейский общественный совет 27 и 28 мая (по старому стилю) 1918 года от общества ремесленников проходит под № 14 Задов¹¹. В другом даются прото-

колы заседаний военно-революционного совета Народной армии Махно совместно с командным составом и контрразведкой № 43 от 20 ноября, № 49 от 1 декабря и № 50 от 3 декабря 1919 года. В них тоже упоминается Задов или просто Лева¹². Это несколько противоречит заявлению Льва Николаевича, что в банде Махно он был известен под фамилией Зиньковский, но вполне согласуется с предположением, что подобные протоколы составлялись теми, кто близко знал Зиньковского-Задова.

Но возвратимся к автобиографии, где он писал:

«В 1917 году, работая на заводе в Сталино (в то время Юзовка. — Авт.), я был выбран сначала членом цехового комитета, а впоследствии старостой цехового комитета.

В сентябре м[еся]це 1917 года от рабочих дом[енного] цеха был избран членом [совета] рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, каковым я состоял до отступления партизанских отрядов с Украины.

В декабре 1917 г. или январе 1918 г. вступил добровольно в партизанский отряд, именуемый тогда Красной гвардией, и участвовал в боях во время налетов донских казаков на Донбасс.

В апреле 1918 г., во время прихода немцев, отступил с красногвардейским отрядом под руководством анархиста Черняка. Отступали мы до гор[ода] Царицына.

Под Царицыном наш отряд, как и большинство анархистских отрядов, был разоружен, но через 8—10 дней наш отряд снова вооружен и брошен на фронт в районе станции Потемкинской против казачьих банд генерала Краснова.

Через некоторое время я был избран начальником штаба боевого участка [от] ст[аницы] Жутова [до] станицы Потемкинской. Наш отряд входил в бригаду тов[арища] Кругляка.

В августе м[еся]це 1918 г. к нам в отряд прибыло распоряжение из Царицына о том, чтобы именоваться Красной Армией, были присланы деньги для выплаты зарплат, где мне, как начальнику штаба боевого участка, полагалось 750 р., а кр[асноармей]цу рядовому — 50 р. Я, как анархист, с этим положением не согласился¹³ и с согласия Черняка выехал в Козлов в штаб Юж[ного] фронта и оттуда был направлен на Украину, в тыл к немцам, для ведения подпольной работы.

¹² Там же, ф. 1824, оп. 1, д. 2, лл. 10, 20.

¹³ Имеется еще один убедительный факт, который подтверждает бескорыстный характер Л. Н. Задова-Зиньковского. В материалах дела хранится протокол обыска его квартиры (г. Одесса, ул. Жуковского, д. 5, кв. 17, как значится в анкете арестованного. — общезнание НКВД). Из наиболее ценных вещей, изъятых при обыске, — револьвер «браунинг» и патроны к нему, малокалиберное ружье, фотоаппарат, бинокль и «один казначейский знак» достоинством... в пять долларов; еще 253 видовые карточки и две коробки фотопластинок (негодных), как не имеющие ценности, уничтожены, о чем свидетельствует соответствующий акт от 5 октября 1937 г.

¹⁰ Такое же неверное утверждение предлагается огласке и в наши дни в различных публикациях.

¹¹ ЦГАОР УССР, ф. 1854, оп. 1, д. 103, лл. 1, 7.

По приезде на Украину я связался с атаманом Махно, у которого я и остался до 1921 года, т. е. до момента ухода в Румынию.

Во время моего пребывания в махновских бандах я занимал следующие командные посты: помкомполка, начальника контрразведки 1-го Донецкого корпуса, коменданта так называемой Крымской группы во время ликвидации Врангеля, члена штаба и адъютанта...

8

КАК ВИДИМ, Алексей Толстой не только вставил в уста Задова блатной одесский жаргон, которым Задов навряд ли в 1919—1920 гг. пользовался (Зинковский попал в Одессу впервые, судя по автобиографии, значительно позже, в 1925 г., когда после возвращения из эмиграции стал работать в органах НКВД), но и сделал из рабочего парня забулдыгу-куплетиста. И все же это не самое страшное. В довершение ко всему он сотворил Левку Задова таким, что его имя якобы «знали на юге все не меньше, чем самого батьки Махно», и который «был палач, человек... удивительной жестокости»¹⁴. Если штрихи к портрету и биографии героя романа — это, видимо, плод творческого воображения писателя и этим образным измышлением в конце концов можно пренебречь, то активная деятельность Зинковского-Задова в банде Махно, как уже отмечалось, по всей видимости, почерпнута Толстым из документальных книг, таких, например, как «Махно» И. Тепера (Гордеева) или «Махновщина» М. Кубанина, которые вышли буквально через год или два после возвращения самого Толстого из эмиграции. Толстой не был свидетелем гражданской войны, и в этих обвинениях нужно разбираться.

Вот что, к примеру, писал Тепер (Гордеев), по его же словам, «бывший анархист и участник этого движения» об интересующей нас личности: «Существовала еще так называемая контрразведка, которую возглавляли два брата — Левка и Данька, оба евреи, оба старые уголовные, услугами которых еще в дореволюционное время пользовались анархисты при экспроприациях»¹⁵. Теперу вторил, несколько его дополняя, М. Кубанин: «...приехал к Махно также видный анархист Черняк, который привез с собой группу анархистов. Вместо культурного воздействия на массы пропагандой, создания крепких анархических ячеек в махновской армии, т. е. вместо проведения разумной политики, которая претендовала стать руководительницей массового крестьянского движения, вождем третьей революции, — Черняк предложил организовать... контрразведку, которая, по его мнению, была нужна махновской армии. Состав организованной им контрразведки был чрезвычайно подозрительный. В нее входили: Яков Глазгон (поз-

же один из руководителей анархистского подполья, взорвавший в сентябре 1919 года МКРКП [Московский комитет], Цинципер (в будущем также активный участник взрыва), Левка Задов, он же Зинковский¹⁶ — уголовный преступник с большим уголовным и тюремным стажем, выполнявший все время в махновской армии роль палача, и его брат Д. Задов, тоже уголовник...»¹⁷.

Можно сослаться еще на одну книгу, вышедшую несколько позже первых двух. «...Махновцам, занявшим после Деникина промышленный город Екатеринослав, — сообщает ее автор, — удалось продержаться в этом городе полтора месяца. Казалось бы, за это время анархисты имели возможность показать образцы организации «вольного советского строя». Вот эти «образцы». Они не допускают организации совета рабочих депутатов, дело доходит до того, что расстреливают двенадцать собственных командиров, пытавшихся организовать совет. Вместо совета они назначают коменданта с неограниченной властью — гражданской и военной. Этот комендант самолично «решает» все вопросы — продовольственный, финансовый, рабочий. Он волен казнить и миловать. Ему «помогает» в работе известный махновский палач, бывший уголовник, Левка Задов. Под их «руководством» озверевшая махновская «вопыница» предаётся грабежам, изнасилованию женщин, убийствам сотен рабочих, заподозренных в большевизме»¹⁸.

Не станем анализировать оценки, данные авторами представленных книг, такому неоднозначному, противоречивому и сложному явлению, каким являлась махновщина. Да и по приведенным цитатам невозможно судить об общих и частных оценках этих авторов. Скажем лишь, что определенное недоверие они вызывают своим извращением биографии братьев Задовых. Так, Кубанин и Черномордик представляют старшего из них как «штатного и известного махновского палача», «преступника с большим уголовным стажем»; причислен к уголовникам и младший брат. И. Тепер пошел еще дальше, назвав обоих братьев уголовниками с дореволюционным стажем. Если Лев Задов встретил Февральскую революцию двадцатичетырехлетним, то Даниил — вовсе юношей, поскольку был на пять лет моложе Льва. К тому же он стал интересоваться делами брата только после выхода того из тюрьмы, т. е. в 1917 году, а «втянулся», по его словам, в них два года спустя. До этого же постигал рабочую науку у ремесленника.

Внимательный читатель, наверное, заметил и противоречивые сведения в приведенных цитатах о роли Задовых в банде Махно. Кубанин, к примеру, говорит, что они входили в состав контрразведки, организованной Черняком, Тепер же убежден,

¹⁴ Толстой Алексей. Указ. соч. — С. 394.

¹⁵ Тепер (Гордеев). И. Махно. — Киев; Молодой рабочий. — 1924. — С. 77; находилась в спецхране.

¹⁶ Так в книге. Правильно Зинковский.

¹⁷ Кубанин М. Махновщина. — Л.: Прибой. — 1927. — С. 195, 196.

¹⁸ Черномордик С. (Ларионов П.) Махно и махновщина. — М.: Политгортранс. — 1933. — С. 46.

что они ее возглавляли. Именно неверный ответ на этот вопрос впоследствии сыграл роковую роль в судьбе обоих братьев и стоил им жизни. Но если торопливый и неправый приговор, вынесенный Даниили, был хотя и посмертно, но все же отменен¹⁹, то Лев, «сфальсифицированный» начальник контрразведки банды Махно и придуманный «кровавый палач», «отпугивал» от себя вполне законное помилование до самого последнего времени²⁰. Ошибка Тегера и других перекочевала в следственные и судебные материалы по делу Зиньковского-Задова, и в конце концов он сам, спомненный длительными издевательствами и пытками, вынужден был «согласиться», что являлся в банде Махно начальником контрразведки и повинен в смерти многих людей. Более того, иные «свидетели» дали показания, что он занимал эту должность бессменно. Но весь парадокс такого бездоказательного вывода и всей судьбы Льва Николаевича заключается в том, что он эту должность не занимал.

Отражение трагической судьбы Задова-Зиньковского в кривом зеркале, как и длительное непростое ему действительной вины и оговоров, не случайно. Став прообразом литературного героя, известного, пожалуй, наравне с Григорием Мелеховым, он тем не менее не удостоился и малой толики сочувствия, которого заслужил. На этот счет шолоховскому Мелехову повезло больше, чем толстовскому Задову. Ну а реальному Зиньковскому-Задову судьба и вовсе отказала в везении.

Взять того же Мелехова. В каких только ошибках и грехах не замешан мечущийся, ищущий, дерзкий, отчаянный, бесхитростный Гришка; сколько чужого горя и чужой крови на его счету. Но редко кто из читателей не проникся к нему жалостью и даже симпатией, мало кто не согласился с писателем, подытожившим весь этот тяжелый и извилистый путь поиска истины отчаявшегося в суровых испытаниях и смертельно уставшего от них человека: Советская власть должна понять и простить его (на это она и Советская власть!), он заслужил помилование.

Но вот Льву Задову, подобно названному шолоховскому герою, прошедшему огонь, воду и медные трубы страшной братоубийственной гражданской войны и ее последствий, никто не посочувствовал, хотя в этом он нуждался больше. В отличие от

Мелехова он не «собираемый», не «типизированный» образ, не чья-то тень и не чей-то прототип. Он — реальный человек, с конкретной биографией, конкретными грехами и заслугами, настоящим наследником которого пришлось нести тяжкий крест отца и в наши дни. Причем, прежде чем это нарицательное имя попало на страницы тоже небезызвестного исторического романа в крайне неприглядном виде его соответствующим образом создавали и штамповали в документальной литературе. Не в пример Мелехову Зиньковский до того, как официальные распорядители судеб окончательно признали его врагом народа, более десяти лет верой и правдой служил этому народу.

9

НОГДА «шпионская и заговорщическая деятельность» Л. Н. Зиньковского не нашла убедительных фактических подтверждений, в его деле начался третий этап предварительного следствия — смещение акцентов обвинения «с зарубежья в пределы страны, с контрреволюционной современности в преступное прошлое». Словом, главной виной Зиньковского-Задова теперь стало его участие в гражданской войне на стороне Махно.

Вообще-то этот крайний вариант, по всей видимости, прорабатывался еще до ареста Льва Николаевича параллельно с двумя первыми — «ударными». Подтверждением может служить переписка за 1935—1937 гг. между отделом кадров НКВД СССР, НКВД УССР и УНКВД Одесской области. Из нее следует, что союзная инстанция якобы не была осведомлена об использовании бывшего махновца на чекистской работе, но после того как в ее адрес, а также в Комитет партийного контроля при ЦК ВКП(б) стали поступать «недоумевающие и возмущенные сигналы и заявления от граждан», в республиканский наркомат внутренних дел и Одесское областное управление этого ведомства был сделан соответствующий запрос. Ответ последовал вполне вразумительный: «О службе Зиньковского-Задова в банде Махно известно, и он этого не скрывал при поступлении на службу в органы ГПУ НКВД УССР». И все же отдел кадров НКВД СССР своим распоряжением за № 463846 от 17 мая 1937 года дал указание перевести Зиньковского-Задова на должность вне Управления государственной безопасности.

Между тем «письма от граждан» продолжали поступать. Так, 29 июля 1937 года из УНКВД Днепропетровской области в отдел кадров НКВД УССР было направлено заявление заведующего сектором подготовки сельскохозяйственных кадров сельхозотдела обкома КП(б)У Ф. Л. Калиниченко, категорически возражавшего против использования бывшего махновца на столь почетной и ответственной работе и сообщавшего некоторые «подробности о его бандитских делах».

Обвинение против Зиньковского-Задова, выдвинутое на очередном этапе следствия и сформулированное на основании фактов о службе у Махно, являлось тяжелым,

¹⁹ Даниил Николаевич Зотов-Задов, 1898 года рождения (г. Юзовка) еврей, беспартийный; до ареста в августе 1937 г. — опер. уполномоченный иностранного отдела Управления НКВД Молдавской АССР. Приговором выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР от 25 сентября 1938 г. был осужден к расстрелу. 2 августа 1964 г. Главный военный прокурор вынес протест об отмене приговора и прекращении дела в отношении Зотова-Задова. 5 сентября 1964 г. Военная коллегия Верховного суда СССР этот протест удовлетворила и дело о Зотова-Задове «производством прекратила за отсутствием состава преступления».

²⁰ См.: Военно-исторический журнал. — 1990. — № 4.

справедливым, но не совсем... законным. Оно не должно было предъявляться, поскольку согласно помещаемому ниже документу Зиньковский за свои былые дела подлежал амнистии и не подвергался преследованию. Кроме того, как уже указывалось, он не скрывал своего прошлого. В автобиографии, в различных анкетах всегда указывал о своем пребывании у Махно.

**«ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА
ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО
КОМИТЕТА СОЮЗА ССР
ОБ АМНИСТИИ**

Во исполнение Манифеста Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 15-го октября 1927 года и в ознаменование 10-летия Октябрьской революции Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

...4. Освободить от дальнейшего пребывания под стражей всех трудящихся, осужденных по приговорам судов или административных органов за контрреволюционную деятельность, имевшую место во время гражданской войны по первое января 1923 года.

Все незаконченные производственные дела этого рода подлежат прекращению...

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР:

— М. КАЛИНИН

Кремль.
1927 г.».

Судя по этому документу, имевшему силу закона, дело по обвинению Льва Задова должны были прекратить еще за десять лет до его ареста именно в отношении тех преступлений, в которых он обвинялся. Однако дело не только не прекратили, но завели новое, день ото дня дополняя его всевозможными обличительными деталями.

Ответственность «за пребывание в банде Махно», по словам самого Зиньковского, могла быть снята и еще раньше. В протоколе его допроса от 17 ноября 1937 года значится следующее показание: «Снова начался отлив махновцев, усилилось дезертирство, и банда начала постепенно уменьшаться. Этому способствовала объявленная в апреле 1921 года Советской властью амнистия добровольно сдавшимся махновцам»²¹. Зиньковский откликнулся на этот призыв не сразу, а спустя три года и два месяца, но сдался властям добровольно. Другое дело, если бы он относился не к классу трудящихся, как того требовало постановление об амнистии от 1927 года, а к паразитирующему сословию (ведь именно так изображал его Алексей Толстой). Но мы уже привели убедительные доказательства надуманности «автобиографии» Льва Задова в писательском варианте.

И все же, что делал Зиньковский-Задов в так называемой народной армии батьки Махно?

В МАТЕРИАЛАХ дела имеется несколько протоколов допросов Даниила Зотова-Задова. Вкратце перескажем один из них — от 28 ноября 1937 года. Вот что из него следует.

В конце 1918 года оба брата вместе с другими анархистами (7—8 человек) выехали в Гуляйполе, где находился Махно. Повстанческий отряд последнего вел бои с отступавшими австро-германскими частями и «вартой» гетмана Скоропадского, одновременно совершая набеги на помещичьи имения.

После вступления в отряд Даниил некоторое время, по его словам, «продолжительное», ничего не делал, т. е. не привлекался к боевым делам, поскольку не умел обращаться с оружием, а затем месяца два находился во вновь созданной комендантской команде. Лев же поначалу участвовал в организации типографии, а также выпуске листовок и «какой-то газеты». Затем вместе с другими «вербовщиками» стал разъезжать по Гуляйпольскому району и собирать крестьян в отряд Махно. Отряд быстро разрастался и вскоре влился в состав наступающих красных войск, стал именоваться «дивизией». Махно, назначенный «комдивом», видимо, хорошо себя зарекомендовал, поскольку «от красного командования... тогда получил оружие».

Братья в это время входили в состав инициативной группы позыскиванию контрибуций с буржуазии Мариуполя, а затем Бердянска, созданной при штабе «дивизии».

Осенью 1919 года после затяжных неудачных боев с белыми войсками и последующего занятия Запорожья (тогда Александровска) была создана контрразведка «для вылавливания офицеров, не успевших уйти с белыми». Ее начальником был назначен Левка Голик. Это очень важно. Видимо, Телер и другие, описывая эти события, то ли ошибочно, то ли еще по каким причинам приписывали должность и всевозможные дела одного Левки другому, т. е. Голика — Зиньковскому. Последний же являлся помощником у Голика, да и то непродолжительное время, поскольку после занятия Екатеринослава контрразведка разделилась на армейскую (главную, при штабе Махно) и корпусную. Начальником первой продолжал оставаться Голик, вторую возглавил Зиньковский. Даниил все время находился при брате, выполняя его поручения: направлял разведчиков на обыски и аресты белых офицеров, принимал «граждан города и села, которые сами приходили и заявляли» о прячущихся белогвардейцах; позже, в корпусной разведке, в его обязанности входило отбирать имущество и драгоценности у задержанных и переправлять все это в штаб.

После сдачи белым Екатеринослава, где махновцы продержались полтора месяца, в армии началась эпидемия тифа. По словам Даниила Задова, из сорока тысяч только четвертая часть держалась на ногах; ежедневно умирало 200 и больше человек. В Запорожье, куда отступили остат-

²¹ На запрос Главной военной прокуратуры от 19 октября 1937 г. в ЦГАОР УССР поступил ответ, что «постановления ВУЧК от 1921 года об амнистии для добровольно сдавшихся бандитов не выявлено».

ки повстанческой армии, заболел тифом Махно, так что окончательный развал его войск проходил фактически без него. По настоянию командования Красной Армии часть махновцев сдала оружие и разошлась по домам, часть влилась в красные войска. Группа же в составе 40—50 человек, куда входили и братья Задовы, вывели атамана в Гуляйполе.

Поскольку, как решил старший брат, махновщина прекратила свое существование, нужно было искать пути возвращения в Красную Армию. Сперва решили заехать к родным, в Юзовку, а там уже сориентироваться по обстановке. Посчитали менее опасным пока не заявлять о себе местным властям. Старший брат, как более опытный и осмотрительный, скрывался у знакомых сестры, а младший остался у матери. Недели через две, скажет впоследствии на допросе Даниил Задов, «из уголовного розыска явились два человека и меня арестовали». Освободиться Даниилу удалось хитростью. По пути ему предложили свободу за выкуп, предполагая, что у недавнего махновца припрятано много всякого добра. Даниил сказал, что закопал немало ценностей и, если его отпустят, он на следующий же день принесет на квартиру своей матери требуемый выкуп. Конвоиры поверили и его отпустили. Поскольку расплачиваться было нечем, Да-

ниил поспешил предупредить брата об опасности. Оба пришли к выводу, что испытывать судьбу не стоит, так как расстреляют». Вот почему ранней весной 1920 года они снова оказались у Махно, который, сгруппировав вокруг себя недовольных Советской властью, к лету имел уже пяти тысячный отряд. Даниил был зачислен в разведку, которой ведал начальник штаба отряда Белаш²².

«Разведка состояла, — показывал Зотов Задов, — из мальчиков-подростков, 2 стариков крестьян и 4—5 женщин в возрасте от 18 до 20 лет... Работали по следующему принципу. На подводку, запряженную одной лошадью, садились женщина и один подросток, которые уезжали в тыл красных частей, с которыми махновщина тогда вела борьбу, и устанавливали месторасположение, количество и вооружение частей и по возвращении докладывали. Таких подводок высылалось 4 и таким образом о расположении... Красной Армии было известно приблизительно на 50—60 километров в радиусе».

*Полковник юстиции Н. Л. АННЕНКОВ,
капитан 1 ранга В. Г. ОППОКОВ*

²² Арестованный впоследствии органами НКВД Белаш дал пространные показания; некоторые факты из них стали роковыми для Задовых.

(Окончание следует)

ПОЗВОЛЬТЕ поделиться своими впечатлениями о статье Л. Лазарева «Не пробрезговали», опубликованной в № 39 «Литературной газеты».

Трудно поверить, что этот текст напечатан в издании, сотрудники которого знают высокий смысл понятия «критика». Чего, например, стоит ухмылка по поводу письма читательницы «Военно-исторического журнала». Быть может, военная история не есть история Отечества? Тогда почему русская женщина, интересующаяся этой историей, вызывает у Л. Лазарева глумливое непонимание?

Впрочем, не это главное. Претензии, предъявленные автором к «ВИЖу», было бы правильнее адресовать ему самому. Лазарев упрекает издание Министерства обороны в том, что оно воспользовалось документом охраны, а не услугами «специалистов-историков». Ну, то, что в редколлегии «ВИЖа» специалистов нет, Лазареву очевидно, ясно. Непонятно, почему «ЛГ» не позвала на помощь авторитетных экспертов и не разгромила жандармского подполковника по

сути его опуса. Не будучи историком, рисну все же предположить: произошло это из-за того, что факты почти вековой давности проливают больше света на сегодняшнее положение в Армении, чем неуклюжее упоминание Лазарева о принципах сталинской национальной политики.

Хочу высказать несколько слов, уважаемая редакция «ЛГ», о стиле вашей деятельности. Статья рассчитана на человека, не читающего критикуемую работу. Иначе чем объяснить сбильное цитирование из «обширного материала» только двух первых страниц, которые содержат действительно слабые, чиновничьи рассуждения? Истати, неужели «ВИЖ» должен был специально разъяснять Л. Лазареву, с чем именно в этих рассуждениях нельзя согласиться? И в то же время гробовое молчание по поводу подробного рассказа о прелюбопытном армянском опыте создания того, что ныне называется «параллельными структурами власти». Непонятно, почему служащий жандармерии, защищавший государственную российскую организацию от конкурирующего армянского подполья (которое имело свои тюрьмы и армию), априори заслуживает презрения русского офицера? «Тю, жандарм!» — восклицает автор и считает свой анализ законченным. Впрочем, Лазарева вполне

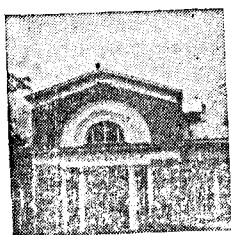
можно понять. Цитировать корректно он просто не мог, поскольку сентябрьский номер «ВИЖа» пока не дошел до подписчиков. Но не мог и ждать: идет подписка, а время — деньги.

Сопоставьте тиражи «ЛГ» и «ВИЖ». Подавляющее большинство ваших, уважаемая редакция, читателей не видели в глаза даже обложки «журнала Министерства обороны». Лазарев читается в них. Каким словом следует обозначить такой поступок литератора — решайте сами. Я бы сказал: не порядочность. Впрочем, возможно, таковы ваши порядки.

Об армянах, об их истории, о нынешней закавказской трагедии Л. Лазарев писать пробрезгов. О чем же речь? Автор проговаривается, роняя горькие слова по поводу «серьезных не порядков в этом министерстве (обороны), разумеется. — А. А.), о которых все громче говорит общественность». Не напоминает ли это гашевские статьи-пародии о «пресловутом честном социнисте Лукаше»?

Читатели «ЛГ», которых вы, уважаемая редакция, данной публикацией поставили в неловкое положение, вправе рассчитывать на извинения. Они их, разумеется, не получают.

А. АННЕНКОВ
(Москва)

БОРОДИНО- ВАТЕРЛОО: опыт реконструкции

18 ИЮНЯ 1815 года близ городка Ватерлоо в 25 километрах к югу от Брюсселя была окончательно разбита союзными войсками под командованием Веллингтона и Блюхера наполеоновская армия.

А через 175 лет, 17 июня 1990 года, это сражение... вновь отгремело на том же самом месте. Эта баталия, воссозданная усилиями военно-исторических клубов из нескольких стран Европы, а также Канады и США, завершилась, как и почти два века назад, разгромом французов и обращением их в бегство. Так закончилась самая грандиозная реконструкция битвы под Ватерлоо. Грандиозная прежде всего по количеству ее участников — более 3,5 тысячи человек в мундирах и костюмах этой эпохи, с артиллерией и кавалерией, действовавших в точности по той же диспозиции, в соответствии с которой была в свое время проведена настоящая битва. Грандиозная и по числу зрителей, собравшихся в тот день. По примерным подсчетам, вокруг поля площадью 14 квадратных километров собралось не менее 110 тысяч зрителей. Во время этого удивительного, красочного представления мощные динамики разносили на многие километры вокруг голос диктора, рассказывавшего о жизни, победах и поражениях Наполеона Бонапарта. Лазерные прожекторы и большая часть пиротехнических установок были расположены на холме Льва — искусственной горе идеально конусовидной формы, насыпанной рядом с полем Ватерлоо. А на сле-

дующий день здесь загремели пушки и запахло порохом.

Как писали бельгийские газеты, представление оказалось необычайно удачным. Может быть, потому, что в реконструкции этого знаменитого сражения принимали участие не только бельгийцы, но и французы, англичане, голландцы, немцы, канадцы, американцы. Впервые на Ватерлоо были приглашены военно-исторические клубы из Советского Союза. Группа любителей наполеоновской эпохи — АЛИНЭ — представляла 32-й линейный полк французской армии, гренадеры, уланы, драгуны, гусары, ополченцы русской армии вошли в состав объединенных англо-прусских сил. Как известно, русские при Ватерлоо не сражались, поэтому и определили нас вместе с делегациями военно-исторических клубов из ГДР и ФРГ в прусский корпус. Во-первых, как союзников в битве против Наполеона, во-вторых, — форма наших войск напоминала немецкую. Так что до вступления в бой войск фельдмаршала Блюхера (прусские войска подошли на вторую половину сражения) мы имели возможность наблюдать за ходом битвы.

В то время, когда весь фронт французской армии, строго следуя диспозиции, начал стремительно откатываться назад, 32-й линейный, плотно сомкнув шеренги и выставив вперед два ряда сверкающих на солнце штыков, в едином порыве остался стоять на месте, пробуя сдержать наваливающиеся на него колонны англичан. И, конечно, в конце концов был вынужден отступить, изрядно поредевший.

К слову сказать, все выглядело натурально. Участники «сражения» тщательно экипированы, особенно англичане и французы — одеты с иголки. Многие военно-исторические клубы вооружены действующими кремневыми ружьями и пистолетами.

Смотрели мы на этот красочный спектакль, и думалось: почему в нашей стране так мало уделяется внимания поддержанию исторических традиций? На одних энтузиастах такое большое дело держаться просто не в состоянии. С энтузиастами все ясно: они будут заниматься тем, что их интересует, несмотря ни на какие пре-

● Марш военно-исторических клубов в Москве и на Ватерлоо (справа).

● Любители военной истории из ФРГ вспоминают о своем участии в военно-патриотическом празднике на Бородинском поле.

ВАТЕРЛОО

- Томительные минуты ожидания перед „сражением”.
- И грянул „бой”.
- В одном строю идут уланы с конницей союзных войск.

На 4-й странице вклейки:

- Марш униформированных музыкантов.
- Теплая встреча с жителями Ватерлоо.
- Один из старейших участников праздника.
- Концерт самодельных артистов.

На 1-й странице обложки:

Участница театрализованного представления на Ватерлоо.

пятствия. А вот дальше — дальше нужен серьезный, деловой подход.

На Ватерлоо среди прочего нас приятно удивило то, что всем участникам реконструкции были заплачены деньги, и немалые. Советским энтузиастам, привыкшим за все платить из своего кармана, получая взамен лишь редкие публикации в прессе, такое было в диковинку. Но тем не менее вопрос, откуда взялись деньги, ни у кого не возникал. Курортный городок Ватерлоо нашел возможность накормить всех и устроить на ночлег немалую часть приехавших на праздник туристов — а их было более 100 тысяч. Ведь турист хочет не только зрелища, ему нужен еще и комфорт, и этот комфорт ему готовы предоставить. Результат? Люди стремились на Ватерлоо, деньги лились рекой. Кто в выигрыше? Хозяева отелей и ресторанов, скажет недоверчивый читатель. Не только. Выиграли и те, кто приобщился к истории.

Но ведь и у нас тоже бывают такие праздники? Такие, да не совсем. Например, в прошлом году на Бородино рядом с полем битвы перед реконструкцией была сооружена крохотная трибуна, места на которой хватило лишь нескольким выкопоставленным лицам. Остальные зрители (а их тоже оказалось немало, около 35 тыс.) вынуждены были целый день на жаре стоять вокруг поля, выстроившись во много-много рядов.

Не будем говорить о том, что у зрителей практически не было возможности нормально поесть — к этому мы привыкли (об участниках, слава богу, позаботилась армия). Но почему в небольших киосках, расположенных рядом с полем,

продавались пластмассовые зайцы и медведи, сомнительного содержания проспекты и календари? Неужели нельзя было найти что-нибудь более подходящее случаю? Ведь в клубах очень много людей действительно талантливых. Между прочим на международном конкурсе фигуринистов (военная миниатюра) в Компьене, во Франции, который проходил в этом году, призовые места достались представителям Советского Союза.

«Хозяина нет всему этому делу, вот что!» — мрачно буркнул в тот день в сидящие усы оказавшийся рядом со мной «драгун». Справедливости ради уточним — хозяев было слишком много.

Поскольку деньги из таких мероприятий у нас извлекать пока не научились, их незаинтересованность можно понять. С одной стороны. С другой — хочется, чтобы поняли и нас. В конце концов увлеченные люди в старинных мундирах просят не только и не столько для себя! Осознанное требование, прозвучавшее уже довольно давно, — предоставить федерации права юридического лица, что позволило бы и нам проводить такие же грандиозные праздники военной истории, как под Ватерлоо.

Что касается праздника, состоявшегося на Бородино в нынешнем году, то он получился более зрелищным. Но выявились недочеты в подготовке и проведении театрализованного представления, а также организации всего праздника. Впрочем, об этом разговор особый. Ведь не за горами 180-летие Бородинского сражения.

Е. В. ВЫКОВСКИЙ
А. Е. ШАДРИН (фото).

(Брюссель—Москва).

22—23 сентября 1990 года на ВДНХ СССР проходил фестиваль газеты «Московская правда», в котором приняла участие и наша редакция.

Вместе с нами в павильоне, отведенном «Военно-историческому журналу», активно работали научные сотрудники ЦГАОР СССР и ЦАМО СССР, а на площадке перед павильоном состоялось театрализованное представление, подготовленное членами конного военно-исторического клуба «Улан».

Редакция благодарит всех наших помощников, внесших свой вклад в дело пропаганды славной военной истории нашей Родины.

Атаман Анненков

В ПОСЛЕДНИЕ годы печать, радио и телевидение почти захлебнулись в потоке репрессивных и реабилитационных материалов. Рассказы о невинно осужденных, восстановлении юридической и гражданской справедливости напроочь затмили важный исторический факт в истории нашего государства — на всех этапах социалистического строительства шла непримиримая, реальная и жестокая борьба с противниками Советской власти. Причем явные и тайные враги не только вели пропагандистскую и заговорщическую подрывную работу, но и брались за оружие. Вот почему от всех, кто нес непосредственную ответственность за охрану и защиту завоеваний Октября от посягательств внутренних и внешних недругов, партия и народ требовали бдительности и стойкости.

Впрочем, в наше непростое время это требование не снимается с повестки дня. Ведь и сейчас чего только не услышишь на шумных митинговых площадях, о чем только не прочитаешь на газетных и журнальных полосах. Так, господин Гавел обеспокоен тем, как бы перестройка, не стала синонимом социализма (!), народный депутат СССР Федоров с глубоким удовлетворением заявляет, что, по его разумению, перестроечные процессы можно сравнить с Февральской революцией. Ну а публицист Черниченко пошел еще дальше — обвинил большевиков в «обмане и закабалении народа». Нечто подобное тому, что слетало с языка публициста, именовавшего себя членом КПСС, можно прочитать в одной из листовок. Содержание этого провокационного листка настолько примечательно и созвучно риторике упомянутого Черниченко, что заслуживает более внимательного прочтения. Вот несколько выдержек из него:

«...Одиннадцать веков строилась Русская земля.

Бесчисленными жертвами своих сынов, умом и мужеством лучших людей камень за камень возводилось здание русской государственности, и из маленького племени Русь выросла Великая державная Россия.

В блеске ее славы, под сенью ее державной мощи крепло народное благосостояние, и близок был час, когда первая по силе Россия должна была стать первой по богатству и счастью страной.

Но отравленный ядом большевистского безумия великий народ пошел за своими лжеучителями и, как библейский Самсон, был ослеплен и потерял свою силу.

Ужасами небывалого лихолетья покарал Господь Русскую землю.

Потерявши разум, веру и совесть, ослепленные русские люди с легким сердцем подменили суровую государственную мудрость дешевой большевистских (бранное слово. — *Ред.*)... животные инстинкты разнузданной черни признали за волю народа и в два года дотла разрушили тысячелетнюю державу.

Исчезла железная мощь великой страны, померкла ее гордая слава, и последним между последними, жалким презренным бездомным стал ... державный народ.

На троне Великого Петра — подьячий Ленин, фельдмаршальский жезл старика Суворова в руках Лейбы Бронштейна...»

По последним строкам можно догадаться, что листовка написана в годы гражданской войны. Готовилась она колчаковскими пропагандистами как призыв войскового осведомительного отдела Сибирского казачьего войска к «обманутому и закабаленному большевиками русскому народу». Не в ней ли почеркнул безнравственное и провокационное обвинение Черниченко для своей воинственной спекулятивной речи на митинге, состоявшемся в Москве на Зубовской площади 25 февраля 1990 года? В любом случае он здорово утешил бы сердца колчаковских пропагандистов и одного из самых страшных атаманов-боевиков — Анненкова.

Кстати, Анненков тоже на словах ратовал за «демократические порядки». В сентябре 1918 года, когда численность его дивизии достигла нескольких тысяч человек, он стал именовать ее «партизанским отрядом имени Анненкова». «Партизаны» в обращении друг к другу, включая и начальствующий состав, употребляли слово «брат», на приветствие отвечали: «Привет!» Отряд имел свой боевой значок с девизом «С нами Бог!».

Ну как тут не вспомнить фашистских солдат, бляхи поясных ремней которых были украшены такой же надписью. Но Анненков упреждал Гитлера и в другом. Его «партизаны», как впоследствии и эс-совцы, щеголяли устрашающей эмблемой — череп с двумя перекрещенными костями.

И в жестокости ни в чем не уступили фашистам. В обвинительном заключении по уголовному делу Б. В. Анненкова, суд над которым состоялся в июле—августе 1927 года, указывалось, что «партизаны», расправляясь и с красными бойцами, и с советскими активистами, и с простым трудовым народом, кощунственно заявляли: «Нам нет никаких запретов! С нами Бог и атаман Анненков. Руби направо и налево!..»

Но кто же он такой, этот всемогущий атаман? Вот краткие сведения о нем. Борис Владимирович Анненков родился в 1889 году. Окончил Одесский кадетский корпус и Московское Александровское военное училище. Потомственный дворянин. После победы Октября сразу же встал на сторону контрреволюции. Находясь на русско-германском фронте, отказался выполнить декрет Советской власти о демобилизации и во главе так называемого «партизанского» отряда прибыл в г. Омск, где включился в активную контрреволюционную борьбу. Впоследствии организовал карательные акции против крестьян, недозволенных колчаковским режимом, на Южном Урале, в Омской и Семипалатинской областях и других местах. Командовал бригадой в войсках Колчака, от него же получил звание генерал-майора. После падения колчаковского режима возглавил Белогвардейскую Семиреченскую армию. Отступая под ударами красных частей, Анненков с остатками своей армии (около 4 тыс. человек) ушел в Китай. Более подробно обо всем этом рассказывается ниже.

Мы представляем читателю малоизвестные и неизвестные страницы судебного дела законно и обоснованно казенного преступника, который, прикрываясь лозунгом о защите русского народа, вел жестокую беспощадную войну против того, кого на словах защищал.

1. СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ВОСТОЧНАЯ ЭМИГРАЦИЯ

В начале 20-х годов ряд провинций Китая, а также местности, прилегающие к границам СССР и Монголии, наводнили выброшенные с советской земли остатки разбитых белогвардейских полчищ. Большинство их было разоружено местными властями, после чего многотысячная обездоленная масса разбрелась по просторам чужой огромной страны. Подобная участь постигла и бывшую Семиреченскую армию, также оказавшуюся на китайской территории, а ее командующий Анненков, носивший одновременно атаманский и генеральский титулы, очутился за тюремной решеткой. Некоторое представление о предшествовавших его аресту и заключению событиях можно почерпнуть из письма, ад-

ресованного 20 августа 1921 года французскому посланнику в Западном Китае:

«Высокопочтенный Господин Посланник I, — писал один из сообщников Анненкова Денисов. — Партизанский отряд имени атамана Анненкова, того атамана, который еще в минувшую всемирную войну с Германией не раз отличался своими личными подвигами в общей с Вами борьбе с немцами, атамана, который первый поднял в Омске восстание против большевиков и потом дрался с ними 2 года в Семиречье. В то время как Омск и все города Сибири перешли в руки большевиков, армия атамана Анненкова продолжала жестокую и неравную борьбу, и только лишь когда не осталось снарядов и патронов, атаман с остатками своей армии интернировался в Китай 27 мая 1920 года у пограничного китайского городка Джимпань. Все оружие — пушки, пупометы и винтовки — при переходе границы сданы китайским властям. После того как все желающие из армии ушли, она переформировалась в отряд и в нем осталось 700 человек...

Атаману было объявлено (март 1921 г. — Авт.), что необходимо поехать в Урумчи для личных переговоров с генерал-губернатором. Атаман согласился и 30 марта уехал в Урумчи, где находится по настоящее время. Я как старший остался за атамана отряда. Несколько раз опротестовывал незаконное лишение его свободы, но все напрасно. Ответом на все мои протесты было гробовое молчание. Атаман посажен в тюрьму и охраняется китайскими властями.

К моменту моего Вам доклада обстановка такова: 500 человек нашего отряда ушли... на Пекин, и, где они, мне в настоящее время ничего не известно. У них мало денег, совершенно нет медикаментов и на них плохое обмундирование. Со мною в Гучене 150 человек.

Сообщая Вам, Почтенный Посланник, обо всем этом деле, я усердно прошу обратить Ваше благосклонное внимание на такой произвол и прошу принять зависящие от Вас меры воздействия на китайские власти к защите отряда атамана Анненкова от столь незаконных действий и издевательств над ними в глухой китайской окраине. Кучка партизан, дравшихся 6 лет, не заслужива такого обращения и такого издевательства, а что касается лишения свободы атамана Анненкова, командующего отдельной Семиреченской армией, то нет слов выразить негодование на бумаге. Я надеюсь, что Вы, Ваше Превосходительство, представитель благородной и прекрас-

ной нашей союзницы Франции, поможете и выручите нас. Податель сей бумаги в беседе с Вами дополнит все мною сказанное и лично подтвердит.

Остаюсь искренне Вас уважающий и готовый к услугам начальник штаба атамана Анненкова, ныне командующий его отрядом, Генерального штаба полковник Денисов».

20 октября 1922 года последовало новое обращение — «К Его Высочайшему Консульству Сербскому Генеральному Консулу в Шанхае». Снова идет перечисление заслуг атамана в борьбе с большевиками, осуждается допущенная в отношении Анненкова несправедливость: «...благодаря несоблюдению местными Китайскими властями международного права и творимого здесь произвола местных властей, — сетовал Денисов, — атаман Анненков изменническим способом арестован. Весь его отряд распылен и находится на Дальнем Востоке, сам же он заключен в Урумчинскую тюрьму, где и содержится уже 20 месяцев...»

Я остался с 20 конвойцами атамана в Гуэчуне, в 18 верстах от Урумчи — места заключения своего атамана — и ожидаю его свободы. Прошу Вас принять все зависящие от Вас меры и оповестить об этом деле правительство Югославии и через него сообщить генералу Врангелю. Все мы будем Вашими неоплатыми должниками, и, если понадобится наша помощь в борьбе за идею славянства и борьбе с большевиками, мы всегда к Вашим услугам. Начальник штаба атамана Анненкова генерал-майор Денисов».

Анненков провел в заключении три года и после настойчивых хлопот англичан был освобожден. Этому предшествовали многочисленные его обращения к японским, английским, французским и прочим посланникам, сопровождавшиеся клятвенными заверениями продолжать борьбу с Советской Россией.

Чтобы лучше уяснить обстановку, представившуюся Анненкову за открывшейся тюремной дверью, воспользуемся описаниями следователя по важнейшим делам Верховного суда Союза ССР Д. Матрона, приложившего много усилий для расследования дела бывшего атамана.

Д. Матрон указывает, что с первых дней пребывания Анненкова на свободе тот стал получать предложения от различных организаций по подготовке военных акций против Советского Союза. Сначала его навестил глава русской монархической ор-

ганизации в Шанхае Николай Остроухов, назвавшийся представителем бывшего великого князя Николая Николаевича¹. Вслед за ним объявился посланец монархического общества «Богоявленское Братство». Очередным визитером оказался бывший подчиненный Анненкова по Семиреченской армии Черкашин, значившийся по подложным документам английским подданным — коммерческим посредником фирмы, занимавшейся скупкой пушнины в Китае. Черкашин довел до сведения атамана предложение об организации специального воинского формирования из русских эмигрантов для последующего его использования против Китайской Народной Армии² и борьбы с Россией.

Наряду с тем Анненков получал множество писем от руководителей различных эмигрантских организаций, убеждавших его в необходимости перехода к активным действиям против Советов. Подчеркивалось, что видеть его в этом качестве заинтересованы не только эмиграция, но и иностранцы, главным образом англичане, имевшие большую силу в Центральном Китае, в особенности в Шанхае.

Анненков понял, что антисоветские организации созданы во многих городах Китая и они содержались на средства англичан, японцев и т. д. На таких правах, к примеру, существовал в Шанхае «Комитет защиты прав и интересов эмигрантов», где верховодили бывшие белогвардейцы генерал Глебов и полковник Колесников. Последний полутно был и редактором шанхайской черносотенной газеты «Россия». Там же, в Шанхае, обосновалась и другая антисоветская организация, именовавшаяся «Богоявленским Обществом», руководитель которой Казаков³ проявлял явную заинтересованность в сотрудничестве со своим бывшим начальником. В Харбине энергично действовал бывший секретарь российского посольства в Пекине некий Остроухов, возглавивший сразу три эмигрантские группировки: «Мужкетеры», «Черное кольцо» и «Голубое кольцо». Существовали военизированные формирования — отряды Глебова, Нечаева и другие, преследовавшие цели прямого противодействия намерениям некоторых эмигрантов возвратиться в Советский Союз.

¹ Николай Николаевич Романов — двоюродный брат Николая II.

² Так в документах. Правильно — Народная революционная армия (НРА).

³ Доктор Дмитрий Иосифович Казаков — бывший отрядный врач анненковского войска.

В марте 1925 года упомянутый Остроухов поставил Анненкова в известность о приезде в Шанхай бывшего белогвардейского генерала Лукомского, являвшегося эмиссаром великого князя Николая Николаевича. Этот посланец передал Анненкову предложение своего титулованного хозяина объединить и возглавить все монархические группировки и отряды на Дальнем Востоке в единый центр действий против Советской России.

Не бездействовали и иностранные дипломаты. По утверждениям самого Анненкова, он имел личные встречи с английскими посланниками Александэром и Дудой, а также с французским посланником Робертом Герцем, настаивавшими на активизации его деятельности в антисоветских эмигрантских организациях.

Однако Анненков уже более реально оценивал соотношение сил, которое к тому времени складывалось явно не в пользу белой эмиграции. А потому он всячески уклонялся от предложений включиться в непосредственную борьбу против Советской власти. Бывший атаман довольно скоро убедился, что белое движение не имеет для такой борьбы достаточных сил. В то же время Анненков понимал, что отсиживаться в тихой заводи ему просто не позволят. К тому же из среды бывших соратников по борьбе стали доноситься и явно недружественные голоса.

В конце концов Анненков принял одно из предложений о формировании белого отряда в составе возглавлявшихся маршалом Фын Юйсяном китайских войск. Вместе с тем в белоэмигрантских кругах этот военачальник считался сторонником большевиков. Во всяком случае для маршала не являлось секретом то, что советская сторона добивается выдачи ряда бывших руководителей белогвардейского движения, виновных в совершении тяжких преступлений против народа. Среди них фигурировал и Анненков.

Мы не имеем подробных сведений о сношениях советской и китайской сторон с бывшим атаманом. Известен лишь их итог. Вскоре после прибытия Анненкова в штаб Фын Юйсяна в газете «Новая Шанхайская жизнь» за 20 апреля 1926 года появилась сенсационная новость, разом всколыхнувшая всю русскую эмиграцию. В ней было опубликовано обращение Анненкова к Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету.

«Я, Борис Анненков, в минувшую гражданскую войну принимал самое деятель-

ное участие в борьбе на стороне белых. Считал большевиков захватчиками власти, неспособными вести народ и страну к благу и процветанию. Суровая трехлетняя борьба кончилась нашим поражением, и мы эмигрировали в Китай. Шесть лет эмиграции были самыми тяжелыми в моей жизни. Потеря своей Родины, сознание своей вины перед людьми, которые верили мне и которых я повел за собой в скитание в Китай, сильно угнетали меня. Строгий анализ своих прошлых поступков и действий привел меня к выводу, что гражданская война и борьба с советами были глубоким заблуждением, ибо то, что сделала Советская власть после того, как окончила борьбу на всех фронтах, говорит, что она твердо и неуклонно ведет народ к достижению намеченных идеалов...

Сознавая свою огромную вину перед народом и Советской властью, зная, что я не заслуживаю снисхождения за свои прошлые действия, все-таки обращаюсь к Советскому правительству с искренней и чистосердечной просьбой о прощении мне моих глубоких заблуждений и ошибок, сделанных мною в гражданскую войну. Если бы Сов[етская] власть дала мне возможность загладить свою вину перед Родиной служением ей на каком угодно поприще, я был бы счастлив отдать все свои силы и жизнь, лишь бы доказать искренность моего заблуждения. Сознавая свою вину и перед теми людьми, которых я завел в эмиграцию, я прошу Сов[етское] правительство, если оно найдет мою просьбу о помиловании меня лично неприемлемой, [то] даровать таковое моим бывшим соратникам, введенным мною в заблуждение и гораздо менее, чем я, виноватым. Каков бы то ни был суров приговор мне Советского правительства, я приму его как справедливое возмездие за свою вину.

Атаман Анненков»

Буквально на другой день — 21 апреля — бывший полковник Генерального штаба Н. Колесников разразился в шанхайской эмигрантской газете «Россия» уничтожающей статьей, которая стоит того, чтобы ее воспроизвести.

«АТАМАНЫ

«Выплывают расписные...»

«Песня о Стеньке Разине»

«И башмаков еще не износила»

Шекспир [Гамлет].

Еще сравнительно недавно доктор Казаков, большой патриот и председатель одной из крупнейших организаций, получал письма атамана Анненкова, клявшегося

сл и уверявшего в своей ненависти к большевикам и преданности России. Почти год тому назад у меня в кабинете сидел начальник штаба генерал-майор (звание Денисова дается то полковник, то генерал-майор. — Азт.) Денисов и рассказывал об испытаниях, пережитых Анненковым в китайской тюрьме, и о том, будто бы атаман Анненков пишет свои мемуары, которые желал бы опубликовать в газете.

Я небольшой поклонник атаманов и «атаманщины», мне больше нравится государственная власть адмирала Колчака, Деникина, Врангеля. Не лежит моя душа к этой волюнице разнузданной, к ничтожеству, стремящемуся «рассудку вопреки, наперекор стихиям» выскочить обязательно из толпы, козырнуть на Наполеона, без мозгов великого корсиканца, а только примеряя на пустую черепную коробку трехугольную шляпу великого человека.

Я очень много слышал об атамане Анненкове, но никогда не видел его в лицо, и вот доктор Казаков прислал мне его карточку.

Взглянул я и ахнул. На меня глядел молодец из какой-нибудь купеческой лавки, в лихо заломленном на затылок картузе, подпоясанный, точно коренник, ремнем с бляхами, а рукава, галифе и рубаха представляли из себя расплесканную палитру красок.

Но самое замечательное — это лик. Большая челка, точно у китайских леди, закрывала пол-лица, и из-под этой челки на вас смотрел весьма демократический «патрент».

Да не сочтут «товарищи», которым он поклонился сей час до земли, подметая этой челкой грязь с сапог комиссаров, что я обрушиваюсь на «атамана» исключительно потому, что вот-де такой великий человек, а «признал» же советскую власть. Нет. Не в этом дело. Я отлично знаю, что атаман Анненков своим переходом сотворил грязное, тяжелое для эмиграции депо. Уже наличие разыскивающих атамана показывает, что он скоро сформирует шайку своих приверженцев и недаром его советская власть разыскивала столько времени.

Мы не отнимаем у авантюриста его личных качеств: энергии, храбрости, упорства, умения сосрганизовать хорошую шайку, знаем жестокость, с которой он может проводить в жизнь свои задачи.

Возможно, что на клич перекрасившегося в ворона сокола или, вернее, на клич

вороны с полинявшими соколиными перьями полетит немало «кушкунников». Мы знали и знаем, что ренегаты всегда самые лучшие прозодники купкашей их власти. Кто, как не янычары, дети христиан, были самыми лютыми врагами христианства? Мы знаем, что слащевы, ивановы-риновы и «атаманы» анненковы теперь уже отрезали себе всяческие пути и будут до конца сражаться за советскую власть, с чем и поздравляем. Благодарим Бога за то, что в последние часы нашего пути, когда снова поднимается национальное знамя, когда в Париже заседает конгресс эмиграции, собравшейся с целью мира, когда весь земной шар глядит с презрением и гадливостью на советскую власть, когда кругом образуются Лиги борьбы с нею, когда в судах повсюду идут процессы уловленных мошенников и бандитов, в этот час атаман Анненков раскрывает свою истинную натуру и переходит к тем, кто был ему ближе.

Внимательно прочтите мемуары этой канальи с челкой, этого расписного болвана, нарядившегося шутом гороховым, как масляничный бапаганый дед, и вы увидите, в какое он геройство ставит свое неподчинение Верховному Правителю адмиралу Колчаку. Кому же! Человеку, которого знала вся Россия, кто был овеян славой, о ком рассказывали легенды, чье имя было на устах у каждого.

Атаманы не признавали этой власти в Семиречье и на Дальнем Востоке, появились анненковы, семеновы и калмыковы, от которых шел вопль по городам и селам, которые марали чистое белое знамя и выступали в распахнутом виде перед толпой, стараясь дискредитировать и власть, и национальное движение. Достаточно сказать, что любимым занятием Анненкова была прогулка по селам в пьяном виде с гармонией в руках, на которой этот гармонист действительно изумительно зажаривал всякие польки и «вальцы». Вот эти-то «гармонисты», эта пьяная угарная атаманщина с блюющими, распоясавшимися сукиными сынами, нарядившимися в военную форму, с маршами хоронили то, что делали корниловские ударники, скитаясь в степи, что творили дроздовцы, марковцы и алексеевцы, что созидал адмирал Колчак, к чему звали Духонин и Каледин. Отваливаются гнойные струпы от тела выздоравливающей России. Уходят в область предания и уродливых кошмаров прошлого «атаманы» и проклятая, заливавшая кровью, опаскудившая движение «атаманщина»...

Вот так, отражая переполох и растерянность в эмигрантских кругах, а также свое персональное двуличие,отреагировал бывший полковник Генерального штаба Российской империи Колесников на это сенсационное сообщение. А ведь все предшествующие годы считал за честь увидеть Анненкова под своим монархическим знаменем, превозносил его как непревзойденного лидера белоэмигрантского движения в Китае.

Несколько иначе отреагировала на случившееся газета «Шанхайское новое время». 24 апреля она поместила такое письмо в редакцию. «Итак, — констатирует в нем пожелавший остаться как неизвестным «старый патриот», — доблестный атаман Анненков, блестящее прошлое которого принадлежит золотым страницам русской истории и не может быть отнято, вместо блестящей в будущем роли освободителя Родины от Третьего Интернационала перешел в его лапы. Сдали нервы у атамана. Иди, атаман, той дорогой, которую ты избрал сам. За те победы, которые ты вынес в германской войне, мы, низко опустив головы, только скажем: иди, атаман, с миром — ни один камень от истинных патриотов не будет брошен в твою голову. Там далеко в стране диких масок, ГПУ, Чека и Чинлов защитой России в дни тяжких испытаний, как это сделал и генерал Брусилов.

Ты, далекий, непонятный атаман, зачем, зачем взглянул ты на струпья эмиграции, а не в ее светлую душу под наносным злым недугом. Мы желаем избежать тебе страшных пыток и страданий. Мы готовили тебе лавры. Пусть бог пощадит тебя и сохранил твою голову».

На всякий случай в сноске под статьей редакция уведомила читателей, что не имеет официального подтверждения о переходе Анненкова к большевикам и еще не доверяет этим слухам.

Между тем разношерстная эмигрантская пресса лихорадочно освещала шокирующую новость, впадая то в одну, то в другую крайность. Первой, пожалуй, очнувшись от шока «Шанхайская заря». С претензией на истину 25 апреля в ней появилась статья «Правда о Борисе Владимировиче Анненкове», поданная в виде своего рода собственного расследования обстоятельств случившегося и призванная, по-видимому, успокоить подавшихся унынию и панике. Белоэмигрантская газета писала:

«Появившееся известие о «переходе» [обратим внимание на эти кавычки] атама-

на Анненкова к большевикам, естественно, вызвало немало толков среди белых русских. Но как теперь выясняется, совершенно ошеломляющее действие оказало это известие на партизан атамана Анненкова, находящихся в Шанхае. Никто не мог поверить правдоподобности его. Анненков и большевики! Умы всех знавших его никак не могли совместить эти два совершенно противоположных элемента. Для партизан атаман неизбежно ассоциировался с понятием непримиримости к большевикам и, мало того, с понятием необходимости активной борьбы с ними. Человек, до самого последнего времени сохранивший чувство ненависти и безразличия к власти убийц, грабителей и палачей русского народа. Таким он был, таким и остался. И непонятны недоумение и растерянность при вести «о раскаянии атамана Анненкова».

Перед каждым став вопрос: как могло это случиться? Анненков не только в стане своих врагов, но и своих партизан зовет туда же! И может, не у одного в душу заползла предательская мысль: не пора ли пересмотреть свои позиции по отношению к советской власти, не ведется ли там действительно творческая работа по воссозданию могущества России, не строят ли большевики, вопреки своему учению — вынужденные жизнью — национальную Россию, обновленную и возрожденную новыми идеями, новыми порывами творчества?

Многие партизаны не станут отрицать, что большое смущение внесли в их души как самый факт «раскаяния» атамана Анненкова, так и его призыв возвращаться на Родину.

Целью настоящей статьи является стремление рассеять это смущение, помочь сделать правильные выводы из факта нахождения Анненкова в стане большевиков и его обращения.

Первое утверждение: атаман Борис Владимирович Анненков к большевикам не перешел. Он был насильно сдан красным ставленником маршала Фын Юйсяна — начальником его штаба — генерал-губернатору провинции Кансу, где атаман проживал в последнее время.

Краткая история этого такова. После трехлетнего заключения в тюрьме в Урумчи [Китайский Туркестан, провинция Синьцзян] Анненков переехал в соседнюю провинцию Кансу. Здесь он приобретает большие симпатии у генерал-губернатора, с которым заключает договор об улучшении породы лошадей. Всем известна прекрасная конюшня лошадей атамана Анненкова,

которую ему удалось сохранить. Решив одновременно заняться и земледелием, Анненков выехал с этой целью по направлению к Тибету и обосновался в 100 милях от Ланчжоу-фу. Все шло хорошо, пока провинция Кансу не стала подвластной маршалу Фен Юйсяну, который сразу назначил своего начальника штаба генерал-губернатором. Под влиянием директив советских частей в Китае и Монголии Фен приказал в декабре 1925 года арестовать Анненкова, предварительно предложив ему перейти к красным, на что атаман, по словам русских офицеров, находившихся в провинции Кансу, ответил:

— Лучше расстреляйте меня здесь.

В дальнейшем сведения о насилии, произведенном над Анненковым, подтвердились, и его друзья в Шанхае обратились к Комиссару по иностранным делам с просьбой содействовать освобождению атамана. От проживающего в Ланчжоу-фу друга Анненкова 17 апреля с. г. было получено письмо, где он пишет, что атаман и его бывший начальник штаба Денисов по-прежнему находятся в тюрьме и их принуждают ехать на «свидание» в Баоту — пункт на пути расположения красных войск.

Совесть партизан может быть спокойна. Атаман Анненков не перешел к красным — над ним совершено насилие. Это обычный прием советской власти: как всегда в таких случаях, красные заставили его писать то, чему он сам, конечно, не верит. Здесь были какие-то трагически исключительные обстоятельства, остающиеся для нас пока тайной. В своих обращениях атаман взывает к чувству долга перед Роди-

ной, любви к ней и т. д. Слишком часто у него повторяется «Родина». Но какая же родина может быть у интернационалистов! Они так много поработали над тем, чтобы вытравить понятие о родине, чтобы атаман, будучи умным человеком, не понимал, какую цену мы придадим его словам о родине при существовании советской власти.

Дальше Анненков пишет, что сов[етская] власть «проводит работу». Где же атаман увидел эту «строительную работу»? В тюрьме Ланчжоу-фу или в монгольском штабе красных! Слышим, атаман, понимаем тебя, но «строительной работе» красных не верим.

Какое же мы должны иметь отношение к «раскасянию» атамана Анненкова! Только одно. От всей души выразим ему наше сочувствие и пожелаем ему поскорее освободиться от нравственных мук, происходящих от роковой, может быть, необходимости подписываться под тем, против чего восстает и возмущается его душа.

Атамана Анненкова нет среди партизан. Но славные традиции, сильный дух и непреклонная воля в борьбе с врагами Родины — большевиками, вдохновленные атаманом Анненковым, останутся, а характер его писем еще больше укрепит партизан в этой воле⁴.

*Генерал-майор юстиции Л. М. ЗАЙКА,
полковник юстиции В. А. БОБРЕНЕВ,
кандидат юридических наук*

⁴ Обращение Анненкова во ВЦИК СССР написано 5 апреля 1926 г. в то время как, по утверждению самого автора статьи (подписался «Партизан»), атаман 17 апреля был еще в Китае и о «чехистском» насилии над ним не могло идти и речи.

(Продолжение следует)

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Не публиковать

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ О ВОЕННОЙ КООПЕРАЦИИ 1892

В целях предоставления Красной Армии возможности в полной мере использовать свои силы и средства в области хозяйственной жизни страны и обеспечить ей участие в общем кооперативном строительстве Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Распространить на Красную Армию действие декрета Совета Народных Комиссаров «О кооперации» от 7 апреля 1921 г., допуская кооперативные объединения красноармейцев и военнослужащих в пределах единых потребительских обществ.

2. Общее руководство деятельностью военных кооперативов, контроль и инструктирование их возлагается на особые военно-кооперативные отделы Центросоюза и

Губсоюзов, положение и инструкции о деятельности коих выработать Центросоюзу по соглашению с РВСР в недельный срок.

3. Имущество, находящееся в ведении и распоряжении военного ведомства и могущее быть использовано в целях товарообмена, определяется Высшим Военным Командованием и отпускается через Комиссию Исполнования в распоряжение военной кооперации.

Председатель Совета
Народных Комиссаров В. Ульянов

(Ленин)

Заместитель Управляющего Делами
Совета Народных Комиссаров

В. Смольянинов

Сенретарь Совета
Народных Комиссаров Л. Фотиева

Москва, Кремль
02 сентября [19] 21 г.

ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, ед. хр. 32, л. 15.

ЛИЦЕДЕИ

Поводом для настоящей публикации послужили многочисленные письма наших читателей, которые просят рассказать о событиях пятнадцатилетней давности, происшедших на большом противолодочном корабле (БПК) «Сторожевой».

Полковник в отставке В. Кошелев, к примеру, пишет: «Почему с нашей страной еще считаются? Пожалуй, одна из немногих, но главных причин та, что у нас есть пока такие Вооруженные Силы, игнорировать которые никто не решается.

Поэтому заветной мечтой наших недругов... является стремление лишить наше ослабленное в последнее время в политическом и экономическом отношении государство этой его реальной опоры.

Пособников в этом неблагоприятном деле они находят и в нашей стране, в чем убеждаешься, прочитав статью Н. Черкашина «Последний парад» («Комсомольская правда»,

1 марта сего года). До какого ндейного и нравственного распада надо дойти,

чтобы прославлять со страниц газеты, имеющей десятки миллионов читателей, изменника Родины...»

Ну а есть и такие читатели, в письмах которых проявляется обычный интерес к этому непростому событию. «Очень хочется на страницах вашего журнала, — пишет А. Гурин, — увидеть материал

о капитане третьего ранга Валерии Михайловиче Саблине, о большом противолодочном корабле дважды Краснознаменного Балтийского флота «Сторожевой»... и о событиях, происшедших на борту этого корабля в ноябре 1975 г.»

Надеемся, что с помощью опубликованной ниже статьи многие сумеют развеять сомнения, поселившиеся в их душах после чтения других публикаций, выяснить, где истина, а где фальшь. Не исключено, что у иных появятся новые вопросы. Так или иначе, но представленные материалы — это правда без прикрас и преувеличений, которыми изобилует публикация в «Комсомольской правде».

Вот УЖ никогда не думал, что настанет такое время, когда преступление будет выдаваться за подвиг, а преступник за патриота-революционера. И где? На героическом флоте, давшем нашей истории целую плеяду стойких борцов за Советскую власть. И кем?! Главной газетой комсомола, в течение многих лет являвшегося бесменным шефом Советского Военно-Морского Флота, настойчиво опекавшего флот, ревностно оберегавшего и горячо пропагандировавшего флотские традиции. Так что же случилось? Где былая верность комсомола? Где честность и патриотизм «Комсомольской правды»? Ведь, откровенно говоря, публикация, подобная черкашинской, с такой вот сомнительной подачей материала, не первая на страницах этой газеты.

Но будем говорить именно об очерке Николая Черкашина «Последний парад» в «Комсомольской правде» (1990.— 1 марта), а точнее, о событии, описываемом в нем. Вообще-то слово «парад» довольно уместно в жизнеописании черкашинского героя. Саблин все время стремился к парадности, показухе, то и дело лицемерил, лицедействовал. Разоблачая в своих «революционных воззваниях» очковительство советской бюрократии, сам занимался укрывательством уставных проступков и правонарушений на корабле, покровительствовал разрушителям, завышал оценки на политзанятиях, к которым, как и к обязанностям политработника, относился более чем прохладно и формально, подтасовывал другие результаты соревнования и учебы личного состава. Цель — вверенный ему корабль должен быть «отличным», «лучшим», «показательным». Неважно, что хвалебные рапорты о достижениях находятся в резком противоречии с реальным положением дел. И после всего этого — разоблачать «застойные порядки»?.. Он стремился к всесоюзной популярности и славе. Его программа, которую он вынашивал тайно долгие годы, заключалась в создании новой партии, формировании нового правительства, создании нового «коммунистического» общества. Вообще-

то в нынешние времена на многочисленных митингах можно услышать куда более «крамольные» проекты и фразы. Но дело не в планах и программах. Дело в том, каким способом они навязывались другим, с помощью каких средств осуществлялись. Саблин это решил сделать с позиции силы.

Анализируя поступки этого человека, удивляешься той главной цели, которую он поставил перед собой: ему во что бы то ни стало хотелось выступить по Центральному телевидению и изложить свои убеждения. С годами это желание настолько овладело им, что он подобно герою рассказа Стефана Цвейга «Амок» готов был, кажется, пожертвовать репутациями и жизнями отца, матери, двух братьев, жены и сына, целого экипажа. Он был одержим этой идеей, и получилось в итоге так, что одержимость породила бездумную решительность, болезненную настойчивость, преступную агрессивность. Саблин стал на путь экстремизма и разбоя.

Все это сегодня преподносится в ином свете со страниц газет, журналов, в передачах Центрального телевидения. Снова сошлюсь на очерк Николая Черкашина в «Комсомольской правде», а также публикации Андрея Майданова в трех номерах (начиная с 7 марта нынешнего года) в газете «Советская молодежь», выходящей в Риге. В последней помещены «откровения» В. М. Бородая, служившего мичманом на БПК «Сторожевой» в описываемое время. **«Следователи в КГБ были в штатском... — говорил он корреспонденту. — Ответы их не интересовали. Как и свои же вопросы... Они хотели выбить из нас любой материал. Но только против Саблина и только обливающий его грязью, только компрометирующий, только очерняющий. Любой ценой. И выбивали... А то и просто писали за нас показания сами...»** Цель же, по словам Бородая, у следователей была одна: доказать, что «142 дурачков-губошлепов подбил на измену враг народа прямо из пеленок Валерий Саблин».

Хитрит, мягко говоря, бывший мичман. Видимо, в расчете на то,

что материалы следствия и суда не будут переданы широкой огласке, он замалчивает собственные показания в ходе следствия. Если бы последнее действительно укладывалось в ту примитивную схему, которую описывает Бородай разбитному газетчику, то во всех показаниях обвиняемых и свидетелей она бы четко просматривалась. Вот, дескать, мерзавец Саблин подбил меня, второго, десятого, сотого, но никто из нас не виноват — ни я, ни второй, ни десятый, ни сотый. Единственный виновник и изменник — Саблин.

Но многочисленные показания совершенно иные. Взять хотя бы протоколы допросов того же Бородая. Кстати, Саблин отозвался о нем как о неустойчивом и ненадежном человеке, который во время событий «вилял», поддерживая то одну, то другую сторону. Наиболее показательный материал в сорокatomном уголовном деле, позволяющий оценить поведение Бородая, — это его заявление следствию, написанное им на 21 стандартном листе убористым почерком. Наряду с глубоким раскаянием, чистосердечными признаниями, клятвенными заверениями и обещаниями **«никогда и низачто впредь»** (сохранена орфография подлинника. — Ред.) и т. д. и т. п. в нем даны подробные характеристики если не на всех «142 дурачков-губошлепов», то на многих из них. Причем изобличается в недостойных поступках не только «злодей Саблин», но почти каждый, кто упоминается в этом заявлении.

Приведу короткую выдержку из этого документа. Ругая себя за то, что по молодости и неопытности поддался на агитацию Саблина и вначале поддержал его, Бородай вместе с тем очень сожалеет о том, что, поняв свою ошибку **«буквально через час»** после содеянного, «сделать ничего не мог, ибо не находил поддержки от оставшихся мичманов и офицеров». Выходит — все заговорщики, кроме него, Бородая. Тогда при чем здесь следователь и придуманная версия об «одном разбойнике и 142 дурачках»?

И все же, чтобы не дать лишнего повода (повторюсь) для сомнений недоверчивым читателям, перейду к изложению материалов суда. Ведь

на судебных заседаниях следовательно не могли «выбивать» показания, «писать» их за подсудимых и свидетелей. Те же, кто считал свои сообщения, записанные в протоколах допросов в ходе следствия, сфальсифицированными, могли отказаться от них. Правда, для более объективного изложения сути дела и выяснения отдельных противоречивых сведений буду возвращаться к неискреннему интервью Бородаю корреспонденту «Советской молодежи» и его следственным показаниям.

Закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР, на котором слушалось дело Валерия Михайловича Саблина и его ближайшего подручного Александра Николаевича Шеина, открылось в Москве 6 июля 1976 года.

Первым заслушивался подсудимый Шени. О себе он говорил так:

«Я, Шени Александр Николаевич, родился 7 марта 1955 года в городе Рубцовске Алтайского края... с октября 1973 года до ареста проходил военную службу на большом противолодочном корабле «Сторожевой» в должности и звании матроса. В 1973 году до призыва в Советскую Армию был осужден за хищение государственного и общественного имущества к 1 году исправительных работ»¹.

По существу дела Шеина, который вопреки штатному корабельному списку «внештатно» всецело подчинялся Саблину, считаясь, опять же «внештатно», корабельным художником и руководителем ансамбля, показал следующее:

«5 ноября 1975 года Саблин вызвал меня в каюту... усадил меня на диван и заявил, что разговор будет серьезным. Он стал рассказывать

свою биографию²... В разговоре он уделял много внимания недостаткам, имеющимся в нашей стране...

Я спросил Саблина, как он собирается ликвидировать существующие недостатки в стране. Он ответил, что хочет вывести корабль за пределы государственной границы СССР и в нейтральных водах дать телеграмму Главному ВМФ и предъявить определенные требования. Затем, когда их выполнят, выступить по радио и телевидению с призывом создать новую партию и общественный порядок. Я не спросил Саблина, а он не сказал, какую он партию хочет создать. Я считал, что, кроме КПСС, не должно быть другой партии. Затем Саблин заявил, что ему нужна моя помощь³. Я сказал, что надо мне подумать. Вышел на ют. Я очень сожалею, что не зашел к командиру корабля и не рассказал ему о тех высказываниях и предложениях Саблина. Если бы я это сделал, то никто бы не пострадал...»

Да, по словам Шеина и Саблина, первый не сразу согласился на неожиданное предложение последнего. Более того, у матроса возникло даже подозрение: не шпион ли их замполит. Собравшись с духом, он возвратился в каюту и спросил об

² Пропагандировать свою биографию, точнее автобиографию, — это еще одна болезненная страсть Саблина. Текст ее составил он более чем за полгода до захвата корабля, который запланировал тоже загодя, размножил в нескольких экземплярах на магнитной пленке. Выступления как перед офицерами и мичманами, так и перед старшинами и матросами тоже начинал с автобиографии. Прокручивал ее запись по корабельной трансляции. Видимо, считал, что будущего лидера новой партии и главу государства народ должен хорошо знать.

³ Единственный из всех членов корабельного экипажа, кому Саблин решил довериться за несколько дней до преступной акции, был Шени. Но эти доверительные отношения сложились значительно раньше. Что сыграло здесь роль, то ли не совсем честное прошлое матроса, то ли его незаинтересованный строптивый нрав, трудно сказать. Как бы там ни было, но Саблин стал приближаться к себе Шеина с первых месяцев службы того на корабле. Несмотря на многочисленные жалобы на проступки Шеина, поступавшие от некоторых офицеров и мичманов, Саблин всячески поддерживал его. По ходатайству Саблина этот матрос сумел дважды побывать в отпуске, хотя имел дисциплинарные взыскания.

¹ Шени в 1973 г. осужден условно, а перед призывом на флот судимость с него была снята. И все же это не дает основания Бородаю обвинять следствие в фальсификации прошлого Шеина. В своем интервью специальному корреспонденту «Советской молодежи» Майданову он очень уж возмущался по этому поводу, считая сенсационным утверждение, что «старший матрос Александр Шени был ранее судим». Никакой сенсации, как видим, нет. Скорее «сенсационно» то, что Бородай (а может, Майданов) «повысил» матроса Шеина в звании.

этом напрямик. Саблин сумел развеять подозрения Шеина, убедить того, что он честный человек и вынужденно идет на крайние решительные меры, руководствуясь любовью к народу, верностью ленинским идеалам, заботой о будущем страны. Его якобы толкают на это внутренние неурядицы в стране. Шеин согласился поддержать Саблина, поскольку ему многое тоже было не по душе: то, что молодежь выпивает, что старшие живут неинтересно и нечестно⁴...

«Саблин сказал мне, — продолжал свою исповедь на суде Шеин, — что он намечает взять власть на корабле 8 ноября, вечером, и что командир будет изолирован для его же пользы.

После ужина в ленкаюту зашел мой друг матрос Буров. Я решил его посвятить в планы Саблина. Я от Букова ничего не скрывал и рассказывал ему о намерениях Саблина. Я хотел узнать, как Буров отнесется к программе Саблина. Буров выслу-

⁴ О том, что Шеин линеймерил не только перед «революционно настроенным» замполитом, но и перед самим собой, убеждают его предыдущие показания. На допросе 11 декабря 1975 г. он рассказал некоторые эпизоды из своей «предфлотской» жизни. В начале 1970 г. отца Шеина, Николая Алексеевича, инженера Алтайского тракторного завода, назначили начальником управления труда и зарплаты Волжского автомобильного завода (ВАЗ), и вся семья (кроме Александра были еще сестра и мать) в феврале того же года переехала в Тольятти. Год спустя Александр, ученик девятого класса, бросает школу и поступает на ВАЗ сборщиком. Осенью 1971 г. «устраивается» в вечернюю школу рабочей молодежи. «Устраивается», видимо, не без помощи отца, потому что идет не в девятый класс, который в свое время не закончил, а сразу в десятый. К воровству его «пристранил» знакомый, попросивший вынести с завода для личных «Жигулей» несколько поршневых колец и приводных ремней. В еще большую авантюру «втянул» Шеина Юрий Филиппченко, занимавшийся систематическим воровством и предложивший Александру вынести за территорию завода амортизаторы. «Я вынес с завода, — открывничал Шеин, — 5 или 6 амортизаторов». Вскоре Филиппченко попался и выдал своих сообщников, в том числе Шеина. Филиппченко осудили на 3 года, Чупрунова — на два. Ну а Шеина — на год, да и то условно. Для него почему-то сделали исключение. Как и позже, после задержания и привода в милицию за пьяную групповую драку. На службу он пришел, это уже упоминалось, без судимости, но того, что было, не скрывал, в том числе и от Саблина.

шал мой рассказ и заявил: «Люблю такие заварухи». Я Бурову сказал, что сам не знаю, прав ли Саблин, не является ли он шпионом. Тогда Буров испугался и сказал, что он пока подождет принимать свое решение до выявления реакции других членов экипажа корабля. Если другие поддержат Саблина, то и он это сделает».

В тот же вечер Шеин прослушал автобиографию и будущее выступление Саблина перед офицерами и мичманами, записанное на магнитной пленке. У него снова возникли сомнения. Он собрался поделиться ими с комсоргом боевой части-3 членом КПСС Авериним. Но прежде решил заинтриговать его, спросив, как тот смотрит на то, чтобы «поработать на органы Комитета государственной безопасности». Аверина это заинтересовало, и он ответил, что согласился бы «поработать». Вместе с тем довольно терпимо и даже с пониманием отнесся к тому, что возможна попытка «одного из офицеров захватить и угнать корабль». На это он ответил, что не стал бы «закладывать» этого офицера. Тогда Шеин более подробно изложил план и программу Саблина, и Аверин согласился поддержать их. Матросу Саливончику Шеин сообщил лишь то, что 8 ноября на корабле произойдут крупные события, и посоветовал держаться около него, Шеина. Потом был разговор с Манько и Лапенко. Причем последний безапелляционно заявил, что такие, как Саблин, просто ненужные люди. Правда, тут же смутился и даже как будто испугался. Шеин успокоил его, сказав, что этот разговор останется между ними.

«8 ноября 1975 года ко мне в каюту, — показывал Шеин, имея в виду ленинскую каюту, где считался «хозяином», — пришли Буров и Манько. Манько сказал, что он не будет поддерживать программу Саблина. Я с ним поссорился, стал доказывать, что программа Саблина правильная...»

Затем Шеин зашел к Саблину и сообщил, что посвятил в его планы четырех матросов. Саблин огорчился и упрекнул Шеина в том, что тот не выполнил его указание держать все до поры до времени в тайне. В

ответ на это Шеин уже на правах сообщника «Саблину пояснил, что пускай будет ударная группа».

Саблин дает Шеину одно из самых ответственных на том этапе поручений — подготовить для предстоящей изоляции командира корабля, а также офицеров и мичманов, которые не согласятся с намечаемой преступной программой, помещения. Об этом Шеин так рассказывал: «В связи с тем, что 1-й—3-й, а также 4-й—6-й посты были соединены между собой и другими постами связью, Саблин приказал мне в первую очередь отсоединить трубки от телефонных аппаратов всех шести постов РТС⁵, чтобы изолированные лица в названных помещениях не имели возможности связаться по телефону с кем-либо на корабле».

Вскоре Шеин доложил Саблину по телефону о выполнении задания. После ужина явился к нему на очередное совещание. Саблин вручил ему пистолет без патронов. Поначалу Шеин растерялся, а затем спрятал оружие под рубашу. Между тем Саблин объяснил, что вскоре состоится встреча с офицерами и мичманами в мичманской кают-компании, где будет провозглашена «революционная коммунистическая программа». И как же намеревался новый «вождь», борец за «новую демократию» приобщить к своей программе будущих единомышленников? Очень просто — если не поможет слово, окажет содействие «товарищ маузер».

«Саблин попросил меня,— комментировал на суде этот эпизод Шеин,— во время его выступления перед офицерами и мичманами находиться в киноаппаратной мичманской кают-компании с тем, чтобы наблюдать за присутствующими на собрании и пресечь при необходимости их попытки оказать ему какое-либо противодействие, а также во время проводимых Саблиным мероприятий на корабле охранять командира корабля и не допускать освобождения его из второго поста РТС»⁶.

⁵ Боевые посты радиотехнической службы.

⁶ В материалах дела имеется протокол допроса Шеина от 10 ноября 1975 г. Во-

Дальше события разворачивались следующим образом. Примерно в 19 ч 30 мин 8 ноября 1975 года по корабельной трансляции объявили о начале просмотра кинофильма для личного состава в столовой команды. Вслед за этим прозвучало приглашение офицерам и мичманам собраться в мичманской кают-компании. Для Шеина это был условный сигнал для активных действий.

«Я надел бушлат и, переложив пистолет в карман бушлата,— продолжал свои показания на суде Шеин,— вышел из ленкаюты и направился на бак (посовая часть палубы корабля.— Ред.). Проходя мимо люка 3-го поста, ведущего во 2-й пост, где был изолирован Потульный⁷, я увидел, что указанный люк закрыт на навесной замок⁸. Встретив на баке матроса Уткина, попросил его сходить за Авериним, чтобы он помог мне охранять командира корабля Потульного, так как я должен был во время собрания офицеров и мичманов находиться в киноаппаратной мичманской кают-компании и наблюдать за происходящим. Аверин пришел, и я его попросил во время моего отсутствия наблюдать за тем, чтобы никто не предпринял попыток освободить Потульного».

преки утверждению Бородаев, по словам которого на следствии «выбивались» сведения, порочащие только Саблина, в этом протоколе содержится запись несколько иных шеинских показаний, облагораживающих Саблина. «Вечером 8 ноября 1975 г.,— говорил Шеин,— примерно в 18.00—19.00 часов (так в оригинале.— Ред.) заместитель командира по политчасти капитан 3 ранга Саблин сказал мне, что он созывает в кают-компании собрание офицеров, и пригласил меня послушать, о чем будет разговор на этом собрании. Он сказал, чтобы я послушал и сам решил, кто прав и к кому я хочу присоединиться. При этом он дал мне пистолет без патронов и заявил, что если найду, что он (Саблин) не прав, то могу его арестовать». Если верить Бородаеву, то таких показаний не должно быть вообще или они должны были бы быть тут же подправлены или даже переписаны следователем.

⁷ Командир корабля.

⁸ Вот что об этом показал Саблин на допросе 12 ноября 1975 г.: «...для того чтобы иметь возможность закрыть помещения, где будут изолированы командир и те лица, которые выступают против меня, я купил в городе Калининграде шесть навесных замков и хранил их у себя в каюте». Это он сделал более чем за месяц до «мятежа».

Аверин заступил на «революционный» пост охранять попавшего обманным путем в ловушку командира⁹, а Шени направился на «наблюдательный пункт» в киноаппаратной мичманской кают-компании. Приоткрыв задвижку на одном из двух окошек, выходящих в каюту,

⁹ Как же угодил командир под замок? Черкашин, занявшись измышлениями и преувеличивая хитроумие Саблина, выдает подлость за революционную решительность и предприимчивость и описывает это так: в каюту командира корабля вбежал бледный, взволнованный замполит (это же надо, какое мастерство перевоплощения — даже побледнеть себя заставить!) и сообщил, что случилось ЧП. Командир впереди замполита бросился к месту происшествия. Когда спустился вниз, Саблин захлопнул за ним люк... Надуманность деталей рассказа об изоляции капитана 2 ранга Потульного, если ознакомиться с показаниями последнего на суде, очевидна. Поэтому Бородай вроде бы и прав, называя в интервью газете «Советская молодежь» выдумкой «иезуитскую ловушку», якобы подстроенную Саблиным «для наивно-легковерного командира». Что ж, на первый взгляд никакой ловушки не было. Все получилось как будто намного прозаичнее и проще, чем у Черкашина. По крайней мере сам Потульный на заседании суда показал следующее: «Утром 8 ноября 1975 года Саблин мне предложил погулять по городу, но я отказался. В 19 часов я находился в своей каюте, зашел Саблин и предложил мне пройти во 2-й пост РТС. Это на 2-й платформе, в носу корабля. Я подумал, что, возможно, там пьянствуют матросы (это случалось не однажды. — Авт.), и решил пойти. Я шел впереди, Саблин за мной. Тогда Саблин сказал спуститься дальше, и я через 2-й люк спустился в помещение 2-го поста, а Саблин остался наверху. Затем Саблин закрыл люк на замок и сказал: «Посиди, подумай, там есть 3 книжки...» Это был низкий и бесчестный поступок (даже без черкашинской выдумки), начиная с заранее купленных в посудно-хозяйственном магазине замков, отключения связи, унижительно-оскорбительной заботе о командирском быте (книжки, постельное белье) и кончая вызывающе-издевательским выставлением часового у боевого поста, где находился под арестом и навесным амбарным замком командир корабля. Это было преступление. Это была чрезвычайно острая предносылка взрывного неповиновения старшинам, мичманам и офицерам некоторых экстремистски настроенных матросов, предносылка вражды, раскола и драк на корабле. Понимая это, Черкашин делает фарисейскую оговорку в стиле своего героя: мол, «это не был захват корабля в духе пиратских романов...». Но в том-то и дело, что был! Прменялась не только саблинская хитрость. Звучали угрозы, использовалось оружие, пролилась кровь

стал наблюдать за происходящим¹⁰.

Когда все расселись, Саблин, по словам Шени, стал им рассказывать свою автобиографию. Основное внимание он уделял неравенству, которое сложилось в обществе и которое он, сын привилегированных родителей, мог наблюдать с раннего детства и безприветвенно пользоваться этими привилегиями, все время мучаясь от того, что не мог от них отказаться. «Постепенно развивая мысль, он остановился на наших недостатках, — говорил Шени. — По его утверждению, люди в нашей стране утратили всякие идеалы, пропала у них и вера в партию, так как среди коммунистов появилось много приспособленцев, ловкачей, бюрократов, которые ставят свои интересы, свое личное благополучие выше интересов народа...»

Здесь уместно рассказать немного о самом Саблине устами его подчиненных, чтобы читатель мог увидеть разительный контраст между его красивыми словами и лицемерными «бюрократическими» поступками, чтобы стала явственнее видна фальшь черкашинского розово-героического очерка и бородаевского хвалебно-лицемерного интервью.

На одном из допросов в январе 1976 года бывший старшина электротехнической команды БПК «Сторожевой» мичман Анатолий Тимофеевич Хомяков привел такой пример. В конце ноября 1973 года Хомяков вместе с мичманом Жеруновым входил в состав так называемой «сходной смены» и согласно Корабельному уставу оба отдыхали. Несмотря на это, ночью их подняли и повели нести вахту у трапа. Отстояв положенное время и сменившись с вахты, Хомяков с Жеруновым обратились за разъяснением и

¹⁰ Отвечая на вопрос председательствующего на суде, Шени уточнил свою роль, отдаваемую ему Саблиным. «Когда я зашел к Саблину, — показал подсудимый, — он достал из шкафа пистолет и передал его мне. При этом он пояснил, что когда он будет выступать в мичманской кают-компании перед офицерами и мичманами, то через окошечко киноаппаратной я должен наблюдать за присутствующими и в случае нападения на Саблина кого-либо из находящихся в кают-компании пригрозить пистолетом».

заступничеством к заместителю командира корабля по политчасти. Но тот возмутился их «дерзостью». **«Вы еще молоды, чтобы рассуждать, — оборвал он их. — Раз вас поставили, значит, стойте».** Но на этом «воспитательные меры» не закончились. На собрании мичманов, стараясь настроить против Хомякова и Жерунова остальных и таким образом раз и навсегда отучить их от «поиска справедливости», Саблин заявил, что вот, дескать, объявились тут у нас молодые, да ранние, которые, не успев прийти на корабль, уже диктуют свои условия, говорят о каких-то правах и законах, предъявляют претензии и требования. **«Публично обвинил нас в том, — сетовал старшина команды, — что мы не хотим служить. От этого у меня о Саблине сложилось впечатление как о несправедливом человеке, и я старался как можно меньше сталкиваться с ним по службе».**

Когда анализируешь приводимые в ходе следствия и на суде факты о внедрявшихся на кораблях порядках, то несвольно напрашивается мысль, что командир корабля делал это в силу своего грубого характера, а его заместитель по политчасти — с определенной целью, то есть провоцировал нездоровые отношения между людьми, накапливал их недовольство, постепенно накалял обстановку. Так, экипажу был известен случай, когда Саблин противопоставил офицеров мичманам. Произошло это летом 1974 года, когда мичманы пригласили на свое собрание командира и замполита, чтобы обсудить вопрос об улучшении питания. Командир проигнорировал это приглашение, а Саблин принял его. Но когда услышал сетования, что офицеры питаются значительно лучше, чем мичманы, не говоря уж о матросах, то резко оборвал говоривших. Затем с высокомерием заявил, что офицерам служить не менее 25 лет, а поэтому их здоровье необходимо неукоснительно беречь, матросы же и мичманы «отслужат свое и разбегутся». В экипаже эта «демократическая речь» Саблина вызвала немало кривотолков, точно

так же, как и его поучение тому же Хомякову, одернувшему своего коллегу, обзывавшего грубыми словами матроса Сахневича, дескать, «мичман должен быть всегда прав, а матрос виноватым».

Но, пожалуй, самый большой резонанс вызвала позиция командира и особенно его заместителя по политчасти при разбирательстве издевательствах одних матросов над другими. Случилось это за рубежом, во время дружественного визита на Кубу, в гаванском порту. Тогда Зарецкий и Горшков избили Сахневича и Чертова. На комсомольском собрании в боевой части-5, где рассматривалось это происшествие, было принято решение исключить Зарецкого и Горшкова из членов ВЛКСМ. Командир корабля капитан 2 ранга Потульный, присутствовавший на собрании, наставлял на том, чтобы этого не делать. Объяснял свою позицию тем, что выписка из решения собрания пойдет в политотдел и там узнают о ЧП. Тогда кораблю не видать звания «отличный». Потульного горячо поддерживал Саблин.

А вот что говорил по этому поводу сам черкашинский герой. Так, на допросе 1 марта 1976 года, рассказывая об обстановке на корабле, он признался: **«...как я считаю, партийно-политическая и индивидуально-воспитательная работа на БПК «Сторожевой» была примерно на одном уровне с другими кораблями соединения. Вместе с тем я думаю, что она была организована не лучшим образом и страдала многими недостатками, в том числе формализмом, очковитирательством и начетничеством».** Саблин привел пример: когда в сентябре 1975 года он анализировал оценки, выставленные слушателям групп политзанятий в ходе итоговой проверки, то ясно видел, что многие оценки завышены. Но это его устраивало, как и проверяющих, которые, по словам Саблина, «не желая портить нам общую картину, соглашались с этими оценками».

Генерал-майор юстиции А. Е. БОРИСКИН

(Окончание следует)

Видимо, мало найдется в стране людей, кто бы не знал, что В. Коротич — главный редактор того самого журнала «Огонек», который давно уже ведет не вполне честную кампанию против Вооруженных Сил СССР. Тенденциозный поток специально подобранных и соответственно выстроенных материалов буквально захлестывает страницы журнала. Этому потоку не в состоянии, как показывает опыт, воспротивиться ни Комитет по вопросам гласности, прав и обращений граждан, ни его учредитель — Верховный Совет СССР. Очернительство Советской Армии продолжается.

Встает законный вопрос: названные методы — случайный эпизод в деятельности Виталия Алексеевича или обычная практика? Определенный ответ дает его история взаимоотношений с журналом «Политическое самообразование». В 1982 году во 2-м номере этого издания помещена статья В. Коротича «Вместе с партией, вместе с народом». Она представляла собой рецензию на книгу Л. И. Брежнева «Воспоминания» и была выполнена в духе и традициях застойных времен и аппаратных игр. Виталий Алексеевич благополучно получил за нее гонорар. Однако спустя шесть с лишним лет он вдруг заявил, что не писал данного произведения, что его честным именем воспользовались неизвестные и недобросовестные сочинители. В № 18 за 1988 год журнал «Политическое образование» (к тому времени он был переименован) дал опровержение, что вызвало ряд ответных заявлений В. Коротича. В течение этого времени нам пишут и звонят читатели. Они хотят знать подлинную правду. Ведь речь идет, подчеркивают одни, о чести и достоинстве известного писателя, поэта, журналиста. Другие же возмущены шельмованием редакционного коллектива партийного журнала. В связи с этим обе стороны сирасивают, нельзя ли опубликовать подлинный, отредактированный текст статьи — не мог же он исчезнуть бесследно? Чтобы прояснить этот вопрос, мы обратились к бывшему заместителю главного редактора «Политического образования» В. Бударину. Он любезно согласился предоставить в наше распоряжение ксерокопию подлинника и рассказать об истории, связанной с публикацией статьи в журнале.

Виктор БУДАРИН

Кому доверили рычаги...

ЧИТАТЕЛИ, интересующиеся политической литературой, знают, что вплоть до конца 1989 года в нашей стране выходил журнал «Политическое образование». До сентября 1987 года он именовался «Политическое самообразование».

Я отдал журналу без малого 28 лет жизни. Последние десять был одним из заместителей главного редактора. Убежден, что в работе коллектива имелись свои удачи. Но были и поучительные ошибки. Один же эпизод нашей жизни заслуживает, на мой взгляд, того, чтобы о нем рассказать.

Шел 1981 год. Кризис застоя на-

зрел и перезрел. Однако застойная накипь пенилась с неумолимой силой. Средства массовой информации наперебой печатали хвалебные рецензии на «Малую землю», «Целину», «Возрождение». И вот новый опус: «Воспоминания». А высокое начальство зорко следит за реакцией прессы. Главный редактор А. С. Вишняков и его заместитель П. В. Свечников буквально взмылены. В одном из первых номеров 1982 года нужна рецензия. Уже обзвонили свыше двух десятков писателей. Все отвечают вежливым отказом: болен, очень занят, много срочных дел, уезжает в командировку, не

позволяют семейные обстоятельства и т. д. и т. п.

Виталий Алексеевич Коротич — согласился. Мало того, он взялся за дело стремительно и вдохновенно, вложив в рецензию весь пыл верноподданических чувств, имевшихся в его запасе. Подхалимская каша была заварена столь круто, что даже выдавший виды главный редактор поначалу оторонел. Однако, придя в себя, распорядился поубавить раболепия, а слишком ластивые фразы и обороты заменить благопристойными формулировками из официальных документов, посвященных личности генсека. Что и было сделано.

Все это вызвало бурю гнева и возмущения со стороны В. Коротича. На что же обиделся автор? А на то, что красоты славословия стали более умеренными, что литавры восхвалений зазвучали глуше, что его благолепное красноречие утратило свою ластивую образность.

Но со временем между автором и редакцией было достигнуто взаимопонимание. В январе 1982 года при встрече П. Свечникова и В. Коротича в Киеве последний дал согласие на публикацию своего материала в подготовленном редакцией виде.

Как известно, рецензия В. Коротича на главы «Жизнь по заводскому гудку» и «Чувство Родины» из брежневских «Воспоминаний» была опубликована в № 2 «Политического самообразования» за 1982 год. По согласованию с автором она была названа «Вместе с партией, вместе с народом». За время работы в печати мне доводилось много раз выпускать как хорошие, так и дрянные материалы. Но ни один из них сегодня не вызывает во мне такого чувства стыда и раскаяния, как этот. По-моему, это самая мерзкая публикация за всю историю журнала. И ее подготовили и вывели на орбиту две равноправные юридические стороны, несущие обоюдную ответственность: автор и редакция. Лично себя, как заместителя главного редактора, я также считаю виновным в том, что рецензия увидела свет, хотя непосредственного отношения к ее подготовке не имел.

Правда, в те времена рецензия осталась абсолютно незамеченной читателями. И вдруг после интервью Анатолия Софронова корреспонденту «Журналиста» этот гнилой плод псевдотворческого порыва В. Коротича привлек всеобщее внимание. Тем, кто не знаком с содержанием интервью либо позабыл его, напомню, что среди других проблем А. Софронов отметил, что всепоучающий и всеклеящий В. Коротич ничуть не краше тех, чьи труды времен застоя он поносит. Последнему предстояло сделать непростой нравственный выбор: признать правоту этой мысли либо отвергнуть ее. И Виталий Алексеевич такой выбор сделал. Он выступил с репликой в № 44 «Огонька» за 1988 год. Привожу ее дословно:

«В указанном интервью упомяну- та подписанная моим именем заметка в журнале «Политическое самообразование» за 1982 год, в которой преувеличена роль книг Л. И. Брежнева. Ничего не имея в пору опубликования мемуаров бывшего главы советской державы против самих мемуаров, я тем не менее не писал ерунды, опубликованной в указанном журнале под моим именем. Тогда же я дал телеграмму в редакцию о невозможности признать статью своею. Очевидно, мы имеем дело с фактом, когда сами воспоминания мог сочинить необязательно тот, чье имя стояло на обложке, а рецензию — необязательно тот, кем ее подписали. В политической истерике, разбушевавшейся в пору издания «книг века», в потоке творческих конференций и специальных номеров газет и журналов воспользовались моим именем, что весьма прискорбно. Утешает меня лишь то, что мне впервые напомнили об этой заметке лишь теперь, а также факт, что сочинение неведомого специалиста не может повредить никому, кроме меня».

Когда в редакции мои коллеги ознакомились с этой «репликой», а точнее с типичным политическим доносом, недоумению не было предела. Все задавали друг другу одни и те же вопросы: неужели такую чудовищную клевету мог написать и опубликовать советский писатель,

поэт, известный журналист? Неужели в период перестройки ложь остается таким же действенным оружием, что и во времена сталинщины и брежневщины? Не скрою, мы были столь наивны, что в первый момент подумали, что «реплика» появилась без ведома того, «кем ее подписали».

Лично я сомневался в реальности случившегося вплоть до 2 ноября 1988 года. В этот день в актовом зале Гагаринского райкома КПСС состоялась встреча партактива с журналистами. Были там и мы с Коротичем. Я выступил против содержания «реплики». В ответ Рита-лий Алексеевич в урезанном виде повторил свои инсинуации, обойдя молчанием мои доводы, в частности упоминание о полученном за статью гонораре. Не откликнулся он и на мое предложение проявить гражданское мужество и написать правду о том, как в действительности обстоит дело.

Все это вынудило наш журнал поместить в № 18 за 1988 год ответный материал. Для тех, кто с ним знаком, повторяться не стоит. Ну а кто заинтересуется, может прочитать его теперь. Скажу только, что сильной стороной данной публикации была ее документированность (хотя и неполная). В то же время задача была решена сухо, неинтересно, я бы сказал, по-казенному, что снижало ее воздействие на читателя.

Ответная реакция «Огонька» нас уже не удивила. Виталий Алексеевич «категорически» утверждал, что редакция «Политического самообразования» не имела права печатать рецензию, «подписанную его именем», «но искаженную верноподданными¹ редакционными дописками» (см.: «Огонек». — 1989. — № 2. — С. 4). Спустя три-четыре месяца В. Коротич выступает в журнале «Дружба народов», где вновь заявляет, что «статью переписали публикаторы» (Дружба народов. — 1989. — № 5. — С. 193).

¹ Видимо, автор хотел сказать «верно-подданныческими дописками» поскольку слово «верноподданный» принято употреблять (писателями и поэтами в том числе) только по отношению к людям. — В. В.

Заметим, что в течение всего 1989 года журнал «Политобразование» ни разу не затрагивал эту тему, более того, сознательно избегал ее. Чтобы оттенить различие в наших позициях, я приведу одно весьма поучительное высказывание: «О попытках оболгать нас, унижить я уже не говорю — они постыдны...» Как вы думаете, дорогой читатель, кто это сказал? Кто считает, что оболгать и унижить — вещь постыдная? Это заявил все в той же «Дружбе народов» В. Коротич двумя страницами раньше. И тут же он позволяет себе лгать, глумиться и унижать других только лишь потому, что они посмели сказать о нем самую обыкновенную правду.

В архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС сохранился оригинал, присланный в редакцию В. Коротичем. Сличение оригинала с опубликованной статьей показывает их принципиальную идентичность.

Не могу не упомянуть и еще об одном. В свое время в журнал «Политическое образование» поступил из Харькова своеобразный запрос избирателя народному депутату СССР В. Коротичу. Письмо, к сожалению, опоздало: прощальный номер нашего журнала уже был сверстан. Пользуясь случаем, довожу запрос до адресата: «Виталий Алексеевич! В застойные времена Вы с неповторимой страстью лгали народу, воспевая Брежнева и брежневщину в качестве нравственного идеала. Ныне, когда идет революционная перестройка общества, Вы с той же страстью лжете снова, заявляя, что ничего подобного не делали. Какую ложь Вы считаете более гадкой — первую или вторую? Времен застоя или времен перестройки?»

"Воспоминания" чрезвычайно важны для каждого. Надо быть бесспорно сильным, смелым и талантливым человеком, чтобы их написать. Это произведение — на каждый день — оно причастно повседневной идеологической деятельности КПСС. "Главное оружие в этой работе — правда," пишет Л.И.Брежнев. — И об успехах, и о недочетах, мы считаем, необходимо говорить честно. Открытый разговор люди всегда поймут. В.И.Ленин подчеркивал, что сила социализма в сознательности масс. Нет ничего бесплоднее, чем пропаганда без адреса, оторванная от интересов аудитории, от потребностей дня...")

На наших рабочих столах лежит новая, очень злободневная и точная книга Леонида Ильича Брежнева. Адресованная нам с вами, она не случайно вызвала такой интерес во всем мире. Глава наших государства и партии с самого начала вспоминает свой жизненный путь; уроки этого пути поучительны и незаурядны.

Виталий Коротич

ВМЕСТЕ С ПАРТИЕЙ, ВМЕСТЕ С НАРОДОМ*

Виталий КОРОТИЧ

«Воспоминания» Леонида Ильича Брежнева — книга удивительно современная. Впервые изданная в дни, когда вокруг советской страны особенно энергично возбуждали целый океан недружелюбия; когда все те силы, которые до сих пор еще не прощали нам Октябрь, стремились в очередной раз скомпрометировать и унижить завоевания Революции, вышла честная и точно адресованная книга Леонида Ильича Брежнева, сразу же прозвучавшая на весь мир.

Перечитывая и передумывая «Воспоминания», приращивая их к ранее нам знакомой трилогии, ко всей хорошо известной деятельности руководителя партии и страны, неизменно ощущаешь цельность восприятия времени, цельность критериев, по которым выстраивается, оценивается и формируется личность руководителя страны.

С самого начала и всю жизнь ему надо было быть среди лучших: это деловая потребность, а не праздное честолюбие. Надо было учиться лучше всех — чтобы не платить за гимназию; работать лучше других — раз уж ты в двадцать с небольшим лет — один из ведущих землеустроителей на Урале... А стал коммунистом, здесь уж вовсе не оставлено выбора: можно и надо жить лишь таким образом, чтобы служить примером во всем. Наверное, такой нравственный максимализм поучителен для любого. За калейдоскопичностью имен и встреч, примет быстротекущего времени — легко различима осявая, соединяющая поступки. Если вспомнить аксиому о том, что коммунистом не рождаются, а становятся, то главная тема всех автобиографических книг Л. И. Брежнева, с «Воспоминаний» начиная, — рассказ о том, как молодой человек стал коммунистом и — как в борьбе за коммунистическую идею проходит жизнь. Повторяю: жизнь эта очень цельна, потому что логика ее неотделима от логики развития Страны Советов; по той же причине жизнь эта очень уверена и целеустремленна. История семьи сращена с историей Революции в одно целое; когда Леонид Ильич Брежнев рассказывает о своих отце с матерью, о трогательной своей любви к ним, о тех условиях, в которых они жили и работали, — рассказ настолько характерен, что хоть сразу его включать в школьные пособия по истории (а, наверное, и надо включать). Это ведь было время, когда трое из четырех жителей Украины оставались неграмотными, когда целые уезды погибали от голода и нужды...

Жизнь всей советской страны и жизнь нынешнего Генерального секретаря ее партии начиналась с преодоления. И преодолеть вчерашнее зло можно было только соединившись со всем народом в общем деле, в одной устремленности, в понимании социальных критериев обновления жизни.

* Оригинал статьи не имеет названия. Здесь дается заголовок по публикации 1982 г.

Леонид Ильич Брежнев вспоминает имена организаторов рабочего движения на его родине — ведь он увидел свет через год после того, как вся Россия содрогнулась, поднявшись в революции 1905 года; он прекрасно понимает, что все определяющее дальнейшие пути развития страны и народа, сосредоточено вокруг ленинской идеи освобождения рабочего класса — и жить ему довелось во время, когда не только судьба родины — судьба всего мира совершила крутой поворот.

...Когда Л. И. Брежневу исполнялось 75 лет и, осмысливая истоки собственной жизни, он опубликовал в «Новом мире» свои «Воспоминания», было опубликовано немало воспоминаний и о самом юбиляре. В большинстве этих публикаций сквозила все та же мысль: он — человек, очень убежденно и честно делающий свое дело; человек принципиальный и недвусмысленный в поступках своих и реакциях. Генеральный секретарь ЦК формировался в труде конкретном, на виду у очень многих людей. Уже в самом начале юбилейного приветствия ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Совета Министров страны Леониду Ильичу Брежневу сказано: «Важнейшие в советской истории нашей страны — это и вехи Вашей биографии... Шестьдесят лет назад началась Ваша трудовая деятельность. Вот уже пятьдесят лет Вы состоите в рядах Коммунистической партии. И поистине справедливо Ваши слова: «Каждый день моей жизни неотделим от тех дел, которыми жили и живут наша Коммунистическая партия, наша Советская страна». Вас, славного сына советского народа, всегда отличала забота о его благе. За каждым вопросом Вы видите интересы людей и учите этому других. Вы, Леонид Ильич, обладаете искусством объединять людей, настраивать их на дружную коллективную работу. Вам присущ редкий талант замечать способности каждого товарища, находить им лучшее применение...»

Возвратимся к «Воспоминаниям»...

Все начиналось с первых рабочих гудков детства; с утреннего голоса завода, которым созывались к труду тысячи людей, живущих лицом к огню, к раскаленному металлу. Иногда я думаю, что в этом — очень точный образ автора «Воспоминаний»: лицом к огню.

К огню металлургического завода его детства — пылающим топкам, осветившим и навсегда врезавшим в память картины тяжелого труда дореволюционных рабочих.

К огню Революции — очистительному пламени великих битв за социальную справедливость. Затем еще был огонь, в котором возрождалось народное хозяйство обескровленной и утомленной страны; указания Дзержинского о восстановлении мартепов Каменска, который станет еще Днепродзержинском. Был огонь танковых полигонов, где страна осваивала умение самозащиты; огонь партийной работы; огонь Великой Отечественной. И — постоянная учеба, непрерывное стремление к самоусовершенствованию, к тому, чтобы постоянно быть созмеримым с планами, буднями, надеждами народа. Все это было нелегко — праздников почти не случалось — было сознание значимости своего дела и все той же неотделимости личной судьбы от всенародной доли.

Чрезвычайно поучительна эта неизменная устремленность к радости, социальный оптимизм, знание того, что высокая цель стоит преодолеваемых трудностей. Помните: «Мне довелось быть в жизни свидетелем многих времен, когда страна была охвачена всеобщей разрухой, когда миллионы людей переносили невероятные страдания от голода и холода. Пришлось мне вместе с нашей славной армией пройти через огонь Великой Отечественной войны, видеть смерть и ад, пожары и разрушения, которые агрессор принес на нашу социалистическую землю...» И при всем этом — постоянное чувство собственного единства с народом, сражающимся и строящим: «Я рассказываю о многих людях, но главный герой моих книг один — советский народ».

...Вовсе не сравниваю дальше политических деятелей разных рангов и различных социальных систем; но некоторые сравнения напрашиваются сами собой.

Дело в том, что государственными деятелями написано очень много мемуаров и продолжают сегодня публиковаться новые воспоминания, попытки понять время во множестве стран. На планете в одно и то же время работают десятки весьма ответственных и квалифицированных политиков, прямо-таки обязанных постоянно размышлять о судьбе человечества. Они и мыслят — ио все по-разному.

Мне кажется, сейчас уместно процитировать слова недавнего государственного секретаря США Генри Киссинджера: «История — это рассказ о напрасных усилиях, о желаниях, которые исполнялись, а потом оказывалось, что это не то, иа что надеялись... Приходится жить с чувством неизбежности трагедии» (для сверки — «Октябрь», № 7, 1977, стр. 186). А вот как в июне 1981 года в американской «Интернешнл геральд трибюн» о преемнике Киссинджера генерале Хейге пишет видный американский прозаик Уильям Стайрон — довольно консервативный интеллигент, без особых симпатий относящийся к советской стране и ее идеологии: «Я вижу страх на лице Александра Хейга... Не есть ли это возрожденный страх перед коммунизмом? Вглядитесь в его округленные глаза, в капли пота на верхней губе — все это проявление того же безумного страдания, полное отсутствие самообладания, что, кстати, совершенно не пристало офицеру» («Интернешнл геральд трибюн» от 18 июня 1981 — цит. по сборнику Иностранной комиссии Союза писателей СССР «По страницам зарубежной печати», выпуск 6, 1981, стр. 95),

Страх. Отсутствие надежды на какие бы то ни было изменения к лучшему. Апокалиптические видения грядущего термоядерного пепелища и подготовка к использованию небывало жестоких новых видов оружия. Страх перед советской страной и ее идеей, определяющий государственную политику иных капиталистических стран. Как бы там ни было, но «Воспоминания» увидели свет, когда буржуазные идеологи стремились искусственно заполнить душу мира безнадельностью, столь массовой, что общий тон книги Леонида Ильича Брежнева зазвучал прежде всего как голос надежды. А это — чрезвычайно принципиально и важно. Вся художественная и мемуарная литература на свете была и остается комплексом авторских раздумий и переживаний, пропущенных сквозь личность, сквозь сильное «я» того, кто пишет. Привлекательность личности Генерального секретаря нашего ЦК убедительна чрезвычайно; именно социальностью анализа, отбором жизненных примеров и оценок — доказательна. Если отнестись к «Воспоминаниям» как к произведению прежде всего литературному, то и в этом случае к ним применимы слова Анатолия Васильевича Луначарского, одного из основоположников марксистской литературной критики у нас в стране: «За современность хвататься надо умеючи: надо выбирать в этой современности то, что делает ее многозначительным моментом истории человечества» (для сверки — журнал «Литературная критика», № 2, 1934, стр. 78).

Итак — новое произведение Леонида Ильича Брежнева, так же, как и прежние, чрезвычайно усилено его личностью, его отбором материала, его авторитетом — и в этом урок. Человек, что бы он ни делал, должен сращивать всю свою жизнь в целостность, тогда и любые дела его будут понятны, объяснимы, логичны. Иначе жить просто нельзя, тем более в нашем — недвусмысленном — мире.

Все годы автора «Воспоминаний» наполнены борьбой за правду. Правда эта выстрадана и борьба за нее ведется откровенно, неукротимо, повседневно. В этом — общий дух повествования; никакой позы, никакого выпячивания своих личных заслуг в общем достижении: пусть оценивают другие. На приеме в честь своего недавнего 75-летия Леонид Ильич сказал очень важные и запомнившиеся всем нам слова о скромности, а принимая четвертую звезду Героя Советского Союза, подчеркнул: «В награде, которой я удостоен, я вижу не только признание того, что смог сделать лично сам, находясь на доверенных мне ответственных партийных и государственных постах. Я вижу в ней прежде всего признание правильности и действительности взятого нами курса».

А теперь давайте возвратимся к началу «Воспоминаний», окинем мысленным взглядом всю жизнь человека, по праву выступающего сегодня от имени величайших в истории государства и партии. Откуда он? Здесь, по-моему, важно еще раз подчеркнуть, что Леонид Ильич — замечательный воспитанник Революции, тот самый Маршал, который принес свой жезл в повседневном солдатском ранце, вырос вместе со всей новой общественной формацией. Здесь есть над чем поразмыслить.

Когда не раз уже нашу страну пытались уничтожить и сжечь, лишить интеллигенции и государственного ума, народ доказывал собственные достоинства и правоту тем еще, что воссоздавал богатство, возрождал сокровища, считавшиеся необратимо потерянными. Этот кровавый и горький опыт — еще из древности, из пеплов наших поселений и городов, сожженных ордами, — но опыт этот убедителен...

Пролистаю одну только Литературную энциклопедию... Из семьи дальневосточных фельдшеров приходит в Москву Александр Фадеев и становится многолетним руководителем высокоавторитетного Союза советских писателей. В духовных учебных заведениях учился Павло Тычина и Берды Кербабаяев; в провинциальном кооперативном техникуме учился Микола Бажан; у Ильи Эренбурга четырем классами гимназии так и завершилось официальное образование... Это ведь несколько произвольно названных больших имен из одной лишь литературы; только ли ею исчерпывается многообразие жизни?! Сын бедных рабочих вырос в руководителя великой страны, и в логичности судьбы Леонида Ильича Брежнева — еще один ответ тем, кто говорил, что мы, де, советски, неспособны взойти к вершинам современного знания, к современным тайнам политики, управления, планирования. До чего-де принципиальна и доказательна эта победа!

Я не подсчитывал, но нетрудно прикинуть, какое время в жизни Леонида Ильича Брежнева было выжжено войнами. «Воспоминания» как будто и не пишут об этом, но понимаешь, что была и гражданская война, лютым пламенем прокатившаяся по жизням. Была и военная подготовка, когда вся страна ощущала себя в немилосердном военном кольце; пели бодрую песню «Если завтра война...», понимая, что нет в этой строке никакого преувеличения. Война и вправду случилась в то самое недалекое «завтра»: от окончания Гражданской и до начала Второй Мировой и двадцати лет не минуло... В конце «Воспоминаний» Леонид Ильич констатирует: «...в те годы, о которых веду рассказ: на западе уже началась вторая мировая война, она приближалась к нашим границам, идейно-политическое противоборство двух систем подходило к своей крайней форме — открытому военному столкновению...» Но чуть раньше принцип противоборства сформулирован открыто и четко: «Вакуума в современном мире нет: там, где благодушествуем мы, там действуют наши идеологические противники. Поэтому, — учил В. И. Ленин, — всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной».

Став творцом советской мировой политики последнего времени, реализуя ленинский тезис о мире, Леонид Ильич Брежнев не признает идеологических компромиссов. Его умение отстаивать мир общепризнано; его забота о мире — из тех лет, что сосредоточены в «Воспоминаниях»; но это должен быть очень достойный мир — тот, в котором социализм, наша страна — никем не будут унижены!

Вспоминаю, как в отчетах зарубежных информационных агентств со знаменитого совещания глав стран и правительств в июльском Хельсинки 1975 года отмечалась неизменная теплота встреч и бесед главы советской делегации Л. И. Брежнева с руководителями многих стран мира. Они уже были знакомы между собой раньше, они были соединены взаимным уважением; авторитет Леонида Ильича, как деятеля миролюбивого и честного, был бесспорен. Давайте задумаемся над тем, как человек этот сохранил свою доброту и свое миролюбие в десятилетиях, проведенных на поле боя! Давайте еще раз мысленно проследим путь от рабочей семьи из дореволюционного Приднестровья — до Кремля!..

«Воспоминания» чрезвычайно важны для каждого. Надо быть бесспорно сильным, смелым и талантливым человеком, чтобы их написать. Это произведение — на каждый день — оно причастно повседневной идеологической деятельности КПСС. «Главное оружие в этой работе — правда, — пишет Л. И. Брежнев. — И об успехах, и о недочетах, мы считаем, необходимо говорить честно. Открытый разговор люди всегда поймут. В. И. Ленин подчеркивал, что сила социализма в сознательности масс. Нет ничего бесплоднее, чем пропаганда без адреса, оторванная от интересов аудитории, от потребностей дня...».

На наших рабочих столах лежит новая, очень злободневная и точная книга Леонида Ильича Брежнева. Адресованная нам с вами, она не случайно вызвала такой интерес во всем мире. Глава наших государства и партии с самого начала вспоминает свой жизненный путь; уроки этого пути поучительны и незаурядны.

* * *

И этот уникальный по выражению верноподданнических чувств текст «ведущий прораб перестройки», обласканный впоследствии Западом, требовал опубликовать в первозданном виде в журнале «Политическое самообразование» в 1982 году. С этой целью он послал телеграмму. Мы... выполняем его «условие». Приносим извинения за более чем восьмилетнее опоздание. Заодно приводим и текст телеграммы-ультиматума:

«Министерство связи СССР
ТЕЛЕГРАММА

МОСКВА Г-19 МАРКСА ЭНГЕЛЬСА 5
ЖУРНАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЕ САМООБРАЗОВАНИЕ
СМОРОДКИНУ СЕРГЕЮ ИВАНОВИЧУ

КИЕВ 1/501 30 9 1025

ТАКОЕ КОЛИЧЕСТВО РЕДАКЦИОННЫХ ДОПИСОК И ПЕРЕПИСОК ДЕЛАЮТ СТАТЬЮ НЕ МОЕЙ ОДНИ ОБЩИЕ МЕСТА МНЕ ПОДПИСЫВАТЬ НЕЗАЧЕМ — ИЗВИНИТЕ ВИТАЛИЙ КОРОТИЧ—»

ОТ РЕДАКЦИИ

Одно тут только уж очень подзрительно: зачем Коротичу надо было доказывать, будто Брежнев и впрямь обидный отец-батьюшка? Ведь народ-то каждый вечер перед телевизором потешался над теми опереточными персонажами и героями, которые разыгрывали перед ним спектакль с переодеванием, вернее, с очередным награждением Брежнева. Коротичу же надо было вби-

вать в головы людям, будто Брежнев самый мудрый, умный, самый гениальный, самый знающий, самый-самый, как Моисей, — идите, люди, за ним и приведет он вас в рай. Может, кому-то очень надо было делать все для того, чтобы никто не заметил и не закричал: «Король голый!»? Чтобы люди, оболваненные такими коротичами, пребывали в полусонном состоянии, а страна в то время на глазах деградировала и разлагалась?

Кто такой П. Г. Григоренко?

Недавно в журнале «Звезда» прочитал «Воспоминания» П. Григоренко. Из них узнал, что Петр Григорьевич был одним из самых деятельных участников правозащитного движения 60—70-х годов в нашей стране, борцом за права крымско-татарского народа. За свое инакомыслие изгнан из рядов Советской Армии, лишен звания, дважды заключался в спецпсихбольницы. В 1977 г. был приглашен на полгода в США, а через три месяца его лишили советского гражданства.

Не мог бы «ВИЖ» опубликовать какие-либо документы, раскрывающие личность этого человека?

С. МЕЛЬНИКОВ
(Севастополь)

ПЕТР Григорьевич Григоренко родился в 1907 году в селе Борисовка Приморского района Запорожской области. Украинец, из крестьян. После окончания в 1918 году начальной школы помогал отцу в хозяйстве, работал слесарем. В 1928 году окончил рабфак, а затем два курса Харьковского инженерно-строительного института. В Красной Армии — с 1931 года. До 1934 года обучался в Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева. Выпущен военинженером 3 ранга и проходил службу начальником штаба, затем командиром отдельного саперного батальона и начальником инженерной службы 13-й стрелковой дивизии Белорусского военного округа. В 1937—1939 гг. — слушатель Академии Генерального штаба. Майор П. Г. Григоренко в 1939 году принимал участие в боях у реки Халхин-Гол, будучи старшим помощником начальника оперативного отдела штаба фронтовой группы. В течение почти всей Великой Отечественной войны проходил службу в штабе Дальневосточного фронта. В боях с немецко-фашистскими захватчиками участвовал с 10 января по 29 февраля 1944 года в должности заместителя начальника штаба 10-й гвардейской армии 2-го Прибалтийского фронта по вспомогательному пункту управления. Был ранен. С 23 августа 1944 года и до конца войны — снова в действующей армии. Войну закончил полковником, начальником штаба 8-й стрелковой

дивизии 4-го Украинского фронта. После Великой Отечественной войны был прикомандирован к управлению по обобщению опыта войны Генерального штаба. С ноября 1945 по сентябрь 1961 года — на преподавательской и военно-научной работе в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Был там же начальником кафедры оперативно-тактической подготовки. Кандидат военных наук, доцент. В 1962—1964 гг. работал начальником оперативного отдела штаба армии Дальневосточного военного округа. Генерал-майор с 1959 года. 25 августа 1964 года постановлением Совета Министров СССР «лишен звания генерал-майор, как дискредитировавший себя и недостойный в связи с этим звания генерал» и исключен из списков офицерского состава Вооруженных Сил СССР. Член КПСС с 1928 по 1964 год. Был награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды, а также пятью медалями.

За время прохождения службы в армии характеризовался неоднозначно. Первая справка об аттестовании (док. 2), сохранившаяся в личном деле, была составлена в апреле 1939 года после обращения майора П. Г. Григоренко к секретарю ЦК ВКП(б) Андрееву (док. 1). Последующие аттестации периода Великой Отечественной войны см. док. 3—5.

Документы о результатах расследования дела по доносу П. Г. Григоренко и его послевоенной деятельности читайте в ближайших номерах.

Документ 1

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. АНДРЕЕВУ

Подготовка работников для высших штабов РККА, т. е. учеба в единственной в СССР академии Генерального штаба РККА, страдает громаднейшими недостатками.

1. Нельзя мыслить высококвалифицированного общевойсковой к[оманди]ра, не овладевшего с достаточной глубиной военно-историческим опытом. А между тем военная история как учебная дисциплина находится на задворках учебного плана академии. Она занимает 11,1% учебного вре-

мени, отставая даже от иностранных языков, занимающих 14,7% учебного времени (а проходят они не в порядке изучения, а в порядке тренировки).

Но еще хуже дело обстоит с преподаванием этой важнейшей учебной дисциплины. **Преподавание отдано «на откуп» кафедре военной истории** (начальник профессор комдив Меликов). Кафедра до недавнего времени была исключительно засорена врагами народа. **Разоблачение и изъятие врагов народа не улучшило преподавания.** Преподается военная история в отрыве от марксистско-ленинского учения о войне и армии.

Больше того, в преподавании военной истории марксизмом и не пахнет. Учебники, которые мы изучаем, в лучшем случае являются более или менее подробными журналами боевых действий (Зайончковский, Новичкин), а в худшем случае вредными идеалистическими книгами («Проблемы стратегического развертывания» Меликова). В этой книге Меликова, в частности, много труда положено для того, чтобы доказать, что план Шлиффена потерпел крах не потому, что он является авантюристичным планом «молининской войны», продуктом творчества загнивающего класса империалистической буржуазии Германии, а тем, что Шлиффен не был признан в Германии, что Мольтке-младший «испортил» и «провалил» его план (кстати сказать, это же самое доказывают и нынешние фашистские «военные теоретики», поднимающие Шлиффена на щит в целях проповеди «молининской войны»). И вот все эти многотомные и многословные «труды» мы вынуждены изучать, т. к. их необходимо пересказать на экзамене. Убивая время на это чтение, которое приносит больше вреда, чем пользы, мы тем самым лишены возможности читать труды классиков марксизма по военным вопросам (знание этих трудов для экзамена не нужно, и время на них поэтому не отводится).

Не лучше учебников и читаемые нам лекции (счастливое исключение составляют несколько лекций молодых преподавателей, которые только в этом году окончили академию и только начинают читать лекции).

Основным лектором является начальник кафедры профессор комдив Меликов. Его лекции всегда одинаково бессвязные по содержанию, иногда обращаются во враждебные вылазки. Примеры:

а) В лекции о Варшавской операции 1920 г. комдив Меликов взял на себя задачу доказать, что враг народа Тухачев-

ский в то время не был врагом. «Аргументировал» он это тем, что, во-первых, нет материалов, подтверждающих его вражескую работу в этот период; во-вторых, сам Тухачевский очень сильно «переживал» поражение, т. к. ему уже был преподнесен бинокль с надписью: «Победителю под Варшавой», и его очень «угнетало», что теперь этот подарок обращался в насмешку над ним, и, наконец, в-третьих, если признать, что Тухачевский вредил, то встает вопрос, что делали партия, Ленин, Сталин, Дзержинский, который все время был на польском фронте.

б) В одной из лекций об операциях 1919 г. на Восточном фронте он посвящает значительную часть лекции реабилитации другого врага народа — С. С. Каменева.

в) В 1-й лекции об обороне Царицына профессор Меликов почти истерически кричал о гениальности т. Сталина, а о самих событиях говорил настолько бессвязно, что человеку, который не читал книгу т. Ворошилова «Сталин и Красная Армия», понять что-либо было невозможно. Схему же, которая иллюстрировала эту, с позволения сказать, лекцию, иначе, как пасквилем на сталинский план обороны Царицына, назвать нельзя.

Вначале я сказал, что военная история проходит в отрыве от марксистско-ленинского учения о войне и армии, но это не совсем правильно, ибо фактическое положение дела таково, что марксистско-ленинское учение, хотя и стоит в учебном плане, из-за отсутствия соответствующих кадров фактически не проходит. После всего этого станет ясным то совершенно нетерпимое положение с марксистско-ленинской подготовкой людей, предназначенных для большой руководящей работы в РККА.

2. Подлинный руководящий работник нашей армии должен в совершенстве знать наших вероятных противников: внешнюю политику важнейших капиталистических стран, возможные антисоветские коалиции, их экономику, уровень классовой и национально-освободительной борьбы, состояние вооруженных сил (их организацию, тенденцию развития, военную доктрину, тактику), будущие театры военных действий. Это, по моему, бесспорно. И, однако, ничего этого мы не изучаем. В этом отношении наша академия целиком и полностью повторяет «опыт» старой царской армии.

3. Мы не занимаемся по-серьезному и изучением опыта современных войн. Нам иногда приводят примеры из опыта войны в Испании, но эти примеры берутся только из опыта республиканцев, приводятся эти

примеры только мимоходом и главным образом для того, чтобы отмахнуться от этого опыта, т. к. там все-де, мол, не так, как будет в будущей большой войне.

А между тем подобное отношение к опыту современных войн не выдерживает никакой критики хотя бы потому, что эти войны по времени ближе всего стоят к будущей большой войне, потому что в этой войне участвуют наши вероятные противники, потому, наконец, что этот опыт уже в значительной степени учтен нашей армией и используется при обучении войск.

4. И наконец, штабной работник немислм без хорошей оперативно-тактической подготовки. Для этой подготовки выделено относительно много времени (50%) всего учебного времени, но спланировано так неудачно, что все задачи проходятся только в порядке ознакомления. Результатом такой подготовки явился полный проваллетней полевой оперативной игры. Вместо того чтобы сделать соответствующие выводы из этого факта, руководители академии сочли за лучшее ускользнуть от слушательской критики (не провели итогового собрания) и замазать факт провала полевой поездки в своем донесении в Генштаб.

5. Обо всех этих фактах много говорилось на наших партийных собраниях, но никакой ощутительной пользы это не принесло. Руководство академии (начальник комбриг т. Шлемин и комиссар бригадный комиссар т. Гаврилов) заняло позицию невмешательства в дела академии и пустило учебу на самотек. Генеральный штаб также никакого интереса к делам академии не проявляет. В результате такого «руководства» и создалось то итерпимое положение с подготовкой кадров высшей квалификации из людей, которые имеют за своими плечами уже одну академию и немалый практический опыт. В результате такого «руководства» академия очутилась в непригодном для учебы помещении и в довольно плохих материальных условиях, несмотря на те большие средства, которые тратит на нее государство. Я не затронул всех вопросов. Так, например, не упорядочен вопрос с подбором кадров в академию и с распределением окончивших академию, но и сказанного, мне кажется, достаточно, чтобы сделать вывод, что в таком виде академия своей задачей не выполняет.

Мои предложения:

1. Решительно перестроить учебный план и программы академии, обсудив предварительно этот вопрос на подготовленном партийном собрании академии.

2. Создать высококачественные пособия, и в первую очередь марксистский учебник по военной истории. Учитывая важность этого учебника для всей РККА, привлечь для его создания наиболее квалифицированные военно-исторические кадры армии и проверить его качество в ЦК ВКП(б) и НКО.

3. Добиться от руководителей академии настоящего большевистского руководства делом подготовки высококвалифицированных кадров, а от Генерального штаба повседневного руководства академией.
30.12.38.

Слушатель II курса АГШ РККА,
член ВКП(б), партбилет № 1038981

Майор ГРИГОРЕНКО

Адрес: служебный — Кропоткинская ул., № 19, АГШ РККА; домашний — Б. Трубецкой пер., д. № 18, кв. 501.

Документ 2

СПРАВКА

об аттестовании слушателя Академии
Генерального штаба РККА майора
Григоренко Петра Григорьевича
за время с 1933 г. по 1938 г.

1933 г. — слушатель Военно-инженерной академии. Дисциплинирован. Общая и военно-тактическая подготовка хорошая. Политически развит хорошо. Требователен к подчиненным. Настойчив, решителен. Излишне самоуверен, иногда упрям. Подлежит оставлению в академии адъюнктом по кафедре организации, а также может быть назначен на должность начальника штаба саперного батальона или начальника участка УР.

1935 г. — начальник штаба саперного батальона. С работой справляется хорошо. Инициативен. Предприимчив. Требователен. Авторитетен. Дисциплинирован. Должности начальника штаба батальона соответствует.

1937 г. — командир саперного батальона. Подтверждаются положительные качества тов. Григоренко. С работой командира батальона справляется. Пользуется авторитетом. Активный член партии. Достоин выдвижения на должность начальника инженерной службы дивизии и начальника инженерных укреплений района.

Справку на тов. Григоренко П. Г. на основании его аттестационной тетради составил майор Новиков.

4.4.1939 года.

п. п. Начальник Академии
Генштаба Кр[асной]

Армии Комбриг ШЛЕМИН

п. п. Военный комиссар Академии
Генерального штаба РККА
бригадный комиссар ФУРТ

Документ 3

СЛУЖЕБНЫЙ ОТЗЫВ

на командира 18-й отдельной стрелковой
бригады ДВФ подполковника
Григоренко Петра Григорьевича

Предан партии Ленина—Сталина и социалистической Родине. Окончил инженерную академию в 1934 г. и Академию Генерального штаба в 1939 г. Учился много, по ничему не научился. Командного опыта почти не имеет, вял, неповоротлив, в работе имеет много недостатков. Сам дисциплинирован, смел, к подчиненным мало требователен, нуждается в повседневном контроле и руководстве.

п. п. Командующий войсками ДВФ
генерал армии АПАНАСЕНКО

п. п. Член военного совета ДВФ
генерал-майор ЯКОВЛЕВ

(передано по телеграфу из ОК ДВФ от
23.4.1943 г. № ОК1/1056).

Документ 4

СЛУЖЕБНЫЙ ОТЗЫВ

на бывшего командира 18-й стрелковой
бригады подполковника Григоренко
Петра Григорьевича

В Красной Армии с 1931 г. Окончил инженерную академию в 1934 г., Академию Генштаба КА в 1939 г. Бригадой командовал один год и 3 месяца. За это время показал низкие волевые качества, мягкотел, не требователен и не организован. На всем протяжении в бригаде была низкая дисциплина, неорганизованность, слабая выучка личного состава. Т. Григоренко неоднократно предупреждался за плохую работу, но добиться лучших результатов не смог. Имеет хорошую оперативно-тактическую подготовку, но практически организовать взаимодействие родов войск и управлять соединением не умеет. Сам дисциплинирован, но навести твердую дисциплину в частях в силу своей нетребовательности не может. Страдает чрезмерным зазнайством, переоценкой своих знаний и способностей, а на деле их не оправдывает.

По своему складу характера на командной должности использовать нельзя. Лучше использовать на оперативно-штабной работе.

За неорганизованность, отсутствие должной дисциплины в бригаде и слабое воспитание личного состава, вследствие чего в начале ноября с. г. было массовое отравление личного состава бригады, от должности командира бригады отстранен.

В Ы В О Д: Командовать соединением не может, на командную должность можно назначить не выше ком[андира] полка. Лучше использовать на оперативно-штабной работе в крупном штабе или начштаба бригады, дивизии.

Командующий войсками ДВФ
генерал-полковник ПУРКАЕВ

Член военного совета ДВФ
генерал-майор ЯКОВЛЕВ

18 ноября 1943 г.

Документ 5

БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

на заместителя начальника штаба 10-й
гвардейской армий по вспомогательному
пункту управления гвардии подполковника
Григоренко Петра Григорьевича

Подполковник Григоренко в занимаемой должности с января 1944 г. Прибыл из тыловых частей с должности командира бригады. Опыта штабной работы в боевых условиях не имеет. По причине излишнего самолюбия авторитетом у товарищей и подчиненных не пользуется. К вопросу организации управления войсками относится поверхностно. Инициативы не проявляет. В военном отношении подготовлен достаточно. Смел и решителен.

Для приобретения опыта работы в боевой обстановке необходимо назначить тов. Григоренко начальником штаба стрелковой дивизии, действующей на активном участке армии.

Начальник штаба 10-й гв. армий
гвардии генерал-майор
СИДЕЛЬНИКОВ

28 февраля 1944 г.

Публикация В. К. ПЕТРОВА

* * *

ОТ РЕДАКЦИИ. Когда этот материал был подготовлен к печати, «Аргументы и факты» сообщили, что в Москве основан фонд имени П. Григоренко. Главная задача фонда — «экономическая и моральная поддержка офицеров СА, МВД, КГБ, пострадавших за свои политические убеждения». Жаль, еженедельник не сообщил, кто будет субсидировать такую благотворительность. Зато поведал, что учреждена и медаль имени Григоренко. Медаль за № 1 и премия в размере 10 тыс. рублей, оказывается, будет вручена семье преступившего закон бывшего капитана 3 ранга Саблина, о котором мы тоже рассказываем в этом номере журнала. Прочтите материал «Лицедеи», и вы убедитесь, что инициаторы акции не ошиблись: «медалист» достоин того, чье имя носит фонд.

Расснем предложить учредителям фонда и кандидатов на медали № 2, № 3 и № 4. Бывший командующий РОА Власов, бывший генерал КГБ Калугин и бывший подполковник — политработник Уражцев — чем не лауреаты? Об их деятельности писать, думается, нет необходимости, рассказами, исполненными симпатией, полны страницы «демократической печати». Нет, безусловно, все трое достойны имени Григоренко.

Уважаемые читатели!

Одна из реалий нашей жизни — ее постоянное подорожание. Увы, теперь этот процесс коснулся и прессы. Газеты и журналы стали ощутимо дороже. Как ни печально, подорожал и наш журнал. Единственным утешением служит лишь то, что нам удалось добиться, чтобы урон бюджету наших подписчиков был не столь значительным, как этого хотелось бы некоторым ведомств-монополистам. Цена одного номера возрастет не в два-три раза, как нам грозились, а приблизительно на 65 проц. — с 60 коп. до 1 руб. Годовая подписка, таким образом, будет стоить 12 рублей, на полгода — шесть. Однако мы отдаем отчет, что и это создает для большинства из вас серьезные материальные затруднения с подпиской. Поэтому редакция намерена сделать все от нас зависящее, чтобы оправдать новые затраты своих читателей и союзников, число которых за последние два года выросло почти в десять раз. Существует предварительная договоренность об увеличении объема «ВИЖа» на два печатных листа, а значит, расширятся возможности для публикации доселе закрытых в архивных хранилищах и практически никому неизвестных исторических документов. Среди них — материалы КГБ и военной разведки, с архивами которых у нас установились прочные рабочие контакты. Мы впервые обнародуем ряд трофейных документов, которые, надеемся, прольют свет на малоизвестные страницы минувшей войны.

Познакомим вас с рукописями наших друзей и врагов, участников многих важных и интересных событий. Завершим документальный очерк «Бериевщина». Под руб-

Ф. СП-1

Министерство связи СССР «Союзпечать»											
АБОНЕМЕНТ на газету										70137	
журнал											
Военно-исторический журнал (индекс издания)											
(наименование издания)										Количество комплектов:	
на 19 ____ год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
(почтовый индекс)										(адрес)	
Кому											
(фамилия, инициалы)											

ДОСТАВочная КАРТОЧКА													
ПВ место литер										на газету		70137	
журнал													
Военно-исторический журнал (индекс издания)													
(наименование издания)													
Стоимость подписки ____ руб. ____ коп.													
пере-адресовки ____ руб. ____ коп.													
Количество комплектов:													
на 19 ____ год по месяцам:													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		

Куда											
(почтовый индекс)										(адрес)	
Кому											
(фамилия, инициалы)											

рикой «Форма одежды — мундир Отечества» продолжим рассказ об истории русского военного костюма, воинских наградах России, а также о работе военно-исторических клубов, в рядах которых все больше наших друзей.

Опубликуем главы из книги американского историка Р. Мейсси «Николай и Александра», впервые изданной в 1968 году в Лондоне и повествующей о последних российских царях, их детстве и воспитании, семье, быте, образе жизни, об их родственных связях и взаимоотношениях с европейскими монархами. Автор воссоздает панораму царствования Николая II, анализирует его роль и место в истории.

Намерены поместить разделы из выпущенной в 1922 году берлинским издательством книги «Всемирный тайный заговор», в которой содержатся «Протоколы сионских мудрецов», комментарии к ним и версии об истории их создания.

Напечатаем отдельные главы гитлеровской «Майн кампф», посвященные России, планам завоевания «восточных земель». Готовим к публикации другие материалы на темы, подсказанные вами.

Уважаемые товарищи!

Подписка на «Военно-исторический журнал» принимается всеми отделениями связи и органами «Союзпечати» без каких-либо ограничений и на любой срок.

К сожалению, в розничную продажу журнал поступает в очень малом количестве, поэтому советуем подписываться на него заблаговременно. В случае отказа в подписке просим сообщать в редакцию.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машинны.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машинны на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Союзпечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клеток «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи «Союзпечати».

«ПРИВЕТ С ФРОНТА!»

И НСТИТУТ марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ), именовавшийся во время войны ИМЭЛом. Институтом Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б), выпустил сборник писем фронтовиков—сотрудников Института своим товарищам по довоенной работе. Подготовила сборник инициативная группа из представителей совета ветеранов, партнома и комсомольской организации ИМЛ.

Еще в сорокалетию Победы сотрудниками Института была предпринята попытка воссоздать его историю периода Великой Отечественной войны. Тогда и родилась идея публикации писем с фронта.

К моменту начала работы над сборником в Центральном партийном архиве ИМЛ хранилось лишь небольшое количество писем, адресованных в дирекцию и партбюро Института. Но труд с благородной целью воскресить непрекращавшуюся в столь суровые годы духовную, деловую, дружескую связь между теми, кто защищал Родину, и теми, кто работал в тылу, увенчался успехом. Институт стал обладателем почти пятидесяти писем и открыток — подлинных документов военных лет, которые и составили сборник.

Письма в основном от политработников — бывших научных сотрудников Институ-

* «Привет с фронта!»: Письма фронтовиков — сотрудников ИМЭЛ в Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б) 1941—1945. — М.: Изд. Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1990. — 82 с.

та, работников его хозяйственной части, и в каждом слова благодарности за помощь. И действительно, сотрудники Института снабжали своих сражавшихся с врагом товарищей агитационно-пропагандистской литературой, специально подбирая книги по определенной тематике.

Зная, как важно в политработе свежее слово, имзловцы-тыловики посылали на фронт новинки литературы, за что их особенно благодарили. Иногда фронтовики предлагали ответную помощь, ведь у многих из них был накоплен богатый опыт партийной и политической работы.

В сборнике представлены письма не только фронтовиков — бывших сотрудников Института, но и их товарищей по партийно-политической работе, которые тоже крайне нуждались в помощи, но не имели таких шифров, как Институт Маркса—Энгельса—Ленина. Полные благодарности, такие письма свидетельствуют об огромном размахе шифровой работы коллегтива Института.

Сборник имеет три приложения, содержащих краткие биографические сведения об авторах публикуемых писем, указатель упоминаемых в документах имен сотрудников Института, а также список сотрудников ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), участвовавших в Великой Отечественной войне.

С любовью и квалифицированно составленный, сборник заслуживает внимания. Хочется надеяться, что и другие организации, ознакомившись с ним, захотят создать подобные, чтобы еще раз почтить память своих сотрудников, ушедших на фронт в минувшую войну.

О. К. ГРАЧЕВА

НАМ ПИШУТ

СЪЕЗД коммунистов России волнует не только тех, кто живет в РСФСР. Я русский, живу в Крыму, в прошлом сибиряк, внимательно следил за партийным форумом в самой большой республике Советов.

Вечером слушал репортаж со съезда. Звучал голос командующего войсками Приволжско-Уральского военного округа А. М. Макашова. В его выступлении на съезде не уловил ничего противоестественного, все посчитал уместным.

А на второй день получаю «Известия». И на первой странице вижу заголовок: «На что нацелены утверждения генерала Макашова». Уже первые строки автора материала В. Надеина резанули слух... «Немедленно попросить об отставке», — предлагает генералу автор.

Неужели, думаю, что-то не уловил, слушая речь по радио? Но вот в моих руках «Советская Россия» с

речью генерала. Прочитал. И еще раз убедился: выступление емкое, образное, логичное. В нем чувствуются заботы и тревоги и за армию, и за все Отечество.

За что же глыбу покатили на генерала? Да, есть в его выступлении критика в адрес руководства партии и правительства. Но ведь эта критика звучала на съезде из уст многих делегатов, что естественно. На форумах и принято сейчас говорить откровенно о наблевшем.

Иначе, значит, свобода слова, что птичка в клетке? Летай, да не размахист, или побьешься о прутья.

А ведь армия наша действительно в тяжелом положении. Политики направили часть ее в Афганистан. Тысячи родителей получили оттуда цинковые гробы, еще больше солдат и офицеров стали калеками. В Грузии, Армении, Азербайджане их оскорбляют. И при этом со страниц многих средств массовой ин-

формации на военных льют потоки грязи, обвиняя их во всех смертных грехах, зачастую выставляя врагами перестройки.

В этом видится явное попустительство верховной власти. И генерал А. М. Макашов прав, отстаивая армию, возмущаясь ее шельмованием.

Нами, людьми старшего поколения, еще не забыта всепожирающая война, в которой погибли миллионы людей, и в первую очередь военных. Забыть об этом преступно!

А сейчас просматривается кампания против Макашова. Уважаемые товарищи из политорганов армии и «Военно-исторического журнала», командующего надо оберегать от нападков. Кое-кто ими, командующими, легко разбрасывается.

В. ФЕДЮШИН,
ветеран труда,
совершенно не военный
[пос. Кировское
Крымской обл.].

На снимке: художник В. П. Криворучко на открытии выставки «Моя Русь» в Москве.

Фото А. Е. ШАДРИНА

предложением взять весь цикл его картин о Куликовской битве, чтобы Донской, Боброк, Радонежский и другие спасители России со стен выставочного зала говорили с современником о великом и вечном.

На тульской земле знают не только выставки В. П. Криворучко и ежегодные экскурсии в сентябре по полю Куликову для тех, кто приезжает отметить очередную годовщину со дня славной битвы во спасение Земли Русской. В свое хозяйство художника пригласил Герой Социалистического Труда В. Стародубцев для консультации — как спасенный от разрушения храм превратить в центр пропаганды искусства?

В Воронеже Василий Павлович много лет уже бьется над тем, чтобы был создан музей старопечатной книги и икон. Среди первых он поднял голос в защиту Успенской церкви, близ стен которой отчаливали первые корабли русского военного флота Петра I. С великим тщанием собирал и хранил документы, свидетельские показания о том, что в доме № 3 по проспекту Революции родился русский писатель Иван Бунин.

Только за прошлый год в дальнем Богучаре художник организовал четыре выставки, где были представлены его работы, работы художницы Успенской, а также молодых художников Воронежа и Богучара, художников — участников Великой Отечественной войны. Так заинтересовал народ выставками, что посещаемость каждый раз превосходила все ожидания. Этим и доказал — каждому району нужен выставочный зал. В Богучаре открылся первый. Затем в области открылось еще несколько, при которых действуют художественные студии. Криворучко стал желанным гостем в цехах шинного завода после того, как рабочие встре-

Василий Криворучко

(К странице 3 обложки)

ЕМУ РАДОСТНО оглядываться назад: не сфальшивил, не сподличал, выжил, получил признание по законам Чести и Совести. Считает: предков гнули и ломали сильнее.

— Когда я на войне сталкивался с безнравственностью и хамством, то слышал: «Война все спишет», — вспоминает художник Василий Павлович Криворучко. — Ну, а что же в мирное время? Или все уже на войну списано? Трижды за попытку разобратся и получить ответы на вопросы меня из партии пытались исключить.

О его полотнах, посвященных Куликовской битве, его радующих душу храмах заговорили впервые за пределами Воронежа. Наверное, на нынешний день вершиной признания мастерства художника можно считать выход в Чехо-Словакии монографии о его творчестве, творчестве русского патриота, а также

Непризнанного официальными ценителями художника приглашали с выставками города страны: Москва, Новороссийск, Донецк, Тула... Более 50 выставок на счету у человека, не имеющего ни многих почетных званий, ни высокой награды. Только в день 60-летия вспомнили — присвоили звание «Заслуженный работник культуры РСФСР».

На каждой выставке — торги. Его просят продать картины. Когда у него была выставка в Академгородке под Новосибирском, то за все выставленное предлагали хорошо заплатить. Маститые академики просили продать. А он боролся в кулак, и никакой торговли.

— Детей не продаю. Мне бы им приют найти близ места какой-либо исторической битвы — сам бы деньги заплатил.

Куда только В. П. Криворучко не обращался с

тились с художником на выставке, которую он организовал в их Дворце культуры.

Выступления Криворучко в печати, на митингах с требованиями о сооружении памятника писателям Платонову, Бунину, сказительнице Корольковой, о спасении уголков старого Воронежа... Открытые письма руководителям области и города. И везде и всегда — «поперед батьки в пекло». Художник начинает собирать средства на памятник Андрею Платонову, а ему: «Надо сначала добиться решения Совмина СССР на памятник...» А он: «Вот вы и добивайтесь, а я начну деньги собирать. Нас и поддержат».

Настоящий переворот в душе Криворучко случился, по его словам, после поездки на Кольский полуостров. Василий Павлович рассказывает:

— Верещагина от удивленного оторопь бы взяла... Я видел тундру, сплошь усеянную костями... Мои ровесники...

Осенью того же года поехал на поле Куликово. Обратил внимание в одном селе на заброшенный старый дом. Окна забиты. На завалинке сидела старая женщина. Спрашиваю: «Как жизнь, мамаша? Пошто так окна заколотила? Темно жить...» А женщина спокойно: «А какой мне свет нужен? Он кончился, когда мужа на войну проводила... Вот его и жду. С войны не вернулся. На детей похоронку получила, а на него — нет...»

И вот тогда и соединилось в нем все воедино: и удивленное в Заполярье, и видение одинокой женщины, доживающей век на краю исторического поля Куликова... Возможно, ее муж среди тех тысяч без вести пропавших, останки которых он видел под Мурманском? А на поле Куликовом тоже канули в вечность тысячи и тысячи безымянных воинов Дмитрия Донского.

В ту осень, по мнению художника, он по-иному осмыслил и свои военные годы, и свою значимость в этом мире. Творчество художника наполнилось новым содержанием.

Э. П. ЕФРЕМОВ

НАМ ПИШУТ

В редакцию поступают письма наших читателей, в которых содержатся вопросы относительно различных аспектов жизни и деятельности руководителей Коммунистической партии Советского Союза и нашего государства. Среди них немало и таких, которые касаются военной деятельности политических лидеров — воинских званий, наград, полномочий по руководству деятельностью Советских Вооруженных Сил.

Ленинградец Яковлев Иван Степанович, например, спрашивает: «Какое воинское звание имеет Генеральный секретарь ЦК КПСС, Президент Союза Советских Социалистических Республик тов. Горбачев М. С., какие он имеет награды?»

Президент Союза Советских Социалистических Республик, Председатель Совета Оборона СССР, Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев имеет воинское звание полковник запаса. Оно присвоено приказом министра обороны СССР в 1978 году.

Read in this Issue:

B. E. Pestov — Brigade Commander ● V. I. Pribylov — Seizure or Reunification (foreign historians about 17th September, 1939) ● A. V. Pavlov — About Main Reasons ● Unknown Facts About the Caribbean Sea Crisis ● Oath to Citizenship of Russia ● N. F. Shakhmagonov — Russian Military Genius ● L. A. Samutin — Don't Make the Idol ● N. L. Anisimov, V. G. Oppokov — Servant of Anarchy and Order ● E. V. Bykovsky, A. E. Shadrin (photographer) — Borodino-Waterloo: Experience of Reconstruction ● L. M. Zaika, V. A. Bobrenov — Rebellious Ataman ● A. E. Boriskin — Hypocrites ● Victor Budarin — Who is Committed to Rule... ● Vitaly Korotich — Together with Party, Together with People ● What is P. G. Grigorenko (publication of W. K. Petrov) ● E. P. Efremov — Vasily Krivoruchko ● Column of the Editor-in-Chief.

Lesen Sie in diesem Heft:

B. E. Pestov — Kommandeur der Brigade ● W. I. Pribylov — Ergreifung oder Wiedervereinigung (ausländische Geschichtsforscher über den 17. September 1939) ● A. W. Pawlow — Über die Hauptgründe ● Das Unbekannte über die Karibikkrise ● Eid zur Staatsangehörigkeit Rußlands ● N. F. Schachmagonov — Der russische Militärgenie ● L. A. Samutin — Mach kein Idol ● N. L. Anisimow, W. G. Oppokow — Diener der Anarchie und Ordnung ● E. W. Bykowski, A. E. Schadrin (Foto) — Borodino-Waterloo: Rekonstruktions-erfahrung ● L. M. Saika, W. A. Bobrenov — Ein Rebell ● A. E. Boriskin — Heuchlerische Kreaturen ● Wiktor Budarin — Wer den Laden schmeißt... ● Vitali Korotitsch — Aufs engste mit der Partei, mit dem Volk ● Wer ist P. G. Grigorenko (Publikation von W. K. Petrov) ● E. P. Jefremow — Wasiili Kriworutschko ● Die Seite des Chefredakteurs.

ЕЩЕ военные журналы и газеты сегодня переживают трудные времена. Падают тиражи, а это значит, что читатель отворачивается от нас. Раньше было иначе: люди были уверены и истину в журналах не искали. Тираж мог быть тогда и 100 экземпляров, а журнал мог при этом даже процветать. Сегодня развернулась неведомая раньше борьба за умы и сердца людей. Может быть, это сравнимо с 1917—1918 гг. И в этой борьбе, как и тогда, мы должны победить.

Но вот вопрос: какие мы, военная пресса, в атаке мы или обороне, делаем вид, будто ничего не происходит, или делаем вид, будто нас это не касается! Мне кажется, что сегодня военная пресса или в глухой обороне, или делает вид, будто ничего не происходит, либо изображает, что ее это не касается. Наша военная пресса сегодня, кажется, уже дошла до ручки, армию от огоньковщины защищает не военная пресса, а «Московский литератор», «Литературная Россия», «Советская Россия», «Наш современник», «Молодая гвардия». В идеологический бой пошли не военные журналисты, а строевые командиры. С одной стороны, это хорошо, что наши офицеры пошли к микрофонам, телекамерам, взялись за перо и атакуют желтую прессу, но с другой — где же наши профессиональные перья!

Почему так происходит? Причин тут много, и, может, первая из них — так воспитывались наши военные журналисты десятилетиями. Сегодня нас обзывают крепостной печатью. И в этом мы виноваты сами. Мы оказались совершенно неподготовленными к нападению. И когда оно произошло, мы даже не отпрыгали. Да и сегодня — не бойцы. Дело не в том, что нас критикуют за «дедовщину»... Дело в том, что на этом фоне происходит общее разрушение понятий: воинский долг, самопожертвование, защита Отечества...

Мы и сегодня во многом остаемся печатью ведомственной. Не в том смысле, что защищаем свое ведомство, в природе не существует вневедомственного органа печати. Каждый печатный орган защищает свое ведомство. Вопрос в том, как защищать. Ведомственной печатью мы остаемся по кругу, по проблематике. Наша проблематика, как правило, не выходит за казарму, за ворота полка, дивизии. Сегодня так работать нельзя. Сегодня каждый журнал, каждая газета пытается решать проблемы на общенациональном уровне, на уровне глобальном. И если сегодня лопатины ходят в военных сокращениях, то в этом повинна в первую очередь военная печать, наша военная пресса. Это она должна была вовремя показать и ограниченный кругозор, и необразованность новоявленных реформаторов, их военную безграмотность. Статьи военной печати и сегодня констатирующие, а надо, чтобы они боролись, были бойцами.

Сегодня общество поделилось на «знающих все» и «не знающих ничего». «Знающие все» находятся в «Московских ново-

стях» и им подсбных. Тем людям ничего не надо доказывать. Но есть — незнающие. Вот им-то сегодня заново надо доказывать и что такое партия, и что такое армия, что такое подвиг и предательство, долг и измена... Сегодня все смешалось. В борьбе за наши идеалы пресса выдвинулась на самые передовые рубежи. Еще Ленин для себя считал, что ЦО — центральный орган «Правда» — важнее, чем ЦК партии, и всегда боролся за ЦО, а потом уж за ЦК.

Наш журнал в свое время чуть ли не в десяти номерах публиковал работу Раша «Армия и культура». Поначалу никто ее не замечал или намеренно не замечал. И замолчала бы ее «наша демократическая печать», если бы не произошло следующее: статью стали перепечатывать газеты окружные, флотские, пограничные, групповые, начали перепечатывать журналы, цитировать по телевидению и радио. Вот тогда «демократическая печать» и всполошилась.

«Комсомолка» визжит по поводу военного переворота. Она всему миру донесла, что военный переворот был строго спланирован, были отданы все приказы... Но, милая комсомолка, ответь: если армия все спланировала, то почему же эти советские танки и танкетки так и не совершили переворота? Неужели перепугались телефонного звонка какого-то горсоветовского функционера из провинции! У некоторых комсомолок всегда было черт знает что в их кудрявых головках. У сегодняшней комсомолки в голове досада — опять армия помешала... совершить переворот «прорабам перестройки», к коим комсомолка, наверное, причисляет и себя.

Я хочу сказать этим — идет яростная борьба. Перестройку каждый понимает по-своему. Кто-то и так: чем хуже, тем лучше. Я уверен: в перестройке есть два пути: через гражданскую войну и без нее. Военная пресса должна сделать все, чтобы перестройка развивалась без катаклизмов, без карабахов и сумгантов.

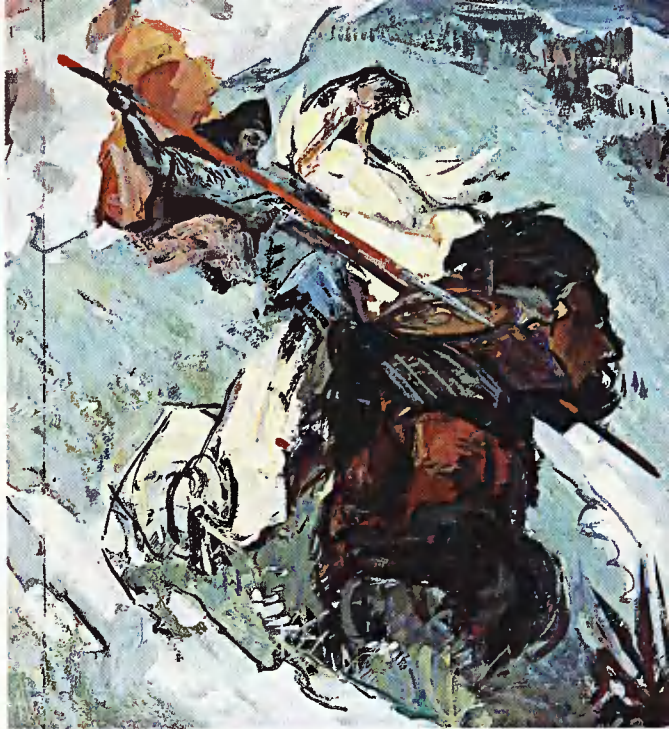
Мы понимаем — это борьба. Иначе не стоило бы выпускать журнал. Только за последние два года тираж журнала увеличился более чем в 10 раз.

И потому, быть может, мы, как никто другой, знаем: перестройка в военной прессе запоздала лет на двадцать пять. Завтра мы превратимся не в крепостную печать, а в гарнизонную, в полковую, в ротную. Если не сделаем выводов.

И все-таки надо бы нам знать, кто конкретно вывел всю военную прессу из игры, расчистив тем самым плацдарм, с которого огоньковщина начала атаку на армию и продолжает вести ее совершенно безнаказанно! Кто распорядился оставить армию, как в 41-м без авиации, в 80-х — без журналистского прикрытия! Кто конкретно загнал военную прессу в казармы в момент, когда развернулась битва!..

Как всегда, спросить не с кого.

Гонорар за материалы этой странички перечисляется на счет № 709344 в фонд помощи раненым воинам-интернационалистам.

ВАСИЛИЙ КРИВОРУЧКО

● Поле Куликово.

● За честь Отчизны
(поединок
Александра Пересвета
с Челубеем).

● Сергей Радонежский
и Андрей Рублев.

● Мамаево побоище.

